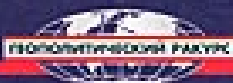

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Е. А. Вандам

ГЕОПОЛИТИКА И ГЕОСТРАТЕГИЯ

Annotation

В сборник включены две работы русского ученого, офицера, военного разведчика Алексея Ефимовича Вандама (Едрихина) (1867— 1933): «Наше положение» и «Величайшее из искусств (Обзор современного положения в свете высшей стратегии)», в которых он анализирует русскую историю с геополитической точки зрения, а также «Письма о Трансваале» (записки об англо-бурской войне).

"Главным противником англосаксов на пути к мировому господству является русский народ.

Полная удаленность его от мировых торговых трактов, т.е. моря, и суровый климат страны обрекают его на бедность и невозможность развить свою деловую энергию.

Вследствие чего, повинуюсь законам природы, расовому инстинкту, он неудержимо стремится к югу, ведя наступление обеими оконечностями своей длинной фронтальной линии."

А.Е. Вандам

-
- - [ЗАБЫТОЕ ИМЯ*](#)
 - [НАШЕ ПОЛОЖЕНИЕ](#)
 - [ВЕЛИЧАЙШЕЕ ИЗ ИСКУССТВ](#)

- [ПИСЬМА О ТРАНСВААЛЕ](#)
 - [\[ТРАНСВААЛЬ\]](#)
 - [\[ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА И ТАКТИКА БУРОВ\]](#)
 - [ВЫСШАЯ СТРАТЕГИЯ И СУДЬБЫ ОТЕЧЕСТВА](#)
 - [ПРИМЕЧАНИЯ](#)
 - [СОДЕРЖАНИЕ](#)
-

Лига *отечественного*
культуронаследия

А.Е. Вандам
ГЕОПОЛИТИКА **И**
ГЕОСТРАТЕГИЯ

На рубеже XX и XXI вв. в российском обществе возник и начал расти интерес к геополитике. Это было вполне закономерным явлением, поскольку эта наука, казалось бы, прочно забытая в Советском Союзе, продолжала жить и развиваться на Западе, а конец XX в. как раз и ознаменовался обострением интереса русских людей к западным реалиям, в том числе и научным. В 80-х годах прошлого века было даже принято считать, что геополитика — явление чисто западное, и в России никогда ничего подобного не существовало.

Российское общество — в лице компетентных организаций — было поверхностно знакомо только с англосаксонской школой геополитики.

Однако же трудами таких энтузиастов, как А. Г. Дугин, С. А. Шатохин, безвременно скончавшийся С. В. Константинов, Е. Ф. Морозов, довольно скоро было установлено — геополитика в России и даже (до 30-х годов XX в.) в СССР существовала и развивалась. Сами открыватели были ошеломлены, когда смогли оценить размах и организованность геополитических исследований в России XIX—XX вв. — словно всплыла на поверхность океана

легендарная Атлантида.

Основы русской школы геополитики заложили своими исследованиями еще знаменитые славянофилы — братья Киреевские и братья Аксаковы, А. С. Хомяков и, в особенности, «последний славянофил» и «предтеча евразийства» — К. Н. Леонтьев. Но поставили ее, как науку, на прочную идейную основу и методологическую базу два великих человека позапрошлого века, работавшие в тесном научном и научно-политическом содружестве — виднейший государственный деятель империи граф Д. А. Милютин и прославленный ученый Н. Я.

Данилевский. Их трудами геополитика (хотя тогда еще и не было этого термина; его дал этой науке позднее шведско-германский геополитик Р. Челен) стала практическим руководством для государственной деятельности.

Полувеком позднее возникли германская и англосаксонская школы геополитики. Их основателем стал знаменитый географ Ф. Ратцель. Его последователи и ученики Р. Челен, Х. Макиндер, А. Мэхэн, К. Хаусхофер, своими трудами создали эти блестящие геополитические школы.

В России же после 1917 г. отношение новой власти к этой науке стало более чем подозрительным, и

постепенно геополитики и геополитика были вытеснены из сферы собственно политики. Только в недрах Генерального штаба, по самой сущности этого учреждения, она продолжала существовать (наиболее яркие ее документы в это время — труды покойного адмирала С. Г. Горшкова), но, оторванная от научных и общественных масс, не могла полноценно развиваться. Только за границей, в эмигрантской среде, русская геополитика получила новое развитие, стала основой и плодом работы такого интереснейшего научного феномена, как евразийство. Классиками геополитики среднего поколения

стали столпы евразийства — Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Г. В. Вернадский и другие, а в России — «последний евриец» Л. Н. Гумилев. Работа современных русских геополитиков, базирующаяся на методологии Милютина—Данилевского, фактически является продолжением идеологием и трудов классического евразийства (по этой причине современная русская геополитическая школа и получила — по крайней мере, на Западе — название «неоевразийства»).

Сейчас в обществе (в том числе и российском) явно зреет понимание необходимости ухода с зыбкой почвы идеалистических идеологий,

перехода к строительству и развитию в рамках реалистических и рационалистических концепций. Наступает век геополитики, науки, которая может вооружить человечество реалистическим подходом к проблеме развития. И в этом процессе концептуального перехода хорошую службу пока неизвестным теоретикам и практикам создания нового мира окажет знакомство с лучшими образцами трудов классиков геополитики и работами современных авторов. В этом и есть смысл и цель открываемой настоящим изданием серии геополитических трудов.

ЗАБЫТОЕ ИМЯ*

Включенные в данное издание работы по геополитике и истории англо-бурской войны принадлежат перу чрезвычайно одаренного человека — Алексея Ефимовича Вандама. К сожалению, сведения о его биографии достаточно отрывочны и не позволяют представить ее в полном объеме. Однако даже те эпизоды его жизни, которые удалось восстановить, позволяют увидеть его противоречивую и неординарную творческую натуру.

Несмотря на достаточно

необычную иностранную фамилию, автор является выходцем из самых низов русского народа. Его подлинная фамилия Едрихин, родился он 17 марта 1867 г.¹ в Минской губернии и происходил из многодетной семьи простого солдата. Семнадцати лет отроду 24 декабря 1884 г. Алексей Едрихин поступил вольноопределяющимся 3-го разряда в 120-й пехотный Серпуховской полк.

В тот период в русской армии существовал институт вольноопределяющихся — лиц в добровольном порядке (в отличие от подлежащих обязательному призыву на основании Устава о воинской повинности 1874 г.) поступавших на

военную службу.
Вольноопределяющиеся,
проходившие службу в пехоте,
состояли на казенном содержании (в
гвардии и кавалерии — на
собственные средства) и в
зависимости от уровня образования
делились на разряды: имевшие не
менее шести классов среднего
учебного заведения относились к 1-
му разряду, четыре класса давали
право причисления ко 2-му разряду.
Едрихин был причислен к 3-му
разряду, что свидетельствовало о его
крайне низком образовательном
уровне.

Вместе с тем, через два года он
поступает в Виленское юнкерское

пехотное училище. Училище это относилось к числу непривилегированных военно-учебных заведений. Среди юнкеров, обучавшихся в нем, количество недворян превышало 75%, так что в юнкерской среде царил подлинно народный дух. Судя по всему, низкий образовательный уровень сказывался на результатах учебы, поскольку 7 августа 1888 г. Едрихин оканчивает училище по 2-му разряду. Это свидетельствовало о получении им на выпускных экзаменах (исходя из 12-балльной системы оценок) среднего балла не менее 7-ми (по знанию строевой службы — не менее 9-ти) при аттестации по поведению

на 2-й разряд. Подобного рода успехи позволяли получить офицерский чин, но выбор места службы осуществлялся по вакансиям, оставшимся после распределения юнкеров, окончивших училище с более высоким баллом — по 1-му разряду. Однако Едрихин производства в офицеры не получает, а в унтер-офицерском чине подпрапорщика выпускается в 117-й пехотный Ярославский полк. Сейчас можно только предполагать причины, по которым училищное начальство сочло возможным приравнять его к юнкерам, окончившим училище по 3-му разряду и действительно не имевшим

по выпуску прав на получение первого офицерского чина и, соответственно, личного дворянства.

Только по прошествии двух лет службы унтер-офицером в 117-м Ярославском пехотном полку — 7 мая 1890 г. он производится в подпоручики. После всех этих перипетий его перспективы с точки зрения военной карьеры выглядели достаточно скромными: низкий выпускной балл давал преимущество более успешным выпускникам, и даже его однокашники имели старшинство в чине на два года больше. При таких стартовых возможностях по устоявшейся традиции Едрихин должен был

завершить службу ротным командиром в обер-офицерских (до капитана включительно) чинах.

Но, надо думать, именно с момента производства в офицерский чин начинаются чудесные превращения в судьбе нашего героя. 30 апреля 1892 г. Едрихин награжден медалью «За спасение погибающих» для ношения на груди на Владимирской ленте. Медаль эта давалась за спасение утопающих или погибающих на пожаре. Причем, она имела два варианта надписей: «за спасение» и «за спасение»: последний вариант свидетельствовал о том, что процесс оказания помощи пострадавшим завершился успешно

— люди были спасены и не погибли. В чем состоял героический поступок молодого подпоручика остается только гадать, но он свидетельствует о личной решимости и отваге Едрихина.

Заветной мечтой армейских офицеров была Николаевская академия Генерального штаба, которая в мирное время одна только и открывала блестящие перспективы в службе. Но поступление в это военно-учебное заведение для большинства претендентов так и оставалось недостижимым желанием. Большие шансы были у гвардейских офицеров, выпускников Пажеского корпуса и

привилегированных военных училищ, меньшие — у офицеров армейской пехоты, выпускников юнкерских училищ, и практически не было шансов у офицеров с такой судьбой, как Едрихин. Их образовательный уровень не позволял не только конкурировать с высокообразованными офицерами, но даже просто выдержать с любым сколько-нибудь высоким баллом 12 (!) вступительных экзаменов (из которых 2 — по иностранным языкам) в академию.

Однако вопреки этому в 1897 г. Алексей Едрихин в чине поручика успешно выдержал все экзамены и поступил в Николаевскую академию

Генерального штаба. И не только поступил, но и успешно осваивал все учебные дисциплины. В 1899 г. он по 1-му разряду окончил 2 класса академии с выполнением письменной работы за дополнительный курс (успешно закончившие первые два курса переводились на дополнительный курс, имевшие же более скромные успехи откомандировывались к прежнему месту службы без выдачи академического знака и без причисления к Генеральному штабу).

Итак, из малограмотного вольноопределяющегося, слабо успевающего юнкера, произведенного к тому же с

двухлетней задержкой в офицерский чин, Едрихин за последующие 7 лет службы в провинциальном гарнизоне путем самообразования достигает невиданных успехов: блестяще берет непреодолимый барьер вступительных экзаменов в академию Генерального штаба и успешно осваивает в ней достаточно сложную даже для весьма подготовленных офицеров учебную программу. Казалось бы, впереди еще один год учебы на дополнительном курсе — и блестящая карьера офицера Генерального штаба, но Едрихин подает рапорт... об откомандировании его в свой прежний полк.

Причины столь странного и необъяснимого на первый взгляд поступка выясняются позже. 9 октября 1899 г. обер-офицер 117-го пехотного Ярославского полка поручик Алексей Едрихин обращается с рапортом на имя Начальника Военно-ученого комитета генерал-лейтенанта В. У. Соллогуба, в котором, в частности, пишет: «Желаю отправиться в Южную Африку, чтобы лично следить за ходом англо-трансваальской войны, и прошу ходатайства вашего превосходительства о скорейшем зачислении меня в запас армии с предоставлением права по

возвращении с театра военных действий быть зачисленным снова в свой полк с зачетом в службу времени, проведенного в отсутствии, и отпуске за это время содержания». На рапорте датированная этим же днем имеется виза военного министра Куропаткина: «иметь в виду для исполнения по возвращении поручика Едрихина»².

В этом рапорте поражает как необычность излагаемой просьбы, инстанция обращения (минуя непосредственных начальников), так характер и оперативность реакции на этот рапорт.

Исследования проблемы участия русских добровольцев в англо-

бурской войне, проведенные Г. В. Шубиным³, показывают, что из десятков русских офицеров, добровольно участвовавших в этой войне, подобной чести (зачет времени службы и выплата за весь период денежного содержания) удостаивались единицы. Причины подобной благосклонности, скорее всего, следует искать в характере той миссии, которую добровольно взял на себя Едрихин, — миссии тайного военного агента России.

В послужном списке А. Е. Едрихина указано, что 11 ноября 1899 г. он зачислен в запас армейской пехоты (по 6 мая 1900 г.) в связи с участием добровольцем в

англо-бурской войне на стороне буров.

Таким образом, получив поддержку руководства военного ведомства, Едрихин отправляется в Южную Африку. Как ни странно, именно об этом весьма туманном эпизоде его жизни мы можем судить достаточно полно — причиной тому неожиданно проявившиеся у него способности на ниве журналистики. Отставной поручик становится нештатным корреспондентом достаточно популярной в то время газеты «Новое время». На страницах этого издания в период с февраля по июнь 1900 г. регулярно публикуются его статьи и очерки. Все они

подписаны псевдонимом «А. Вандам». Наибольший интерес при этом представляют его «Письма о Трансваале» — заметки с полей сражений первой крупномасштабной войны XX столетия. Войны практически неизвестной для современного российского читателя.

Учитывая доступность публикуемых в этом издании «Писем о Трансваале», отметим лишь основные даты южно-африканской эпопеи Едрихина. Итак, фактически выйдя в отставку 11 ноября

1899 г., он вскоре уже отправляется в путь. Одно из первых его сообщений, датированных 22 октября 1899 г., послано из

Амстердама (опубликовано в «Новом времени» 7 ноября 1899 г.), очередная корреспонденция от 2 ноября 1899 г. отправлена из Парижа. Следующие два сообщения от 14 декабря — уже из Южной Африки: из порта Лоренцо-Маркеза. Основная же масса очерков была опубликована в «Новом времени» уже по приезду Вандама в Петербург: с 4 мая по 5 июня 1900 г. В течение же июля-августа он на страницах газеты лишь комментировал сообщения, поступающие с театра военных действий.

В докладной записке Военного министра Куропаткина Императору Николаю II от апреля 1901 г. о

русских офицерах-добровольцах принимавших участие в англо-бурской войне сообщается, что «117-го пехотного Ярославского полка штабс-капитан Едрихин для поездки в Южную Африку вышел в запас. ...Средства на поездку получил от великого князя Александра Михайловича, корреспондировал в газетах. Пробыл на театре военных действий *около двух месяцев* [выделено нами — *И. О.*]. Вследствие болезни и краткости пребывания в Южной Африке мало принимал участия в военных действиях. Все о нем отзывались как о весьма дельном офицере»⁴.

Дату возвращения Едрихина в

Россию можно установить достаточно точно, поскольку буквально через неделю после его приезда он был лично принят Военным министром генералом А. Н. Куропаткиным и имел с ним продолжительную беседу по результатам своей поездки. Их встреча состоялась 7 мая 1900 г. Случайно, или нет, но накануне, 6 мая, Едрихин стал штабс-капитаном.

Таким образом, прибыв в Южную Африку 14 декабря 1899 г., Едрихин покинул ее предположительно в конце марта 1900 г. (дорога домой заняла около полутора месяцев). Время же проведенное непосредственно в

Трансваале — на театре военных действий, как отмечалось выше, было ограничено двумя месяцами (вторая половина января — первая половина марта 1900 г.).

Думается, что основной целью репортажей Едрихина из Трансвааля было не только донесение до соотечественников правды о далекой войне, но и попытка взгляда на Россию сквозь призму зарубежного опыта. И в этом находили свое проявление его истинный патриотизм и любовь к Родине.

В одной из своих корреспонденции он пишет: «Я, насмотревшись за это время на здешние заграничные будни, с

Божьей помощью постараюсь передать своим соотечественникам, что у нас вообще совсем не хуже, чем у других, что наша нравственность и вообще моральная сила очень высока, что физически мы богатыри, наше прославленное пьянство менее ужасно, чем у других народов, наша лень не так велика, как мы говорим, наше невежество вещь поправимая при нашем здоровом рассудке. Наша конфузливость и самоумаление перед иностранцами не имеют никаких оснований»⁵.

Сами репортажи Едрихина — это не только рассказ об увиденном в далекой Южной Африке, но глубокий беспристрастный анализ

причин и следствий возникшей войны. В том числе и ее влияние на Россию (ослабление экспансионистских устремлений Англии на Кавказе и в Средней Азии). Поэтому «Письма о Трансваале» можно рассматривать в качестве классического примера геополитического анализа событий в мире.

Вернувшись из Трансвааля, 13 июня 1900 г. он был вновь принят на службу, а спустя два месяца — 17 августа 1900 г. прикомандирован к Главному интендантскому управлению для несения служебных обязанностей по интендантской части. Таким образом, для Едрихина

наступает достаточно спокойная служба в столице. Однако, это, по-видимому, мало устраивает деятельную натуру штабс-капитана Едрихина, — весной 1901 г. он вновь подает рапорт об отставке. Куда на этот раз повлекло нашего героя установить трудно. Известно, что 13 апреля 1901 г. он зачислен в запас армейской пехоты по Санкт-Петербургскому уезду.

Однако на этом его военная карьера не заканчивается. На Дальнем Востоке зреет новый очаг напряжения: российские интересы все острее сталкиваются в этом регионе с интересами Великобритании и Японии.

Возможно, эти обстоятельства подвигают Едрихина к возвращению в строй. 18 ноября 1903 г. капитан Едрихин был определен из запаса на службу с зачислением по армейской пехоте и назначен... помощником военного агента (атташе) в Китае. Нужно отметить, что в то время назначение на подобную должность само собой предполагало знание восточных языков. Когда и где Едрихин сумел их освоить, установить не удалось. Это мог быть и Лазаревский институт, и курсы восточных языков, и самообразование. Но факт остается фактом: после двух с половиной лет перерыва в военной службе

Едрихина начинается совершенно новый этап на поприще военной разведки. Продолжалась ли его миссия в период русско-японской войны 1904—1905 гг. неизвестно. Во всяком случае, до начала первой мировой войны в его послужном списке в графе «участие в боевых действиях» имелась всего одна запись: «Трансвааль».

7 ноября 1906 г. Едрихин по прошествии семи лет был причислен к Генеральному штабу. Очевидно, решающую роль в этом сыграла его работа в военной разведке. Косвенно об этом свидетельствует обнаруженная военным историком А. Г. Кавтарадзе в фондах 68-го лейб-

пехотного Бородинского Императора Александра III полка⁶ записка капитана Едрихина «Сведения о переустройстве вооруженных сил Китая», датированная 4 января — 23 июня 1906 г.

В 1907 г. упоминание о капитане Едрихине исчезает из официальных документов военного ведомства, вместо него появляется капитан Вандам.

Дело в том, что 29 мая 1907 г. было удовлетворено личное прошение Едрихина о смене фамилии. В этот день состоялся приказ по Генеральному штабу № 46, согласно которому было установлено просителя «всемилоостивейше

именовать впредь Вандам».

Что заставило Едрихина сменить фамилию, доподлинно неизвестно. Остается только предположить, что причины для этого были весомые, поскольку подобного рода приказы по Генеральному штабу большой редкостью. Смена фамилии не связана с женитьбой Едрихина (судя по всему, он женился не ранее периода его третьей добровольной отставки в 1910—1913 гг.) и предполагаемым взятием фамилии жены.

В этой связи можно выдвинуть, по крайней мере, две следующих версии.

Первая из них связана с именем французского полководца Д. Вандама, потерпевшего поражение от превосходящих русско-пруско-австрийских войск в битве при Кульме (в Чехии) в августе 1813 г. (при непосредственном участии М. Б. Барклай-де-Толли). Нужно отметить, что полководцы времен Наполеоновских войн пользовались большой популярностью среди офицеров Генерального штаба. Но выбор имени полководца-неудачника все же представляется малооправданным.

Вторая версия связана с Трансваалем. Подобное имя носил один из героев англо-бурской войны

— африканер, командант Йоганнесбургской конной полиции Ван Дамм⁷. Отряд под его командованием славился своей храбростью на полях сражений с англичанами. И хотя первые корреспонденции, подписанные псевдонимом «А. Вандам» посланы в середине декабря 1899 г. из Амстердама, нельзя полностью исключать возможность того, что в Голландии того времени, где события англо-бурской войны пристально отслеживались и активно обсуждались, Едрихин мог слышать фамилию национального героя Трансвааля. Восхитившись подвигами Ван Дамма, он мог

выбрать в качестве литературного псевдонима производную от его имени фамилию.

В пользу второй версии говорит и положительное решение руководством Генерального штаба вопроса о смене фамилии, — таким способом могли быть подтверждены или отмечены заслуги Едрихина по изучению обстановки на трансваальском театре военных действий.

11 января 1908 г. Вандам был причислен к лейб-гвардии Гренадерскому полку для цензового командования ротой. 22 февраля 1909 г. переведен в Генеральный штаб.

С 7 марта 1909 г. он исполнял должность штаб-офицера для особых поручений при штабе 13-го армейского корпуса (г. Смоленск), 29 марта 1909 г. получил чин подполковника. Однако опять в его военной карьере возникает очередной — уже третий по счету — перерыв. 26 июля 1910 г. по личной просьбе он увольняется со службы с зачислением в пешее ополчение Петербургской губернии. И на этот раз он вновь вернется в строй, но спустя уже почти три года.

По нашим предположениям причины этой очередной отставки были связаны с его желанием реализовать свои литературные

способности. Он продолжает свое сотрудничество с издателем и главным редактором газеты «Новое время» А. С. Сувориным: в 1912—1913 гг. выходят в свет его книги: «Наше положение»⁸ и «Величайшее из искусств»⁹. Они представляют исключительный интерес с точки зрения геополитики. Наука, возникшая на базе трех основных научных подходов: *цивилизационного* (Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, О. Шпенглер и др.), *географического детерминизма* (Ж. Воден, Ш. Монтескье, Г. Бокль, А. фон Гумбольдт, К. Риттер и др.) и *военно-стратегического* (Н. Макиавелли, К. фон Клаузевиц, Х. И. Мольтке, А.

Мэхен и др.)¹⁰, на рубеже XIX—XX вв. делала свои первые шаги.

Обе работы Вандама с полным основанием можно отнести к военно-стратегическому направлению в геополитике. Они, по сути, явились пионерными трудами, которые наряду с работами Д. А. Милютина, В. П. Семенова-Тян-Шанского и А. Е. Снесарева заложили фундамент *отечественной геополитической школы*.

В «Нашем положении» Вандам по существу проанализировал историю развития России сквозь призму геополитического подхода.

Давая характеристику геополитического положения

России, Вандам отмечает, что, несмотря на большие размеры территории, русский народ по сравнению с другими «народами белой расы» находится в наименее благоприятных для жизни условиях.

«Страшные зимние холода и свойственные только северному климату распутицы накладывают на его деятельность такие оковы, тяжесть которых совершенно незнакома жителям умеренного Запада. Затем, не имея доступа к теплым наружным морям, служащим продолжением внутренних дорог, он испытывает серьезные затруднения в вывозе за границу своих изделий, что сильно тормозит развитие его

промышленности и внешней торговли и, таким образом, отнимает у него главнейший источник народного богатства. Короче говоря, своим географическим положением Русский народ обречен на замкнутое, бедное, а вследствие этого и неудовлетворенное существование. Недовлетворенность его выразилась в никогда не ослабевавшем в народных массах инстинктивном стремлении «к солнцу и теплой воде», а последнее в свою очередь совершенно ясно определило положение русского государства на театре борьбы за жизнь»¹¹.

Красной нитью через его работу проходит мысль о том, что главным

геополитическим и геостратегическим противником России всегда выступала и будет выступать Англия (противостояние континентальной и морской держав). Выход из этого положения он видит в создании коалиции сухопутных держав: России, Германии и Франции против «утонченного деспотизма Англии»¹².

Вывод, который напрашивается из прочтения его книги, состоит в том, что в геополитическом плане история России, помимо несомненных достижений, во многом является и историей упущенных возможностей.

Вторая его работа «Величайшее

из искусств» представляет собой геополитический анализ ситуации, сложившейся в Европе и мире накануне первой мировой войны. Вандам пророчески предсказывает не только причины и ход предстоящей войны (включая сценарий ее развязывания), но и возможные ее итоги, от которых Россия, по его мнению, практически ничего не получит. А поэтому Россия ни при каких обстоятельствах не должна позволить втянуть себя в грядущую войну, которая будет вестись исключительно в интересах Англии.

Сам Вандам роль своих произведений оценивал достаточно

скромно, по его мнению, они «представляют собою лишь легкую царапину на девственной и безотлагательно требующей разработки почве русской политической мысли»¹³.

Вместе с тем, многочисленные рецензии, появившиеся в российской периодике после выхода этих книг, свидетельствуют, что мысли и выводы автора оказались чрезвычайно актуальными, и нашли широкий читательский отклик.

О популярности трудов Вандама свидетельствует тот факт, что, например, книга «Наше положение», сразу после выхода в свет, Циркуляром Морского учебного

комитета №112 от 20 апреля 1913 г. была «рекомендована для приобретения в офицерские библиотеки».

Кроме того, по неподтвержденным сведениям, его книга «Величайшее из искусств» в 1916 г. была переведена на немецкий язык и издана в Германии.

Помимо этих двух книг в период 1906—1913 гг. в издательстве А. С. Суворина вышло несколько книг иностранных авторов, перевод которых с английского и французского языков был осуществлен Вандамом (еще одно подтверждение незаурядных способностей этого человека). По

своей проблематике эти книги также лежат в русле научных интересов Вандама, так как охватывают исключительно геополитическую и военно-политическую проблематику¹⁴.

Очевидно, явная угроза возникновения войны, о которой он предупреждал в своих книгах, вынудила Вандама к возвращению на военную службу. 9 декабря 1913 г. он назначается в Киевский военный округ на должность штаб-офицера для поручений при штабе 10-го армейского корпуса, где и встречает первую мировую войну. 13 ноября 1914 г. получает чин полковника. С 3 ноября 1915 г. назначается

командиром 92-го пехотного Печорского полка, а через год, 24 ноября 1916 г., начальником штаба 23-й пехотной дивизии. 22 июня 1917 г. получает производство в чин генерал-майора.

За отличия в боях был награжден орденами Св. Анны 3-й и 4-й степеней с мечами и бантом, а также орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами. Особая награда — Георгиевское оружие за бои во время наступления летом 1916 г. С 29 сентября 1917 г. генерал-майор Вандам состоит в распоряжении Начальника Генерального штаба. На этом его служба в действующей армии завершается.

Во время развала армии он уезжает в Эстляндскую губернию, под Ревель, в имение своего друга генерала графа П. М. Стенбока, где и остается до осени 1918 г. После оккупации Эстонии немцами выяснилось, что имя Вандама является достаточно известным среди офицеров германского Генерального штаба (как уже отмечалось ранее, его книга «Величайшее из искусств» в 1916 г. была издана в Германии). Глубокий геополитический анализ ситуации в мире накануне первой мировой войны и непримиримая англофобия (ко всему прочему, Вандам слыл германофилом), изложенные в его

военно-научных трудах, очевидно, импонировали немцам.

По мнению военного историка Н. Н. Рутченко, именно по этой причине генерал-майор Вандам был приглашен в октябре 1918 г. возглавить формируемый при поддержке немцев добровольческий Псковский корпус, который со временем должен был быть развернут в белую Северную армию.

Вандам прибыл из Ревеля в Псков 12 октября 1918 г. и тогда же отдал приказ по Псковскому корпусу, где объявил, что он временно принимает командование корпусом по просьбе представителей Псковской и Витебской губерний с

целью борьбы с советской властью. Эту борьбу он видел во взаимодействии с другими белыми армиями на основе добровольчества.

21 октября 1918 г. состоялось совещание командного состава корпуса, один из участников которого командир артиллерийского дивизиона подполковник К. К. Смирнов оставил описание этого события, из которого мы впервые можем составить себе представление о внешнем облике Вандама. Итак, К. К. Смирнов пишет: «председательствовал генерал-майор Вандам, человек довольно крупного роста, спокойный, сдержанный, производил впечатление всегда чем-

то недовольного... Генерал явился на совещание без погон, в весьма потертом кителе. Общий вид у него был весьма демократический»¹⁵.

На совещании Вандам заявил, что принимает командование временно, до прибытия из Киева генерала графа Келлера. Последний в годы первой мировой войны снискал себе огромную популярность блестящего кавалерийского начальника, пользовался большим авторитетом среди русского офицерства и поэтому мог стать настоящим вождем антибольшевистских сил на северо-западе. Однако желаемое не было осуществлено ввиду его убийства

петлюровцами в Киеве.

После образования Псковского корпуса на сторону добровольцев перешел ряд частей Красной Армии и корабли Чудской военной флотилии. А после капитуляции Германии (11 ноября 1918 г.) стали раздаваться призывы к проведению всеобщей мобилизации в Северную армию. Однако Вандам от проведения мобилизации и активных действий против Красной Армии в тот период предпочитал воздерживаться. На него посыпались обвинения в бездействии и нерешительности, стали раздаваться призывы к созыву собрания офицеров для выражения недоверия

командующему. Узнав об этом, генерал Вандам 16 ноября 1918 г. отдал приказ о своем уходе с поста командующего по болезни. Вероятнее всего, геополитические интересы Отечества для трезво мыслящего Вандама не могли быть разменной картой в общественно-политической борьбе.

После пребывания в Риге и некоторого времени в Германии (в период занятия Риги Красной Армией в январе-мае 1919 г.) генерал Вандам прибыл в июне 1919 г. в Нарву, где как «состоявший в распоряжении» 21 июня был назначен исполняющим должность начальника штаба Северо-Западной

армии (утвержден в этой должности 28 августа) . Он исполнял эту должность во время октябрьского наступления на Петроград. 25 ноября 1919 г. приказом по Северо-Западной армии Вандам убыл в командировку. Фактически это было увольнение, произведенное новым командующим СЗА генералом П. В. Глазенапом.

После ликвидации Северо-Западной армии генерал Вандам проживал в Ревеле (Таллинне), где состоял членом Георгиевского объединения и Союза взаимопомощи бывших военных. Скончался 16 сентября 1933 г. и похоронен в Таллинне на русском кладбище при церкви Св. Александра Невского.

Так на чужбине обрел свой последний приют Алексей Ефимович Вандам (Едрихин).

Имя автора публикуемых работ находилось в забвении, а путь его, безусловно неординарных и по-прежнему интересных для современного российского читателя, произведений был тернист и долог. Но знакомство с ними рано или поздно должно было состояться. И думается, работы эти найдут отклик и понимание, ибо «наше положение» придает им особую актуальность.

Как будто из сегодняшнего дня звучат его слова: «Россия велика и могущественна. Моральные и материальные источники ее не

имеют ничего равного себе в мире, и если они будут организованы соответственно своей массе, если задачи наши будут определены ясно и точно, и армия и флот будут в полной готовности в любую минуту выступить на защиту наших собственных, *правильно* понимаемых интересов — у нас не будет причин опасаться наших соседей»¹⁶.

*Игорь Образцов, доктор
социологических наук*

** Автор выражает
благодарность Александру
Георгиевичу Кавтарадзе (Москва) и
Николаю Николаевичу Рутченко
(Париж) за помощь и*

*представленные материалы,
которые были использованы при
подготовке данной статьи.*

НАШЕ ПОЛОЖЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В классификации военных знаний искусство вести бой называется тактикой, а искусство вести войну — высшей тактикой или стратегией. Но как бой представляет собою только один из скоротечных актов длящейся обыкновенно годами войны, так и война есть не что иное, как — кратковременный акт никогда не прекращающейся борьбы за жизнь.

Отсюда логически следует, что для ведения борьбы за жизнь

необходимо особое искусство — высшая стратегия или политика.

В чем заключается это искусство и есть ли у нас оно — читатели поймут сами из этого маленького труда, представляющего собою лишь легкую царапину на девственной и безотлагательно требующей разработки почве русской политической мысли.

А. Вандам.

6 августа 1912 г.

С.-Петербург

I.

Несмотря на большие размеры

своей территории, русский народ, по сравнению с другими народами белой расы, находится в наименее благоприятных для жизни условиях.

Страшные зимние холода и свойственные только северному климату распутицы накладывают на его деятельность такие оковы, тяжесть которых совершенно незнакома жителям умеренного Запада. Затем, не имея доступа к теплым наружным морям, служащим продолжением внутренних дорог, он испытывает серьезные затруднения в вывозе за границу своих изделий, что сильно тормозит развитие его промышленности и внешней торговли и, таким образом, отнимает

у него главнейший источник народного богатства. Короче говоря, своим географическим положением Русский народ обречен на замкнутое, бедное, а вследствие этого и неудовлетворенное существование.

Неудовлетворенность его выразилась в никогда не ослабевавшем в народных массах инстинктивном стремлении «к солнцу и теплой воде», а последнее в свою очередь совершенно ясно определило положение русского государства на театре борьбы за жизнь.

Упираясь тылом во льды Северного океана, правым флангом в полузакрытое Балтийское море и во

владения Германии и Австрии, а левым в малопригодные для плавания части Тихого океана, Великая Северная Держава имеет не три, как это обыкновенно считается у нас, а всего лишь один фронт, обращенный к югу и простирающийся от устья Дуная до Камчатки. Так как против середины фронта лежат пустыни Монголии и Восточного Туркестана, то наше движение к югу должно было идти не по всей линии фронта, а флангами и преимущественно ближайшим к центру государственного могущества правым флангом, наступая которым через Черное море и Кавказ к Средиземному морю и через

Среднюю Азию к Персидскому заливу, мы, в случае успеха, сразу же выходили бы на величайший из мировых торговых трактов — так называемый Суэцкий путь.

Но подобное решение самого важного из наших государственных вопросов не отвечало расчетам тиранически господствующим на море и необычайно искусных в жизненной борьбе англичан, а поэтому, несмотря на все блестящие победы наши над турками, хивинцами, туркменами и другими противниками на театрах военных действий, — на театре борьбы за жизнь весь правый фланг наш, в конце концов, потерпел неудачу:

левая колонна его была остановлена в Мерве, средняя в Карсе и Батуме, а самая сильная — правая, уже достигнув проливов, принуждена была повернуть назад и отойти к северным берегам Черного моря.

II.

Наступление нашего левого фланга началось в XVI столетии походом Ермака на Сибирское царство. Одолев это единственное в политическом смысле препятствие, смелая вольница наша потянулась одновременно и к северу, — куда манили ее слухи о больших

богатствах — «рыбьяго зуба» (моржовых клыков), и к востоку, где девственная тайга была населена драгоценным пушным зверем, в особенности великолепным сибирским соболем. В погоне за этой добычей казаки добрались сначала до безграничных пустынь Северного Ледовитого океана, а затем, в начале XVIII столетия, появились и на Камчатке.

Полные необычайного интереса вести этих разведчиков, дойдя до слуха уже лежавшего на смертном одре Петра Великого, вызвали приказ о посылке капитана Беринга для исследования северной части Тихого океана и открытия показывавшегося

во всех тогдашних атласах мифического материка «Гамаланда».

С невероятными трудностями, перевезя на вьюках через пустынную и бездорожную Сибирь все грузы для снаряжения экспедиции, Беринг прибыл на Камчатку, построил в Авачинской губе двухпалубное судно и в 1728 г. совершил на нем свое первое плавание из Тихого в Северный Ледовитый океан через названный его именем пролив, но за туманом не видел американского берега.

Посланный затем вторично, он в мае 1741 г. на двух небольших судах, «Петре» и «Павле», пустился в полную неизвестности ширь

страшно негостеприимного в северных широтах Тихого океана. В июне месяце, в бурю и туман, суда потеряла друг друга из вида и вынуждены были продолжать путь каждый само по себе. В июле оба они, на значительном друг от друга расстоянии, подошли к неизвестной земле. Таким образом, северная часть Тихого океана была пройдена, и таинственный «Гамаланд», оказавшийся северо-западным берегом Америки, открыт был русскими мореплавателями.

На обратном пути претерпевавший страшные лишения от недостатка продовольствия и пресной воды «Петр» был выброшен

бурей на лишенные всякой древесной растительности скалы, получившие в честь скончавшегося и похороненного на них Беринга название Командорских островов. «Павел» же под командой лейтенанта Чирикова благополучно прибыл в Петропавловск.

III.

Результаты этой замечательной экспедиции были огромны. Вернувшиеся из плавания люди рассказали, что «дальше за Камчаткою море усеяно островами, за ними лежит твердая земля; вдоль

берегов тянутся плавающие луга солянки, а на них кишмя кишит всякий зверь, среди которого есть один — ни бобер, ни выдра, больше и того и другого, мех богаче собольего и одна шкурка стоит до 400 рублей».

Эта весть точно кнутом хлестнула по воображению сибирских зверопромышленников. Открытие Алеутских островов и северо-западной Америки явилось для них тем же, чем для искателей золота могло бы явиться нахождение новых приисков, состоящих из одних самородков. И вот вся промысловая Сибирь устремилась своими помыслами к Тихому океану. Спустя всего лишь четыре года на Алеутских

островах работало уже семьдесят семь компаний, собиравших с моря ежегодно миллионную дань.

Привилегированное положение наших промышленников продолжалось несколько десятков лет, но затем в открытых русскими водах начали появляться иностранные соперники. В 1778 г. английский мореплаватель Кук нашел, наконец, дорогу в русскую часть Тихого океана. Вслед за ним пошли: Ванкувер из Лондона, Мирес из Ост-Индии, Квадра из Новой Испании. С другой стороны, обогнув мыс Горн, направились туда же Кендрик, Грей, Инграгам, Кулидж из Бостона и несколько кораблей,

зафрахтованных Джоном Астором из Нью-Йорка.

С появлением этих соперников на промыслах началась настоящая вакханалия. Драгоценный морской бобер истреблялся, не разбирая ни самцов, ни самок, ни детенышей. Не знавшие до той поры ни рому, ни огнестрельного орудия, туземцы из работавших в полном согласии с русскими мирных охотников превращались в опасных бандитов. Охота становилась менее выгодной и весьма опасной.

При таких условиях среди начавших задумываться русских промышленников явился человек, способный не только понять

положение, но и бороться с ним. Это был Григорий Иванович Шелехов. Выработанный им для борьбы с иностранцами план заключался в следующем: объединении всех независимых русских промышленников в одну могущественную компанию; распространить русские владения на никому не принадлежавшем северо-западном берегу Америки от Берингова пролива до испанской Калифорнии; установить торговые сношения с Манилой, Кантоном, Бостоном и Нью-Йорком. Поставив, наконец, все эти предприятия под защиту правительства, устроить на Гавайских островах арсенал и

станцию для русского флота, который, защищая русские интересы и имея обширную и разностороннюю практику на Тихом океане, мог бы выработаться в первый в мире флот.

IV.

Сам Шелехов не дожил до исполнения его предположений, он умер в Иркутске в 1795 г., но его план был одобрен правительством. В 1799 г. вновь образованная Российско-американская компания получила исключительное право охоты, торговли и других занятий в открытых русскими водах и землях

северной части Тихого океана. Высшее руководство действиями Компании оставлено было за главными акционерами в Петербурге, управление же делами на месте поручено было ближайшему сотруднику и другу покойного Шелехова Александру Андреевичу Баранову.

Этот весьма скромного происхождения и по внешности мало похожий на героя человек до пятидесяти лет таил в себе дарования природного вождя и великого государственного строителя. Имея под своим началом лишь служащих компании и не отличавшихся храбростью алеутов,

Баранов перенес главную квартиру компании с острова Кадьяка на населенный свирепыми колошами материк и в Ситхинском заливе заложил столицу Русской Америки Ново-Архангельск. Здесь, вслед за сооружением форта с 16 короткими и 42 длинными орудиями, появилась верфь для постройки судов, меднолитейный завод, снабжавший колоколами церкви Новой Испании. Столица, белое население которой быстро возросло до 800 семейств, украсилась церковью, школами, библиотекой и даже картинной галереей. В сорока верстах у минеральных источников устроена была больница и купальня...

Как центр самой важной в то время меховой торговли, Ново-Архангельск сделался первым портом на Тихом океане, оставив далеко позади себя испанский Сан-Франциско. К нему сходились все суда, плававшие в тамошних водах. Радужно принимая всех иностранных гостей, Баранов ни на одну минуту не упускал из виду русских интересов, и повел дело таким образом, что самые серьезные из соперников — англичане — скоро добровольно ушли из русских вод, американцы же во главе со знаменитым Джоном Астором, сильно сократив число своих судов, вступили в сотрудничество с

русскими и заняли подчиненное положение, а именно: забирая уступавшихся им Барановым алеутов, они охотились к югу от Калифорнии для русской компании, поставляли за меха съестные припасы и т. п.

Устраняя, таким образом, соперников, Баранов, в то же время, не покладая рук работал над упрочением нашего положения. На море он с каждым годом увеличивал число русских кораблей, усеивал острова русскими факториями, заводил торговые сношения с иностранными портами, а на суше все дальше и дальше уходил в глубь материка, прокладывая путь с помощью духовенства и закрепляя

его постройкой фортов. Русские владения росли и к востоку, и к северу, и к югу...

В общем, за время своего пребывания во главе компании Баранов сделал для России то, что не удалось сделать ни одному простому смертному. Он завоевал и принес ей в дар всю северную половину Тихого океана, фактически превращенную им в «Русское озеро», а по другую сторону этого океана целую империю, равную половине Европейской России, начавшую заселяться русскими и обеспеченную укреплениями, арсеналами и мастерскими так, как не обеспечена до сих пор Сибирь.

Зависть и ее верное оружие клевета свалили этого гиганта. Добывавший с моря ежегодно миллионы и не воспользовавшийся из них ни одною копейкой, Баранов заподозрен был в корыстолюбии и, смещенный без объяснения причин, в ноябре 1818 г. отплыл из своего любимого Ново-Архангельска.

V.

С уходом этого великого человека кончился героический период русской деятельности на Тихом океане, и русские, выдвинувшись за море с такою же

смелостью, с какою выдвигались в свое время голландцы, испанцы и французы, подобно им же должны были отступить перед англосаксами.

Этот поворот в ходе событий совершился весьма просто. Узнав о том, что в Америке уже нет больше всемогущего Баранова, англичане снова потянулись в наш промысловый район, а американцы опять увеличили число своих кораблей и начали охотиться у русских берегов. Испуганный неожиданным наступлением соперников, новый правитель колонии лейтенант Гагемейстер обратился за защитой к правительству. Последнее указом 4

сентября 1821 г. объявило право русской прибрежной власти на стомильное пространство воды к западу от наших американских владений. А так как поддержать это право, за неимением в Тихом океане ни одного военного судна*, было нечем, то в ответ на заявление России со стороны Англии последовал немедленный протест, а маленькие, только что выглянувшие на свет С.-А. Соединенные Штаты устами президента Монро громко объявили всему миру, что на открытый испанцами, французами и русскими американский материк они смотрят как на свою собственность и питают надежду, что державы

Старого Света добровольно поймут, что им нечего больше делать в Новом. Вместе с тем англосаксы обоих государств, еще далеко не дошедшие с востока до

** При Баранове для охраны наших промыслов посылалось из Кронштадта военное судно. Но с 1820 г. распоряжение это было отменено и компании предоставлено было защищать себя собственными средствами.*

Скалистых гор, от хребта которых на запад начиналась уже русская земля, потребовали от России разграничения владений.

Результатом возникших отсюда

переговоров явилась чрезвычайно важная конвенция, подписанная в один и тот же день, 16 февраля 1825 г., и с Англией, и с С.-А. Соединенными Штатами. По этой конвенции, заключенной с первой державой, Россия отнесла свою границу на запад от Скалистых гор до 142 градуса гринвичской долготы. Северная половина уступленного нами пространства отдана была Англией Гудзонбайской компании, из которой же образована была так называемая Британская Колумбия. Разграничение с С.-А. Соединенными Штатами состояло в простом отказе с нашей стороны от принадлежавших нам земель,

составляющих ныне богатейшие северо-западные штаты Вашингтон и Орегон. В общем, по конвенции 16 февраля 1825 г. из наших владений на материке Америки за нами осталась лишь одна треть, известная под именем — Аляски, а две трети отданы были англосаксам без всякого вознаграждения с их стороны.

После уступки этих земель, девственные леса которых изобиловали пушным зверем, а прибрежные воды морским бобром и котиком — весьма прибыльная меховая торговля, находившаяся до тех пор на всех мировых рынках почти исключительно в русских руках, начала переходить теперь к

англичанам и американцам; подрезанная в самом корне сужением ее промыслового района, Российско-американская компания принуждена была упразднить понемногу свои фактории и сокращать судоходство, а Россия — отходить на ту базу, откуда Беринг начал свои исследования Тихого океана, т. е. на Камчатку.

Но как на театре военных действий, так и на театре борьбы за жизнь следом за отступающим идет и его противник. Поэтому, не прошло и десяти лет после подписания нами Конвенции 1825 г., как американские зверопромышленники переправились уже на эту сторону Тихого океана. Сначала они устремились на

Командорские острова и принялись за истребление котика. Затем целые флотилии их появились в Беринговом и Охотском морях для охоты на кита. Свободно хозяйничая в наших водах, они заходили в бухты, уничтожали там детенышей китов, грабили прибрежных жителей, жгли леса и т. д. Полная безнаказанность за бесчинства довела дерзость американских китобоев до того, что они начали врываться в Петропавловск, разбивали караул и растаскивали батареи на дрова*.

В то же время систематически наступавшие с юга англичане нанесли сильный удар нашему престижу в Китае. Летом 1840 г. их

флот овладел Гонконгом. Поднявшись затем в устье Янтсекианга, и захватив Вузунг и Шанхай, англичане по договору 1842 г. заставили Китай открыть свои порты для европейской торговли; причем ближайшая соседка Китая Россия умышленно не была включена в число держав, получивших право на посещение открытых портов.

** На Камчатке у нас имелось 100 морских чинов и 100 казаков, составлявших гарнизон, полицию и рабочих для всего полуострова. Укрепления Петропавловска состояли из деревянного бруствера, вооруженного 10 малокалиберными орудиями.*

VI

Озадаченные дружным напором англосаксов, наши официальные сферы пробовали было успокоить общество тем, что, благодаря недоступности Амура со стороны моря, англосаксонские корабли никогда не проникнут в глубь Сибири. Но подобное успокоение действовало слабо. В журналах и газетах того времени появилось много сильных статей, наиболее замечательной из коих была статья Полевого в «Северной Пчеле».

Перечисляя все приобретения и потери России в царствование Дома Романовых, автор высказал мысль, что одною из самых тяжких по своим последствиям потерь была потеря нами Амура. Статья эта обратила на себя внимание Императора Николая I, и Его Величество, несмотря на все опасения министра иностранных дел графа Нессельроде о возможности разрыва с Китаем, о неудовольствии Европы, в особенности англичан, в случае каких-либо энергичных действий с нашей стороны и т. п. приказал снарядить экспедицию из корвета «Менелай» и одного транспорта и отправить ее из Черного моря под начальством

Путятину в Китай и Японию для установления торговых сношений с этими государствами и для осмотра лимана и устья р. Амура, считавшегося недоступным с моря.

Но так как на снаряжение этой экспедиции требовалось 250 000 рублей, то на поддержку графа Нессельроде выступил министр финансов, и экспедиция Путятину была отменена. Вместо нее с необычными предосторожностями и с наисекретнейшей инструкцией послан был к устью Амура Крохотный бриг «Константин» под командой поручика Гаврилова. Хотя последний ясно говорил в своем донесении, что в тех условиях, в

которые юн был поставлен, он поручения исполнить не мог, тем не менее, министр иностранных дел доложил Государю, что приказание Его Величества исполнено в точности, что исследования поручика Гаврилова еще раз доказали, что Сахалин — полуостров. Амур с моря недоступен, а, следовательно, и река эта не имеет для России никакого значения.

Вслед за этим Особый комитет под председательством графа Нессельроде и с участием военного министра графа Чернышева, генерал-квартирмейстера Берга и др. постановил признать Амурский бассейн принадлежащим Китаю и

отказаться от него навсегда.

Решение это казалось окончательным и бесповоротным и оно было бы таковым, если бы в самый критический момент среди русских людей снова не нашелся один из тех праведников, которыми держится Русская земля. Таковым был даровитый моряк и мужественный патриот Геннадий Иванович Невельской.

Отправившись в 1848 г. на транспорте «Байкал» для доставки в Петропавловск казенных грузов, Невельской летом 1849 г. прибыл в устье Амура и после 42-дневной работы установил: 1) что Сахалин не полуостров, а остров, отделяющийся

от материка проливом в 4 мили шириной, при наименьшей глубине в 5 сажений и, 2) что вход в Амур, как из Охотского, так и Японского морей — доступен для морских судов.

VII.

Это открытие, плохо понятое у нас и едва не повлекшее за собою разжалование самого Невельского в рядовые, наоборот, в Англии и Америке вызвало сильную тревогу и целый ряд мероприятий. Но прежде чем говорить о них, позволю себе сделать следующее маленькое отступление.

Простая справедливость требует признания за всемирными завоевателями и нашими жизненными соперниками англосаксами одного неоспоримого качества — никогда и ни в чем наш хваленый инстинкт не играет у них роли добродетельной Антигоны. Внимательно наблюдая жизнь человечества в ее целом и оценивая каждое событие по степени влияния его на их собственные дела, они неустанной работой мозга развивают в себе способность на огромное расстояние во времени и пространстве видеть и почти осязать то, что людям с ленивым умом и слабым воображением кажется

пустой фантазией. В искусстве борьбы за жизнь, т. е. политике, эта способность дает им все преимущества гениального шахматиста над посредственным игроком. Испещренная океанами, материками и островами земная поверхность является для них своего рода шахматной доской, а тщательно изученные в своих основных свойствах и в духовных качествах своих правителей народы — живыми фигурами и пешками, которыми они двигают с таким расчетом, что их противник, видящий в каждой стоящей перед ним пешке самостоятельного врага, в конце концов, теряется в недоумении,

каким же образом и когда им был сделан роковой ход, приведший к проигрышу партии?

Такого именно рода искусство увидим мы сейчас в действиях американцев и англичан против нас самих.

Едва только весть о новых русских открытиях в Тихом океане распространилась по цивилизованному миру, как работавшие у Камчатки и в Охотском море американские китобои потянулись к Амурскому лиману и Татарскому заливу для наблюдения за нашими действиями в тамошних местах. В соседней Маньчжурии появились лучшие из политических

разведчиков — миссионеры. В самих Штатах политическая мысль занялась выяснением вопроса о том, какое значение может иметь величайший из бассейнов земного шара, т. е. Тихий океан, для человечества вообще и для североамериканцев в особенности? Поднятый сначала печатью, вопрос этот перешел затем в вашингтонский сенат, состоявшийся, подобно древнему римскому сенату и английской палате лордов, из самых сильных голов, так называемых «строителей государства». Из произнесенных в этом учреждении в 1852 г. речей, посвященных тихоокеанскому вопросу, самой

замечательной по глубине содержания и ясновидению была речь сенатора штата Нью-Йорк Вильяма Сьюорда.

Со своей стороны и исполнительная власть не сидела сложа руки. Обдумывая над картой возможное в ближайшем будущем занятие Россией Амурского бассейна, руководители американской политики обратили внимание на то, что главные японские острова Иезо, Ниппон и Киу-Сиу, вытянувшись дугой от Сахалина до Корейского пролива, представляют как бы гигантский бар, заграждающий собою то море, к которому не сегодня-завтра Россия

должна была выйти по Амуру. Это обстоятельство сейчас же подсказало привыкшему к сложным комбинациям англосаксонскому уму один из замечательных по смелости, дальновидности и глубине расчета политических ходов, а именно:

Не теряя времени, предпринять морской поход в Японию с тем, чтобы одним ударом утвердить над нею моральное господство С.-А. Соединенных Штатов, взять ее под свою опеку и, постепенно направляя ее честолюбие на азиатский материк, подготовить, таким образом, из этого островного государства сильный англосаксонский авангард против России.

С этой целью по приказанию президента сформирована была и в ноябре 1852 г. отправлена в Тихий океан сильная эскадра в 10 военных судов под начальством командора Перри. Подойдя летом 1853 г. к берегам Японии, Перри, после отказа японцев впустить его в Куригамскую бухту, приступил к бомбардировке прибрежных городов. Никогда не виданные в таком количестве «черные корабли» американцев, энергичные действия и повелительный тон начальника эскадры навели на японцев панический страх и внушили им представление о С.-А. Соединенных Штатах, как о самом

могущественном государстве в мире.

Дав, таким образом, японцам почувствовать сначала силу, Американцы объявили себя затем духовными отцами этого выведенного ими из замкнутого состояния народа и заставили его принять к себе, кроме дипломатических представителей, еще и особых советников по иностранным делам. Последние же, внимательно следя за каждым нашим шагом в Азии и постепенно внушая японцам страх к России и ненависть ко всему русскому, начали превращать нашего легко поддающегося чужому влиянию соседа в подозрительного и опасного

врага...

VIII.

Теперь, что касается Англии, то открытие Невельским нового выхода к Тихому океану заставило эту державу ускорить объявление нам Севастопольской войны, имевшей целью совершенное уничтожение нашего флота и разрушение опорных пунктов на всех морях, омывающих Россию. Неизбежность же этой войны, ставшая очевидной еще в 1852 г., побудила нас в свою очередь к более энергичным действиям на Амуре.

«Ожидаемый разрыв с западными державами, — говорит в своих записках Невельской, — понудил генерал-губернатора прибыть в Петербург для обсуждения предположения о защите вверенного ему края. 22 апреля 1853 г. Н. Н. Муравьев имел счастье докладывать Государю Императору, что, для подкрепления Петропавловска, необходимо разрешить сплав по р. Амуру, ибо берегом нет никакой возможности доставить в Петропавловск ни продовольствия, ни оружия, ни войск. Выслушав доклад Муравьева, Государь того же 22 апреля высочайше повелеть соизволил: написать об этом

Китайскому трибуналу, предложение же Муравьева о сплаве по Амуру запасов оружия, продовольствия и войск рассмотреть в Особом комитете».

В последнем большинстве голосов решено было «плыть по реке Амуру».

Первый торжественный сплав произведен был в навигацию 1854 г.

В это время союзный англо-французский флот из 6 судов, собравшись у берегов Америки, заканчивал уже совместное обучение, и в августе 1854 г. подошел к Петропавловску. Обстреляв береговые укрепления, неприятель спустил на берег 700 человек

судовых команд и двинулся в атаку. Но атака была отбита, и союзники с большим уроном бежали на свои суда.

В следующем, 1855 г., хотя неприятельский флот, доведенный до 17 судов, усилен был еще и отдельной гонконгской эскадрой, тем не менее, операции его оказались столь же безуспешными, так как Петропавловский порт был снят, все имущество его перевезено в Николаевск, а суда введены в устье Амура.

Не успев таким образом причинить нам на Тихом океане почти никакого вреда, крепко зацепившиеся за южный Китай

англичане решили в следующем же, 1856 г. перенести свои действия в северную часть его с целью, несколько схожей с той, с которой американцы посылали в Японию экспедицию Перри. Но восстание в Индии не позволило им сразу же двинуть в Китай значительные силы. Серьезные операции начались лишь в 1858 г. и затянулись до 1860 г., а за это время события на Амуре начали быстро идти к благополучному для нас разрешению.

В конце 1856 г. учреждена была Приморская область, и центр управления всею прилегающей к Тихому океану Сибирью перенесен из Петропавловска в Николаевск-на-

Амуре. В начале 1857 г. утверждено было заселение левого берега Амура, для чего с открытием навигации двинуты были вниз по реке переселенцы Амурского конного полка и под личным распоряжением генерал-губернатора заняли левый берег Амура. При устье Зеи стал лагерь 13-й линейный батальон и дивизион легкой артиллерии. Кроме того, Муравьев формировал в Забайкальской области из крестьян горнозаводского ведомства пеший казачий полк с артиллерией, а в распоряжении адмирала Путятина шли уже из Кронштадта семь военных судов.

Столь решительные меры к

упрочению нашего положения на Амуре произвели сильное впечатление на Китай. Не желавшее вначале разговаривать с нашими дипломатами, пекинское правительство прислало теперь сказать, что «из-за возникших недоразумений не приходится ему разрывать с нами двухсотлетнюю дружбу». Начавшиеся вследствие такого заявления переговоры между иркутским генерал-губернатором и пограничными китайскими властями привели к заключению так называемого Айгуньского договора, признававшего за Россией право на те земли, которые фактически были заняты нами исключительно

благодаря смелой инициативе и неутомимой энергии Геннадия Ивановича Невельского и Николая Николаевича Муравьева.

IX

После Айгуньского договора, подписанного 16 мая 1858 г. и утвержденного центральным китайским правительством в ноябре 1860 г., политическая обстановка на левом фланге сложилась таким образом.

Более ста лет наше сообщение с Тихим океаном совершалось по пути, проложенному вольницей.

Последний участок этого пути от Якутска до Охотска представлял собою узенькую караванную тропу, на 1100 верст тянувшуюся по обрывистым горам, лесам и тундрам к скованному в течение двух третей года льдом Охотскому морю и лежащей за ним вечно голодной Камчатке.

С приобретением Амура мы стали на хороший водный путь, в 4140 верст длиной, и от 300 до 1000 сажень шириной, шедшей по хлебородному краю и приводивший к Японскому морю. Последнее, по сравнению с Охотским и Беринговым морями, казалось теплым, укрытым и вполне удобным для устройства на

нем баз торгового и военного флота. На самом же деле оно обладало следующими крупными недостатками. Во-первых, в зимнее время оно также вдоль материка обрамлялось широкой ледяной полосой. Спасаясь от этого предательского капкана, наш флот четыре месяца в году, в качестве бездомного, вынужден был скитаться по чужим портам, что не могло способствовать его престижу. Во-вторых, выходы из этого моря, как на юг, через Корейский пролив, так и на востоке — через Лаперузов, находились под ударами Японии, за спиной которой стояли уже С.-А. Соединенные Штаты.

Недостатки эти тотчас же замечены были англичанами, почему вслед за ратификацией Айгуньского договора английская печать по сигналу хорошо известного в свое время Равенштейна забила тревогу, указывая на беззащитность Маньчжурии и на то, что начавшая уже спускаться со своих ледников Россия не задержится на Амуре ни одного лишнего дня и при первом же удобном случае двинет свои полки далее на юг к Печилийскому заливу.

Да, но хорошо было говорить об этом наступлении англичанам, для которых весь мир представляет собою раскрытую книгу, которые ясно видели наше положение, знали,

зачем нам нужны Маньчжурия и Печилийский залив и какого рода сопротивление могли мы встретить со стороны Китая. Между тем как для нас самих весь наш левый фланг с его морями, Китаем, Японией, Маньчжурией, Монголией и т. п. казался, да и сейчас кажется, каким-то бесконечным темным лесом, лишь изредка освещенным небольшими полянками, служившими нам для более или менее продолжительного отдыха.

Так, во время нашего господства на Тихом океане, последний имел для нас только одно значение. В течение тысячелетий никем не потревоженная природа развела на

нем бесчисленные стада морских коров, выдр, львов, бобров, котиков и других животных. Это обширное пастбище, приносившее нам значительные доходы, требовало охраны, почему время от времени посылалось туда из Кронштадта военное судно. Но заводить тихоокеанский флот, как этого настойчиво домогались Шелехов и Баранов, обязывавшиеся дать ему отличную стоянку на Гавайских островах, считалось лишним, ибо по тогдашнему нашему мнению Великий океан был и на веки веков должен был остаться мертвой и никому не нужной пустыней. Но вот пришли англосаксы, отняли у нас

наши пастбища, и мы отошли на Камчатку. Затем те же англосаксы направились к Китаю и начали ломать окна и двери нашего соседа. На этот шум мы спустились к Амуру и, сняв с плеч котомку, уселись в ожидании новых событий.

Для народа, одаренного практическим смыслом, творческой энергией и предприимчивостью, в этом и до сих продолжающемся блуждании и нерешительности есть что-то ненормальное. Ясно, что где-то и когда-то мы сбились с нашего пути, отошли от него далеко в сторону и потеряли даже направление, по которому должны были следовать к указанной нам

Провидением цели. А поэтому не пожалею труда и вернемся к самым первым шагам нашей истории.

X.

Достаточно взглянуть на карту Азии, чтобы видеть, что этот материк по линии Гималайских гор подразделяется на две совершенно непохожие одна на другую части — теплый, плодородный юг и холодный, преимущественно степной север. Еще в то время, когда Ромул и Рем питались молоком волчицы, а Моисей готовился вывести своих сородичей из Египта, почти весь юг

занят был уже поседевшими от забот строительной жизни и утратившими способность к наступательной борьбе Китаем и Индией. Известный же под общим именем Татарии север, или, правильнее, самая важная для истории человечества часть его — раскинувшаяся на высоком среднеазиатском плоскогорье Монгольская степь населена была пастухами-кочевниками.

Не знавшие ни государства, ни центральной власти, многолюдные семьи кочевников, точно облака по небу, мирно бродили по необозримой степи, собирая посредством своих стад засевавшуюся для них Господом Богом жатву. Но райски беззаботная

жизнь их не могла длиться до бесконечности. По мере того, как население увеличивалось, приближался и момент, когда «Великая степь», прозванная римлянами *Vagina gentium**, должна была освободиться от своего бремени.

** О месте, откуда выходят и расселяются народы (Прим. ред.).*

В этот знаменательный для степи период среди кочевников выискивался обыкновенно человек бывалый и энергичный, способный составить караван и отвести его на новые пастбища. С помощью четвероногого телеграфа весть о таком вожаке быстро разносилась во

все концы, и к нему начинали стекаться наиболее смелые и решительные из кочевников со своими семьями и стадами. Тихо журча по степи, эти мелкие ручьи сливались затем в шумный человеческий поток, скатывавшийся с плоскогорья и устремлявшийся, смотря по осведомленности и счастью вождя, или на север, или на юг, или на запад.

Вначале такие переселения не встречали препятствий, так как Монгольская степь представляла собою лишь цитадель раскинувшегося у ее подножия грандиозного царства травы, владения которого простирались на

весь Туркестан и юг России. Направлявшиеся преимущественно в эту сторону, кочевники с течением веков составляли гигантскую процессию народов, тянувшуюся от центрально-азиатского плоскогорья к Европе. Последним этапом травяного пути и передовым плацдармом кочевой Татарии была окруженная горами венгерская степь «пушта». Вступая в нее эшелон за эшелонам, пастухи-воины спланивались здесь в армии и бросались затем на штурм Римской империи.

Первая процессия переселенцев, прокочевавшая вдоль Каспийского и Черного морей, состояла из народов,

образовавших кельтскую расу. Когда южный путь был занят таким образом и отчасти закрыт, — начавшая переполняться пастухами Черноморская степь выбросила избыток своего населения в промежуток между Карпатами и Пинскими болотами, — эти народы составили германскую расу. После кельтов и германцев потянулись славяне.

Последние, дойдя до Карпат, очутились в своего рода ловушке. Путь к западу преграждали труднопроходимые для обремененного стадами кочевника лесистые горы; юг загроможден был хвостами кельтской колонны, на

севере лежали Пинские болота, а между ними и Карпатами виднелись еще тыловые части германцев; с востока же начинали показываться новые переселенцы Великой степи. Зажатые таким образом между Днестром и Карпатами, славяне вынуждены были остановиться и, вследствие недостатка пастбищ, приняться за соху; иными словами, из вольных птиц степи стали превращаться в немогущих бросить свое с трудом обработанное поле, а, следовательно, и привязанных к нему полян.

Отсюда наиболее предприимчивые из наших предков, уже в качестве земледельцев, начали расходиться к северу и к югу и образовали своего рода живую плотину, преградившую собою великий низовой путь в Европу. Поэтому новые орды переселенцев, известных под общим именем турок, повернули на юго-запад и по высокой галерее сплошных плоскогорий пошли к Малой Азии, Сирии и Палестине.

С заграждением турками второго и последнего выхода из Татарии, последняя оказалась закупоренной; естественный процесс освобождения ее от

человеческих избытков был
остановлен, и эта страна должна
была в свое время поразить мир
особенно бурным выступлением.
Последнее началось с появлением в
Великой степи Чингис-хана. Собрав
под свои знамена огромные полчища
кочевников, он с одной половиной их
двинулся на восток и, овладев
сначала всей Кореей и Китаем до
Янтсекианга, направился затем в
Индию. В то же время другая
половина чингисхановых орд,
брошенная в противоположную
сторону, наводнила Западную Азию и
Южную Россию.

Подчинив, таким образом, своей
власти почти всю Азию и восточную

половину Европы, воинственная Татария вместе с тем в первый раз со времени своего существования организовалась в Монгольское государство или Золотую Орду.

Но по многим причинам, объяснение которых отвлекло бы нас от главной мысли, основанная монгольскими пастухами империя не могла быть долговечной. Уже с Иоанна Калиты даровитые Московские собиратели начинают управлять волей ханов и руками последних устраняют с пути препятствия к объединению России. Битвой на Куликовом поле Дмитрий Донской решительно заявляет, что в поте лица работающий над своими

нивами русский народ уже больше не слуга привыкшим снимать готовую жатву кочевникам. Грозный самодержец Иоанн IV берет под свою высокую руку царства Казанское, Астраханское и Сибирское. За ними наступает очередь Ханства Крымского.

В течение того же времени наиболее действенное из человеческих орудий — соха, пласт за пластом подымая нетронутую с сотворения мира почву, прокладывает земледелию путь в самую глубь днепровских, донских, волжских и сибирских степей и несет с собою коренную перемену во внешнем виде и во внутренней

жизни страны.

Там, где прежде расстилалась
безбрежная пустыня, не
производившая ничего кроме травы,
— зазолотились моря хлебов,
затемнели сады, зазмеились дороги.
Вместо каждый день переезжавших
на новую кочевку убогих палаток,
явились постоянные жилища,
выросли города и села, поднялись к
небу купола церквей. Вместо
быстрых и шумных, как степной
ураган, татарских полчищ,
переносившихся из одного конца
степи в другой, зашагала медленная и
страшная, как грозовая туча, пехота,
предшествуемая полками хорошо
обученной конницы и

сопровождаемая тяжело
громыхающей артиллерией. Короче
говоря, из первобытной, подобно
птицам небесным питавшейся
одними Божьими дарами Татари
выросла могущественная, живущая
тяжелым хлебопашеским трудом и до
последнего издыхания готовая
защищать свои обильно политые
потом и кровью земли Россия...

XII.

Но заняв место Татари, мы
унаследовали и ее отношения к
южной половине Азии, т. е. главным
образом к Китаю и Индии, а поэтому

посмотрим, какой капитал завещали нам наши предшественники.

Начиная уже с глубокой древности, теплый и богатый юг неудержимо тянул к себе кочевые народы севера. Нашествия их в ту сторону были так часты, что подробное перечисление их было бы утомительным, и мы ограничимся лишь наиболее известными. В 247 г. до Рождества Христова татары опустошили всю Печилийскую провинцию; после чего император Ши-Гуань-ди приказал почтить волею Божьею скончавшееся от преклонных лет военное искусство китайцев постановкой ему памятника высотой в трехэтажный

дом и длиной в три тысячи верст.

Это изумительное сооружение, известное под именем Великой стены, геометрически точно определило собою северную границу Китайской империи, но защитить последнюю от нашествия степных народов не могло. Во II в. после Р. Х. татары снова наводняют Китай, и он распадается на две самостоятельных части — северную и южную. В 1225 г. Чингис-хан проходит Небесную Империю до Янтсекианга и облагает данью династию Сонгов. В 1260 г. внук Чингис-хана — Кублай устраняет Сонгов и начинает собою династию Иен. Наконец в XVII столетии на крайнем юго-востоке

Татарии, среди полуоседлых тунгусов, появляется маленький князек по имени Нурачу. Подчинив своей власти сначала собственное племя маньчжуров и ближайших соседей, Нурачу основывает Маньчжурское царство, со столицей Мукденом. А затем, как подобает доброму северянину, собирает армию и устремляется с нею на Китай. В 1644 г. маньчжуры овладевают Пекином и начинают править Китаем вплоть до последнего переворота.

Затем, что касается Индии, то хотя со стороны степи она защищена была природной стеной Гималаев, тем не менее, в 1024 г. туда

врываються татары Газневиды и овладевают страной до Бенгалии. В 1398 г. Тамерлан захватывает Империю Великого Могола, просуществовавшую до 1759 г., т. е. до вторжения англичан.

Итак, история ясно говорит нам:

1) Что во время существования ТатариИ все наступления в Азии велись исключительно в одном направлении — с севера на юг.

2) Что многочуднейшие в мире, но духовно истощенные и за два последних тысячелетия не могшие произвести на свет ни одного сколько-нибудь возвышавшегося над уровнем посредственности человека, империи Китай и Индия находились

под постоянным господством северных народов.

и 3) Что вооруженная одними луками и саблями, но предводимая смелыми и решительными вождями татарская конница проложила торный исторический путь через великую стену и Гималаи и широко разработала его в умах южно-азиатских народов. Иными словами, что своей многовековой работой она возвела такой фундамент, на котором мы как победители над победителями, располагающие при этом средствами всепокрушительной военной техники, могли бы строить наши отношения к югу Азии в любом из желательных нам стилей.

Спрашивается теперь, куда же девался этот наследственный капитал, и как должны были бы мы воспользоваться им для наших государственных целей?

Верный ответ на этот вопрос может дать опять-таки одна лишь история.

XIII.

Напомним, прежде всего, что наши казаки перешли Урал в конце XVI столетия. В 1587 г. они основали Тобольск, в 1604 г. — Томск, в 1618 г. — Якутск и в 1638 г. — Охотск.

Таким образом, первая линия

нашего наступления к Тихому океану пошла по Крайнему Северу. При холодном климате и огромных расстояниях, расположенные вдоль этой линии селения терпели нужду во многом, особенно в хлебе, которого в Охотском крае нельзя было достать иногда на вес золота. Естественно поэтому, что, узнав от таежных тунгусов о существовании за Становыми горами никем не занятой страны, где люди пахут землю и разводят рогатый скот, наша вольница решила отыскать эту страну, поселить в ней русских хлебопашцев и снабжать хлебом Охотский край.

Отправным местом разведок

явился быстро развивавшийся благодаря звериным промыслам Якутск. Первая партия разведчиков, посланная из него в 1643 г., состояла из 100 казаков под начальством Пояркова. Поднявшись по Алдану, и пройдя более 400 верст по загроможденной дикими скалами пустыне, Поярков вышел к верховьям Зеи и по ней достиг величественного Амура.

Обстоятельно разведав затем в течение двух навигаций бассейн этой реки от впадения в нее Зеи до Татарского пролива, казаки пошли из Амура в Охотское море и в 1646 г., полуживые от трудов и лишений, добрались до Якутска. Причем

Поярков доложил воеводе: 1) что вся открытая им страна удобна для земледелия; 2) что живущие в ней редкими поселками полудикие племена никому не подчинены и 3) что для утверждения русской власти на Амуре достаточно 300 человек, из коих одна половина должна быть распределена гарнизонами в трех или четырех городках, а другая — состоять в подвижном резерве.

В 1648 г. открыт был новый, более западный и более короткий путь к Амуру. После предварительной разведки его отправилась из Якутска вторая партия казаков из 50 человек под начальством составившего ее на свой

счет купца Хабарова для подчинения Амурского края России.

Прибыв в июне 1651 г. на Амур, Хабаров основал у устья реки Албазина городок того же имени и поплыл вниз по реке, останавливаясь в попутных селениях и приводя туземцев в русское подданство. К концу навигации он спустился за Сунгари и остановился на зимовку у Ачанского улуса в построенном им Ачанском городке. Недовольные приходом забиравших у них продовольствие казаков, ачане послали просить помощи у маньчжуров. Последние, только что победив Китай, были в это время в зените своего могущества, почему

наместник богдыхана в Маньчжурии охотно отрядил 2000 своей конницы с 8 орудиями, фузеями и петардами. Отряд этот, под начальством князя Изиня шел к Ачанскому городку три месяца. Но при первом же столкновении с русскими 24 марта 1652 г. маньчжуры были разбиты наголову и бежали.

С открытием навигации Хабаров поплыл вверх по реке, построил у устья Кумары острожек и послал в Якутск доложить воеводе, что Амурский край может быть настоящей житницей для всей Сибири, но что, ввиду опасности со стороны маньчжур, необходимо подкрепление в 600 человек. Дать

таких сил Якутск не мог, но с теми же посланцами отправил просьбу в Москву. Последняя командировала на Амур дворянина Зиновьева с поручением — поощрить казаков, прибавить к ним команду в 150 человек, усилить их снарядами и приготовить все нужное к приходу 3000 войск, которые предполагалось двинуть туда под командою князя Лобанова-Ростовского.

В августе 1653 г. Зиновьев прибыл к устью Зеи, собрал коллекцию из местных богатств, взял с собою представителей туземных племен, Хабарова и повез их в Москву. На Амуре же оставил казака Онуфрия Степанова, изъяв его из

подчинения якутскому воеводе и приказав весь собиравшийся с туземцев ясак посылать прямо в Москву.

Степанов, в груди которого билось сердце Ермака, был весьма рад этой самостоятельности и задумывал уже смелую думу. Не ограничиваясь амурским бассейном, он с горстью своих казаков собирался порешить и Маньчжурское царство. С этой целью, сейчас же после отъезда Зиновьева, он пошел в устье Сунгари, добыл там много хлеба, и, прозимовав у дучеров, весной 1654 г. поплыл вверх по неотразимо тянувшей его реке. После трехдневного плавания за

Хинганскими горами, он встретил сильный отряд пытавшихся загородить ему путь маньчжуров, разбил его и узнал от пленных, что маньчжуры не имели бы ничего против владения русскими правым берегом Амура и низовьем Сунгари до Хинганского хребта, но что они боятся за свои собственные земли и поэтому собираются на будущей год идти на казаков с большими силами.

Ввиду таких известий Степанов поплыл вверх по Амуру к устью Кумары и начал готовиться к защите. Действительно, 20 марта 1655 г. 10 000 маньчжур с 15 орудиями приблизились к Кумарскому острогу, обложили его и после

четырехдневной бомбардировки, в ночь на 25 марта пошли на приступ. Но лихой контратакой казаки нанесли противнику полное поражение и рассеяли всю орду. В следующем 1656 г., поднявшись по Сунгари до самой Нингуты, Степанов поверг в панику всю Маньчжурию, а спустя еще два года, сняв гарнизоны острожков и доведя свой отряд до 500 человек, поплыл за Хинганский хребет с тем, чтобы нанести Маньчжурскому царству окончательный удар. Накануне боя почти половина казаков взбунтовалась. Оставшись с [отрядом в] 270 человек, Степанов, несмотря на чудеса храбрости, был окружен и,

подобно своему знаменитому предшественнику, нашел свою могилу — уже на другом конце Сибири, но также на дне реки...

Со смертью грозного Степанова во всем Амурском бассейне сразу же наступила кладбищенская тишина, продолжавшаяся в течение нескольких лет. Но вот, пролетая однажды над этой молчаливой пустыней, ангел жизни бросил на нее в виде опыта новый росток. В 1669 г. небольшая партия вольницы под предводительством Никиты Черниговского, спасаясь от наказания за убийство якутского воеводы Обухова, бежала на Амур и поселилась в опустевшем Албазине.

Беглецы построили хижины, распахали поля, а затем, с благословения иеромонаха Гермогена, zaloжили и монастырь во имя Спаса Всемилоостивейшего. Скромный, едвa перелетавший на другую сторону реки, благовест маленьких колоколов скоро услышан был, однако, всей Сибирью, и к сразу же сделавшемуся знаменитым Албазину потянулись новые переселенцы. Одни из них устраивались у самого Албазина, другие пошли вдоль реки и рассыпались по притокам. Таким образом, начали оживать острожки Кумарский, Зейский, Косогорский, Ачанский, Усть-Делинский, Усть-

Нимеланский, Тугурский; точно по
щучьему веленью выросли деревни и
слободы — Андрюшкина, Игнатиная,
Монастыршина, Покровская, Озерная
и др. По соседству с ними, в удобных
низинах появились отдельные
заимки, а на вершинах холмов
приветливо замахали своими
крыльями ветряные мельницы. Так
как все это оживление пошло из
Албазина, то, в воздаяние заслуг
последнего, ему в 1684 г. пожалованы
были герб и печать, и он сделан был
главным городом Амурского края,
образовавшего собою
самостоятельное Албазинское
воеводство, первым воеводою
которого был назначен Алексей

XIV.

Только что изложенные факты представляют собою простой и поэтому наглядный пример того, как в деле государственного строительства совершенно незаметно вкрадываются грубые и опасные для дела ошибки. Действительно, ведь не любовь к приключениям, а нужда в хлебе заставила Якутск послать за Становой хребет сначала «ходока» Пояркова, открывшего Амурский край, а затем Хабаровова, присоединившего этот край к России

и намеревавшегося создать из него житницу Сибири. При таких условиях, лично и материально заинтересованный в развитии уже приобретенного им края, Якутск просил Москву лишь об одном — прислать ему подмогу в 600 человек, или, по нынешнему военному расчету, три роты солдат. Казалось бы, чего проще — исполнить эту просьбу и радоваться, глядя на то, как по проложенным Поярковым и Хабаровым путям, при деятельном сотрудничестве якутского воеводы на севере и Хабарова — на юге, начался бы постепенный переход русских людей из холодного и голодного Ленского бассейна и распределение

их по более теплomu и плодородному
Амурскому. Вместо этого
правительство посылает на Амур
облеченного большими
полномочиями Зиновьева, который в
самый разгар деятельности отнимает
Хабарова от дела и увозит в Москву,
откуда этот даровитый и полный сил
человек, пожалованный саном
боярина, уже не поехал на работу.
Заместитель Хабарова, Степанов,
при его бесстрашии был бы
отличным начальником сторожевого
отряда, если бы, оставаясь в
подчинении у якутского воеводы,
получил приказание не ходить к
маньчжурам, а лишь охранять от них
свое. Но его делают

самостоятельным и требуют от него присылки ясака. Разумеется, эта свобода и темперамент сейчас же продиктовали Степанову более широкую задачу. Вместо ясака он начинает думать о военных трофеях, и будь у него не 500 человек, а 5000 — он, наверное, ударил бы челом московским государям и Маньчжурским царством и даже Китайской империей. Этот стихийный человек в данном случае требовал регулятора, без которого он погиб столь же геройской, сколько и бесполезной для родины смертью. После Степанова, обнаженный от войск и опустевший от жителей Амур подчинен был нерчинскому

воеводе Пашкову. Но по горло занятый устройством только что открытого енисейскими казаками Забайкалья и установкой связи между Нерчинском и Иркутском, Пашков, естественно, смотрел больше на запад, чем на восток.

Наконец оживший сам собою Амурский край производится в Албазинское воеводство, и опять вместо обещанных еще в 1653 г. 3000 [чел.] войск, ему спустя тридцать лет прислан был немецкий инструктор поучить казаков, как нужно сражаться с маньчжурами. Иными словами, едва начавший заселяться край, оставлен был положительно без всякой защиты.

Когда после боя у Ачанского городка маньчжурский наместник донес в Пекин о приходе русских на Амур, то совершенно не интересовавшийся до тех пор холодным и пустынным севером и не подозревавший существования такой реки богдыхан понял сначала, что дело идет о Сунгари и Нонни. На это находчивые пекинские царедворцы доложили, что его величество не ошибается в названии рек, но что Сунгари имеет еще один приток, текущий севернее Хинганских гор и называемый тунгусами также Амуром. Результатом такого доклада

было приказание: маньчжурам не ходить по Сунгари севернее Хинганской теснины и не пускать к себе русских на юг. После же набегов Степанова, боясь за свою вотчину, богдыхан приказал оттеснить опасного для него соседа возможно далее от Маньчжурии.

С этой целью в 1671 г. маньчжуры заняли весь правый берег Амура (нынешняя Хейлундзянская провинция), построили против устья Зеи Айгунь и с этой базы начали систематическую очистку Амурского бассейна. К концу 1684 г. из всех русских поселений остался один только Албазин. В следующем 1685 г. 18-тысячная маньчжурская армия с

60 орудиями подошла к Албазину. Плохо снабженные огнестрельным оружием и боевыми припасами албазинцы, всего 450 человек, стойко выдерживали жестокую бомбардировку, пока деревянные стены острожка не были превращены в щепы, а затем вынуждены были вступить в переговоры и с оружием в руках отошли к Нерчинску.

Несмотря на эту неудачу, не прошло и года, как на развалинах Албазина стучали уже топоры, доканчивая новые хижины; точно из земли вырос солидный глиняный вал, а за ним зеленели вспаханные и засеянные вернувшимися на свои пепелища жителями поля!

Необычайное упорство русских в бою и способность их к бесконечному возрождению начали внушать Пекину суеверный страх, и наиболее даровитый из сидевших на китайском престоле маньчжуров Канси дал повеление отнять у нас Амур во что бы то ни стало. И вот в июне 1687 г. снова маньчжурская армия (8000 чел., 40 орудий) подошла к Албазину. Снова албазинцы (736 чел., 6 орудий) сожгли свои дома за крепостью и зарылись в землянки. Еще менее уверенные в себе, чем в первую осаду, маньчжуры стали лагерем и прикрыли себя деревянной стеной. Албазинцы одну часть стены сожгли калеными ядрами, другую

подорвали. Тогда осаждавшие обнесли свой стан земляным валом и, разметив на нем орудия, открыли огонь. 1 сентября они попробовали было штурмовать крепость, но, отбитые с громадным уроном, отошли на свою позицию. К несчастью, во время сентябрьской бомбардировки убит был храбрый воевода Толбузин, и затем среди осажденных началась цинга. Зная положение крепости, маньчжуры, тем не менее, не осмеливались на новый штурм. Наоборот, уставшие и почти наполовину ослабленные потерями от боевых столкновений и болезней, они чаще смотрели в сторону Айгуня, чем Албазина. В

феврале 1688 г. они совершенно прекратили бомбардировку, а в мае отодвинулись на четыре версты и перешли к блокаде. В это время в крепости от всего гарнизона оставалось в живых лишь 66 человек. Но судьба Амура и всего нашего левого фланга решилась не под Албазином, а в Нерчинске, и это решение заключает в себе особый интерес для мыслящей публики.

XVI.

В более трудной и требующей большего искусства, чем война, борьбе за жизнь, народ представляет

собою армию, в которой каждый человек борется по собственной стратегии и тактике. Но правительство, как главнокомандующий своего народа, обязано: во-первых, внимательно следить за тем, в какую сторону направляется народная предприимчивость; во-вторых, всесторонне и хорошо изучив театр борьбы, безошибочно определять, какое из направления наиболее выгодно для интересов всего государства; и, в-третьих, с помощью находящихся в его распоряжении средств, умело устранять встречаемые народом на его пути препятствия.

Рассматривая с этой вышки наше положение на левом фланге накануне первого русско-китайского договора 1689 г., мы видим следующее: богатая пушным зверем тайга потянула нашу вольницу от Уральских гор прямо на восток — северо-восток до конца Сибири. Но вот енисейские и якутские разведчики, уклонясь к югу, открыли страну, которая по сравнению с холодной и мрачной тайгой показалась им раем небесным, ибо леса ее изобиловали тем же драгоценным соболем, а реки рыбой, но при этом теплый климат и безграничные пространства плодородной земли давали каждому

желавшему возможность сделаться помещиком.

Нет сомнения, конечно, что подобное географическое открытие должно было оказать влияние на маршрут вольницы. А так как сама она, по отношению ко всему русскому народу, составляла лишь передовую часть, прокладывавшую путь другим, следовавшим по ее стопам предприимчивым людям, то мало-помалу и весь поток русской энергии, нацеленный первоначальными обстоятельствами на Камчатку, должен был уклониться к юго-востоку, сначала на Амур, а затем и к Желтому морю.

Лежавшую на этом пути

Маньчжурию нельзя было считать серьезным препятствием. Родина Чингис-хана* и наше историческое наследство, она, подобно остальной территории Золотой Орды, населена была сырым человеческим материалом.

** Чингисхан родился в нынешней Хейлундзянской провинции, в одной из долин Хингана.*

Правда, маньчжурские тунгусы успели организовать государство, но ведь организация-то была случайная и временная, с целью похода на Китай. Образовавшаяся же после завоевания Небесной империи династическая связь с последней, не

усиливая ни Маньчжурии, ни Китая, ставила лишь в трагикомическое положение повелителя этих государств. Выведя из своей вотчины все ее лучшие силы, богдыханы не могли отправить обратно ни одного человека, ибо сами непрочно сидели на пекинском престоле. Посылать же на помощь маньчурам китайцев значило: не принеся никакой пользы делу, в то же время подорвать все обаяние своего военного могущества. Итак, в результате Маньчжурия могла обороняться одними собственными силами. Боевые же качества маньчжурских войск определились как при первой стычке 150 казаков Хабарова с 2000 маньчжуров князя

Изинея, когда в рукопашном бою последние потеряли 750 человек убитыми, все орудия и знамена, так и в последовавших боях, где наши противники были неукоснительно биты, раз только их приходилось менее полуроты на одного русского.

При таких условиях, если правительство по каким-либо причинам не могло поддержать своевременно наш левый фланг войсками, то оно, во всяком случае, должно было обратить внимание на тот факт, что открытие Амура и появление на свете первого, второго и третьего Албазинов совершалось не административным велением, а вот какой причиной: в то время как в

Якутске фунт хлеба стоил 10—15 коп., в Албазине весной 1687 г. рожь и овес продавались по 9 коп. за пуд, пшеница по 12 коп., горох и конопляное семя по 30 коп. Ешь — не хочу и наживайся, снабжая богатую золотом и мехами тайгу!

Эта простая и сильная, как сама жизнь, причина вместе с молодой энергией не боявшегося препятствий и приобретшего право пренебрежительно смотреть на загораживавших ему путь туземцев народа были надежным ручательством тому, что на месте третьего Албазина возник бы четвертый, пятый и может быть шестой, но, в конце концов, русские

люди беспрепятственно поплыли бы и в низовья Амура, и к верховьям Сунгари. Для этого требовалось только одно — самим не увеличивать тех преград, с которыми справилась бы со временем народная энергия.

К несчастью, сделав уже одну крупную ошибку с посылкой на Амур дворянина Зиновьева, московские приказы придумали новую и еще горшую. Не чувствуя сил своего народа, не понимая совершившихся событий и не зная поэтому что предпринять, они при первых же выстрелах в головном отряде отправили в Пекин сначала канцеляриста Венукова, а за ним канцеляриста Логинова с

извещением, что вслед за этими гонцами едет воевода Головин, чтобы с общего согласия положить границу между Россией и Китаем, т. е., в данном случае, провести черту, дальше которой нельзя наступать русскому народу!*

** Многие слова, в силу частого их повторения, теряют обыкновенно свой глубокий внутренний смысл. Так, слово «граница» обозначает собою преграду, стеснительную для наступающего и выгодную для обороняющегося. Давным-давно утративший свою агрессивность и перешедший к обороне Китай, замкнувшись со стороны моря и обнеся все свои города высокими*

каменными валами, в то же время воплотил и идею границы в своей знаменитой великой стене. Так как на своем левом фланге Россия была наступающей стороной, то ясно, насколько ошибочен был почин нашей дипломатии.

Сгорбившийся под тяжестью лет и жизненного опыта, Китай сейчас же понял все выгоды такого предложения и воспользовался им как нельзя искуснее. Хорошо зная, что у нас во всем Нерчинском воеводстве было не более 500 казаков, китайские уполномоченные привели с собою в Нерчинск десятитысячную орду пеших и конных слуг,

погонщиков, носильщиков и тому подобного, вооруженного всяким дрекольем люда. С этой, имевшей одно только подобие военной силы, толпой, приведенной в решительный момент и на решительный пункт театра борьбы за жизнь, Китай одержал над нами величайшую из когда-либо одерживавшихся им побед.

Под угрозой атаковать Нерчинск, китайские уполномоченные заставили чувствовавшего себя точно в плену Головина подписать 26 августа 1689 г. печальной памяти Нерчинский договор, согласно которому Россия должна была отказаться от всего принадлежавшего

ей по праву открытия Амурского бассейна. Не вовремя пожелавшаяся нам граница с Китаем проложена была: на западе по — р. Горбице, на севере — по Становым горам, а на востоке, по нетвердому знанию уполномоченными обоих государств географии страны, осталась неопределенной. Для лучшего обозначения северной границы решено было поставить вдоль нее каменные столбы, Албазин разрушить, и все, что оставалось русского на Амуре, увести на север с тем, чтобы на будущее время ни один русский человек не смел перешагнуть за запретную черту. Иными словами, слабый, никогда не

могший справиться с кочевниками
Китай, улучив минуту, заставил нас,
— молодой, полный наступательной
энергии народ, поднять на свои
плечи его уродливую стену и
перенести ее на Горбицу и Становые
горы...

XVII.

Теперь, чтобы видеть
непосредственный результат этого
договора, перенесемся мысленно в
Якутск, бывший в то время главным
этапом протоптанного казаками пути
по тайге. Став на эту точку, мы
сейчас же почувствуем себя в

положении и витязя на распутье, и нашей вольницы накануне, новых ее подвигов: направо, по Становому хребту, — великая китайская стена, укрепленная всей строгостью наблюдения собственных властей, налево — Лена, широкая, могущественная, но постепенно ведущая в царство мрака и холодной смерти; прямо — та же суровая и задумчивая тайга, все с большим и большим трудом всползающая на выраставшие перед нею горы и все чаще и чаще уступающая поле битвы надвигающейся на нее с севера тундре... Задумываться над тем, в какую сторону держать путь, было нечего.

И вот, после минутного роздыха, казаки — эти красивейшие своей отвагой из всех рыскавших по еще молодой тогда и просторной земле человеческих хищников, с крестом на шее и несколькими зарядами за пазухой устремляются к Охотскому морю, с него на Камчатку, с Камчатки на Курильские острова, с Курильских на Алеуты, с Алеутов на никому, кроме русских, неизвестный американский берег. Бесстрашно носясь на сколоченных из подручного материяла судах по волнам вечно сердитого и вечно кутающегося в холодную мглу Великого океана, они выписывают на бесчисленных островах его, мысах,

бухтах и вулканах целый календарь православных святых, попеременно с именами Прибыловых, Вениаминовых, Павловых, Макушиных, Шумагиных, Куприяновых и т. д. и т. д. Божью милостью полководцы и государственные люди Шелеховы и Барановы завоевывали и устраивали за морем целые царства и накладывают свою руку на самый океан.

Такой энергии, предприимчивости и дарований хватило бы не на одну Маньчжурию, представлявшую собою последний «клин» Татарии и последний этап нашего сухопутного марша к Востоку,

но и на достижение главной жизненной цели нашей.

А чтобы понять, в чем именно заключалась последняя, вспомним сначала, что в течение многих веков под словом «Восток» западноевропейские народы подразумевали те южно-азиатские страны, которые Небо щедро наградило драгоценными произведениями тропиков: знаменитые страны ароматов, слоновой кости, черного дерева, золота, самоцветных камней, камеди и в особенности многочисленного собрания продуктов, как чай, сахар, кофе, перец, корица и т.д., известных на Западе под общим именем

«пряностей», а у нас — «колониальных товаров».

Ведь не для чего другого, как для отыскания этих стран, предпринят был в XV и XVI столетиях целый ряд морских походов, создавших плеяду славных имен, во главе с Васко да Гама, открывшим путь на юг Азии вокруг мыса Доброй Надежды, и Христофором Колумбом, отправившимся на поиски Индии и нашедшим Америку.

Запертая со всех сторон на суше, Россия не могла, конечно, и думать тогда ни о каких экспедициях и ни о каких тропических странах. Но вот пришло время, и сама судьба начала направлять нас к тому же «Востоку».

Когда наша вольница, молодцевато закинув кремневку за плечи, собиралась уже выступить из Якутска, Провидение зажгло на Амуре такой сильный маяк, свет которого сразу же сделался виден всей России, и этим ясно сказало нам «вот ваша дорога!». Небольшое препятствие, которое Оно положило на этом пути в лице Маньчжурии, было необходимо, чтобы задержать шедшие налегке и слишком выдвинувшиеся вперед головные части, заставить их уцепиться за землю, выждать подхода новых эшелонов и затем уже в наступательном порядке идти от «теплой реки» к «теплому морю».

Если бы на прохождение этого последнего этапа и на обращение самого слабого из остатков Золотой Орды в совершенно русскую страну нам понадобилось даже полтора столетия, то и в этом случае уже сто лет назад мы стояли бы на берегах Желтого моря столь же безопасно, как сейчас на берегу Балтийского.

А теперь возьмите циркуль, измерьте, во сколько раз ближе были бы мы с этой базы к Индии, Сиаму, Зондскому архипелагу, Филиппинам и находившемуся бы на одном с нами дворе Китаю, чем вся Западная Европа, или Америка, долженствовавшие путешествовать вокруг мысов Доброй Надежды и

Горна, — и вам станет ясно, что главнейшая задача всей государственной политики нашей заключалась в обладании богатым югом Азии, являющимся естественным дополнением бедного Севера. Со своим первобытным взглядом на жизнь и первобытным оружием татары решали эту задачу в форме господства над Китаем и Индией; — мы же, как народ высшей культуры, должны были решить ее иначе, а именно: закончив наше наступление через Сибирь выходом к Желтому морю, сделаться такой же морской державой на Тихом океане, как Англия на Атлантическом, и такими же покровителями Азии, как

англосаксы Соединенных Штатов — Американского материка. При этом условии мы были бы теперь не беднее и не слабее страшно теснящих нас ныне жизненных соперников.

К несчастью, задача эта не была понята нами и к самому важному историческому моменту, когда указанная нам самим Провидением арена была еще свободна. Когда англосаксам Америки предстояло еще перейти от Атлантического океана через всю ширь своего материка, а Франция и Англия вступили в борьбу, долженствовавшую решить, которое из этих государств впредь до полного

истощения вынуждено будет
вращаться в орбите честолюбия
своего противника — мы оказались
точно распятыми на кресте нашего
нерчинского недомыслия.

В одной стороне — за Тихим океаном — оторвавшаяся от государства огромнейшая творческая сила в титанической борьбе с туманами, бурями, дикарями и белыми бандитами строила эфемерную Российско-Американскую Империю, т. е. выравнивала и уплотняла почву для англосаксов Америки; в другой — на полях Италии, на высях Швейцарских гор, под Шенграбенем, Аустерлицем, Прейсиш Эйлау,

Фридландом и по всему кровавому пути от Москвы до Парижа доблестнейшая из всех армий собирала камни для пьедестала английскому величию...

XVIII.

В течение всего этого времени превратившаяся из великого исторического пути в столь или не столь отдаленные места Сибирь, как заброшенное поле, начала прорастать сорными травами, среди которых ярче других выделился своею весьма конфузной для нашей осведомленности и государственного

трезвомыслия зеленую чертополох «желтой опасности».

Не сумев войти в Китай с открывающегося на море парадного подъезда и помилившись на узенькой кяхтинской щели, — мы, из страха потерять и последнюю, во-первых, не решились высказать свое удивление: когда же это и каким образом ни разу не вылезавший из-за своей каменной перегородки, Китай овладел цитаделью Татарии — Монголией и оказался нашим непосредственным соседом? Во-вторых, узаконив молчанием этот захват, мы точно связали себя клятвой никогда не заглядывать за новую китайскую границу и не

интересоваться тем, что там происходит.

В результате получилось вот что.

В то время как наши политические исследователи с усердием семидесяти толковников целыми томами поясняли смысл загадочной строки нерчинского трактата «...далее, по тем же горам, до моря протяженным...», а Академия наук ломала голову над вопросом, куда же девались те виденные одним из ее членов Мидендорфом кучи камней, которые должны были изображать собою пограничные столбы? — граф Нессельроде, основываясь в 1850 г. на донесениях селенгинского

коменданта Якоби, писанных в 1756 г. (т. е. 94 года назад), и на сообщениях иеромонаха Иакинфа, докладывал Государю и, как министр иностранных дел, убеждал Особый комитет не касаться Амура, в устье которого есть большие города, крепости и целые китайские флотилии с экипажем в 4000 человек.

Сведения министра оказались на поверку ошибочными. На нижнем Амуре ни о каких городах, крепостях и флотилиях не было и помину. Невельской нашел там только одного старого маньчжурского купца, на коленях умолявшего простить его дерзость и не выдавать

маньчжурским властям. Вверх по реке прозябали те же полуоседлые дауры. Выстроившийся для встречи Н. Н. Муравьева айгуньский гарнизон поражал убожеством своего вида и допотопностью вооружения. На желание генерал-губернатора почтить салютом своего гиринаского коллегу, последний ответил поспешной просьбой не делать этого, «потому что мы народ мирный, да и наши военные не любят выстрелов».

Все это ясно говорило, что взявший на себя роль охранителя Китая сырой маньчжурский материал разложился окончательно, и что прав был Равенштейн, указывая на полную беззащитность самой Маньчжурии и

на возможность для нас в любой момент с одной дивизией дойти до Печилийского залива, а при желании и до Пекина. Его опасения были ошибочны лишь в том отношении, что, вполне довольные бескровным занятием левого берега Амура, сами мы, во-первых, недоумевали, зачем, собственно говоря, нужен нам Печилийский залив? и, во-вторых, были убеждены, что какие бы там сказки ни рассказывала история, а четыреста миллионов все-таки серьезная вещь!

Этот выросший на почве глубокой неосведомленности суеверный страх перед цифрой явился одной из причин

непростительно долгого лежания под сукном [проекта] Сибирской железной дороги, о постройке которой хлопотал еще Муравьев. Продолжая смотреть на Азию глазами находившихся в иных условиях и имевших еще кое-какое право не торопиться московских приказов, мы пугались созданного нашим воображением миража и не замечали следующей убийственной действительности: маленький, но управляемый большими и смелыми людьми островной народ, являсь Бог знает откуда и зайдя с другого конца указывавшейся нам судьбой арены, овладел сначала Индией и безбоязненно посадил над

тремястами миллионами ее семьдесят тысяч своих чиновников. Направившись затем к востоку, он без малейшего колебания подошел к четырехсотмиллионному Китаю, силой заставил его открыть на море все окна и двери, посадил в Пекине своих советников и приступил к работе по закупорке нам выхода к Печилийскому заливу.

В 1801 г. на том пути, по которому со своей сорокатысячной ордой прошел из Маньчжурии в Пекин последний северный завоеватель Нурачу, англичане заняли Ньючванг. Чтобы помочь Китаю поскорее справиться с тайпинским восстанием и сосредоточить

внимание на обороне Маньчжурии, они предоставили в распоряжение пекинского правительства майора Гордона. Во время голода 1864 г. посоветовали Китаю направить из провинции Шанзи переселенцев на находившийся до тех пор под строгим запретом север. Наконец, по совету английских специалистов, Китай приступил к укреплению Порт-Артура, устройству арсеналов в Гирине и Мукдене, проведению телеграфа в Айгунь и реорганизации маньчжурских войск.

Хорошо понимая всю бутафорию этих мероприятий и смеясь в душе над «желтым неразумием» людей, не могущих

разобраться в том, что делается у них же под боком, английская печать, откуда мы и до сих пор черпаем всю нашу политическую мудрость, воодушевление и страхи, заблаговестила о воскресении народа, набальзамированного обычаями, одетого в общий для всех 400 000 000 мундир, повитого фыньшунем и две тысячи лет назад улегшегося в каменные гробы своих городских стен, — заблаговестила и произвела нужное ей впечатление....

Если бы не сильная воля Императора Александра III, мы, вероятно, так бы и замерли в почтительном созерцании горизонта, на котором вот-вот появится

отрастивший себе новые когти
четырехсотмиллионный дракон!

XIX.

Этот созданный исключительно
нашим воображением мираж
вторично остановил ход нашей
истории, и когда в 1891 г. мы
приступили, наконец, к постройке
Сибирского пути, то благоприятное
время для этого было упущено и
притом навсегда, ибо вслед за
одними соперниками, англичанами,
на великую восточную арену
стремились уже англосаксы
Америки.

Чтобы ускорить движение по своему материку, американцы в 1862 г., т. е. как раз в то время, когда эскадра Лесовского, стоя в Нью-Йоркской гавани, охраняла наших «традиционных друзей» от Западной Европы, заложили первую железную дорогу, за которой последовала вторая, третья, четвертая и пятая. В противовес Владивостоку, они к северу от Сан-Франциско основали достигшие в настоящее время огромного развития порты — Сиэтл, Такому и Портланд. Скупив затем через подставных лиц акции Российско-Американской Компании, они почти даром забрали Аляску и вытолкнули нас из Тихого океана,

оставив пока в виде памятника
былому нашему величию в этих водах
Командорские острова с могилой
Беринга...

Одновременно с такою
материальной подготовкой,
американские профессора, писатели
и ораторы на страницах серьезных
журналов, с университетских кафедр
и подмостков общественных
собраний начали уяснять народу, что
ни одно государство, как бы оно
богато ни было, не может
существовать исключительно
собственными средствами. Подобно
верблюду, сберегающему свой горб на
случай крайности, ему нужно
получать свое питание извне. Этим

питанием должна служить заграничная торговля, а образцовому разрешению питательного вопроса надо учиться у англичан. Еще невиданная миром империя этого народа скована цепью, состоящей из трех звеньев: 1) огромного производства необходимых человечеству предметов; 2) облегающих земной шар морских путей с многочисленнейшим подвижным составом, в виде торгового флота, и 3) внешних рынков. Что внешние рынки — это залог материального благополучия, внутреннего мира и высокого умственного развития. Наконец, что, ввиду всего этого, первым шагом

американцев к достижению внешних рынков должно быть твердое решение всего народа не допустить ни одно из иностранных государств к приобретению угольных станций на расстоянии 3000 миль от Сан-Франциско и Центральной Америки.

Согласно преподанной в такой форме директиве, поселившиеся на Кубе и Гаваях американские промышленники и торговцы поднимают в 1893 г. восстание на этих островах и поддерживают его в ожидании момента, наиболее благоприятного для открытого вмешательства С.-А. Соединенных Штатов*.

Вместе с тем и на востоке Азии

начало свою работу то принесенное в мир англосаксами искусство борьбы за жизнь, посредством которого новые завоеватели создают события и усеивают ими море жизни таким образом, что на этих подводных камнях терпят крушение одинаково и друзья, и враги англосаксов.

Уже с первого дня постройки Сибирской железной дороги специальные американские советники при японском министерстве иностранных дел начали указывать Японии на то, что Россия никоим образом не может удовлетвориться замерзающим на 100 дней в году и лежащим на закрытом море Владивостоком, как

конечной станцией своего грандиозного пути, и будет искать нового, более удобного выхода на Корейском полуострове. Помешать этому движению не могли бы ни сама Корея, ни предъявляющие на нее свои верховные права Китай. С утверждением же России на Корейском полуострове, Япония, по словам ее американских благожелателей, оказалась бы на краю гибели; а поэтому ей следовало бы предупредить Россию и самой занять Корею.

* «Восстание на Кубе, — говорит известный американский дипломат Е. Д. Фелпс, — погибло бы само собою от истощения, если бы

оно не поддерживалось и духовно и материально постоянной посылкой подкреплений из Соединенных Штатов, в прямое нарушение наших законов о нейтралитете и договорных обязательств».

XX.

Проникшись простыми и ясными доводами своих советников, японское правительство посредством разосланных по Китаю офицеров осмотрело места высадок, дороги, переправы, укрепления; пересчитало китайских солдат, лошадей, пушки, повозки; навело справки о характере

и способностях генералов, и в июле 1894 г. неожиданно для всех двинуло свои войска на Небесную империю.

Боями 3 и 4 сентября 1894 г. в Корее и у берегов ее японцы открыли себе путь в Маньчжурию сушей и морем. Одна колонна их переправилась через Ялу и пошла на Фенхуанчен и Хайчен. Другая, высадившись у Бидзыво и севернее Талиенвана, овладела Порт-Артуром. Затем обе колонны соединились, выбросили в марте 1895 г. китайцев за Ляохэ, и Япония объявила о своем намерении удержать за собою все пройденные ее войсками земли.

Но, протягиваясь, таким образом, от Сахалина через всю

Корею и южную Маньчжурию до устьев Ляохэ, Япония, во-первых, совершенно загораживала собою выход для нас к Желтому морю и, во-вторых, становилась в угрожающее положение по отношению к Пекину. Само собой разумеется, что это обстоятельство должно было повлечь за собою сближение России и Китая.

Не любя в японцах умаленное и искаженное изображение своей собственной цивилизации и считая их народом недостаточно самостоятельным в своих мнениях, обидчивым и готовым лезть в драку, не подумав раньше, выгодна ли она им самим, Китай сейчас же обратился к заступничеству своего

северного соседа, и, по совету России, Германии и Франции, Япония принуждена была взять свои требования обратно.

Будь японцы немножко прозорливее и не оправдывай они только что приведенное в мягкой форме мнение об них старика Лихунчанга, то после первого же данного им жизнью урока они должны были бы заметить всю ошибочность их столь же блестящей, сколько и вредной для государственных интересов китайской кампании.

Устремив, по внушению своих предательских советчиков, внимание на теплые и богатые для нас, но

бедные и холодные для них Корею и Маньчжурию, они, прежде всего, сами отводили себя в совершенно противоположную сторону от той богатейшей страны, к которой направлялись англичане, американцы и русские. Вылезая затем из своей окруженной широкими бездонными рвами крепости на материке, они — из свободного в действиях народа, имевшего возможность, подобно Англии, развить свою промышленность и распространить свою деловую энергию на всю арену — добровольно превращались в англосаксонского караульщика, становившегося у северных ворот и

обязывавшегося не пропускать русских до прибытия в Азию американцев.

Россия насильно сняла их с этого поста и перевела на южные рельсы, но у японцев хватило государственной мудрости лишь на то, чтобы запомнить насилие, а наша дипломатия не могла помочь им сдвинуться с места, потому, что, сосредоточив все свое внимание на Маньчжурии, сама не замечала того, что делалось за пределами последней*.

Получив за свою помощь Китаю в аренду Ляодунский полуостров и право на проведение по Маньчжурии железной дороги к Владивостоку и Порт-Артуру, Россия достигла, наконец, теплого моря, а вместе с ним и возможности освободить хотя бы одну ногу от тех ледяных кандалов, от которых на ее теле начала появляться уже нехорошая краснота.

Но не успели еще наши обреченные на вечное скитание по чужим портам моряки бросить якорь в столь желанной собственной бухте, как в тот же миг по другую сторону Печилийского залива над никого не интересовавшим до той поры Вей-

хай-веем затрепетал в воздухе английский флаг. Вслед за тем у берегов Кубы взрывается и тонет, унося с собою на дно моря какую-то страшную тайну, американский крейсер «Мэн». И вот наэлектризованный до последней степени и ждавший лишь первой искры американский народ с яростным ревом «To hell with Spain!»* бросается на ни в чем, кроме своей слабости, не повинную Испанию.

** В одной из своих речей, произнесенной на обеде Тобо Киокаи 12 декабря 1903 г., первый оракул Японии граф Окума сказал, между прочим, следующее: «После*

вмешательства России, Германии и Франции в 1895 г. решено было оставить в покое север и наступать к югу. На юге были Филиппины и Гавай. Затем еще далее к экватору и полюсу — Океанские острова и Австралия. Соседние страны встревожились... Не помню точно, в августе или сентябре 1895 г. между Японией и Испанией заключен был договор, которым обе державы обязывались взаимно уважать неприкосновенность их владений. Таким образом, наступление к югу было остановлено, на севере все оставалось по прежнему, и наш народ вынужден был подчиниться своей судьбе...».

С помощью все время поддерживавшихся ими кубинских и филиппинских революционеров, американцы овладевают Кубой, Гуамом и Филиппинами и, таким образом, в несколько скачков оказываются в самом центре великой восточной арены...

По окончании войны победитель испанского флота под Манилой командор Дюи буквально засыпан был почестями. Все некрасивые сооружения американских жилищ по его пути исчезли под пестревшими всевозможными красками флагами, материями, цветами и зеленью; толстый ковер из живых роз покрыл

собою мостовую; сотни тысяч мужчин с обнаженными головами оглушительными криками приветствовали своего национального героя; красивейшие женщины С. Штатов считали за счастье прикоснуться губами хотя бы к обшлагам его мундира; конгресс благодарил его от имени народа и поднес роскошный дворец, а сенат — чин полного адмирала.

Из застольных речей на банкете, данном в честь прибывших на торжества англичан, выяснились затем и внутренние причины столь необычайного триумфа. В то время как английский философ Бенджамин Кидд ставил победу Дюи рядом с

победой Веллингтона, американские ученые видели в ней событие, равное победе Карла Мартелла 732 г., положившей начало отступлению с жизненной арены мавров. Ибо, по словам профессора Гиддингса, в бою под Манилой зашедшие с юга Азии англосаксы направляли свои орудия через головы уже повергнутых ими испанцев против великой славянской державы и открывали борьбу, которая к середине XX столетия должна будет закончиться торжеством англосаксонской расы на всем земном шаре.

* *«В ад вместе с Испанией»*
(англ.).

План этой борьбы, разработанный самыми сильными англосаксонскими умами и доведенный до сведения народа посредством сотен тысяч экземпляров сочинения адмирала Мэхана¹, сенатора Бевериджа, Джозайи Стронга и других выдающихся своими талантами писателей, заключался, в общих чертах в следующем.

Главным противником англосаксов на пути к мировому господству является русский народ. Полная удаленность его от мировых

торговых трактов, т. е. моря, и суровый климат страны обрекают его на бедность и невозможность развить свою деловую энергию. Вследствие чего, повинаясь законам природы и расовому инстинкту, он неудержимо стремится к югу, ведя наступление обеими оконечностями своей длинной фронтальной линии.

На путях его наступления лежат Китай, Персия и Малая Азия, население которых истощило уже свою творческую энергию. Между тем страны эти нуждаются во многом. Уже одна постройка десятков тысяч верст железных дорог явилась бы широким полем деятельности для русских

инженеров, оживила бы русскую промышленность и дала бы русскому народу обильные средства для дополнительного питания и для развития его высоких от природы физических и духовных качеств, что в свою очередь сделало бы его еще более сильным соперником англосаксов.

При таких условиях необходимо:

I. Уничтожив торговый и военный флоты России и ослабив ее до пределов возможного, оттеснить от Тихого океана в глубь Сибири.

II. Приступить к овладению всею полосой южной Азии между 30 и 40 градусами северной широты и с этой базы постепенно оттеснять

русский народ к северу. Так как, по обязательным для всего живущего законам природы, с прекращением роста начинается упадок и медленное умирание, то и наглухо запертый в своих северных широтах русский народ не избегнет своей участи.

Выполнение первой из этих задач требует сотрудничества главных морских держав и тех политических организаций, которые заинтересованы в разложении России.

Теперь, что касается второй задачи, то самая середина вышеуказанной полосы, заключающая в себе Тибет и

Афганистан, будет занята с главной английской базы — Индии, а в отношении Китая, с одной стороны, и Персии и Турции, с другой, должны быть приняты особые меры.

Вопрос о том, что делать с Китаем, правительство и народ которого, не зная и не желая прогресса, вполне довольны своим неподвижным состоянием, — весьма сложен. Само собою разумеется, что здесь не должно быть и речи о выселении нынешних обитателей — это было бы невыполнимо. Но, во всяком случае, нынешний император не может оставаться на престоле и столица должна быть перенесена подальше от русского влияния — на

Янтсекианг, а затем, как будет организовано дальнейшее управление страной, т. е. учреждением ли нового англосаксонского вице-королевства, подобно тому, как в Индии, или же постановкой правительства в номинальное положение, как в Египте — это подробности, говорить о которых преждевременно.

В прошлом подобные перемены совершались обыкновенно так. Первой являлась в страну частная торговая предприимчивость. При неспособности местных властей регулировать сложные интересы пришельцев, начинали возникать недоразумения, дававшие повод к

вмешательству иностранного государства в целях защиты своих подданных. Вмешательство это не ограничивалось простым исправлением ошибок и обязательством не делать их в будущем, а непременно получением права на участие в местном управлении. Раз посеянные таким образом семена начинали прорастать и с течением времени покрывали собою страну. Переходя, наконец, к правому русскому флангу, вообразим на месте нынешнего турецкого хаоса в Малой Азии, Сирии и Месопотамии высокоцивилизованное современное государство с хорошо

организованными армией и флотом. Раскинувшись между Каспийским, Черным, Средиземным, Красным морями и Персидским заливом, это государство плотно закрыло бы тот выход, которым Россия пока легко могла бы достигнуть Индийского океана.

Такое государство не существует еще, но нет причин, чтобы оно не появилось в будущем. Процесс образования его должен начаться извне, ибо и турецкое, и персидское правительства в достаточной степени обнаружили свою неспособность к обновлению управляемых ими народов. Затем в отношении местного населения не следует

забывать принцип, что естественное право на землю принадлежит не тому, кто сидит на ней, а тому, кто добывает из нее богатства*...

XXIII.

Так как для выполнения первой части (I) этого плана одной Японии, тщательно подготовлявшейся к войне с Россией, было недостаточно, а сами англосаксы выступить против нас открыто не имели в виду, то естественно возникает вопрос, какие же еще силы должны были войти в состав организовавшейся против нас тайной коалиции?

** Блестяще обработанный для публики А. Мэханом план этот напечатан был в марте, апреле и мае 1900 г. в «Harper's New Monthly Magazine» и в «North American Review», а затем статьи собраны в отдельную книгу «The Problem of Asia and its Effect upon International Policies», by A. T. Mahan. [«Проблема Азии и ее воздействие на международную политику»].*

Раньше, чем ответить на него, считаю необходимым сказать несколько слов о так называемой - стратегии «передовых баз». Собираясь, например, воевать с тою или другою страной, римляне

заблаговременно поселяли в ней своих людей, которые посредством связей с населением и близкого знакомства с краем оказывали большие услуги римским армиям при вторжении их в эту страну.

Этот первобытный вид передовых баз был усовершенствован затем англичанами следующим образом. В средние века в Западной Европе существовал союз каменщиков, занимавшихся исключительно постройкой церквей готического стиля. Желая удержать за собою монополию этого выгодного труда и ревниво охраняя поэтому тайну своего искусства, каменщики выработали особый, строго

соблюдавшийся ими обряд при приеме в цех нового члена и при производстве работ. Каждый день на рассвете все рабочие собирались на открытом месте и выстраивались полукругом перед главным мастером, который становился спиной к востоку, чтобы при восходящем солнце хорошо разглядеть лица — нет ли среди рабочих чужого. Из той же предосторожности все объяснения предстоявших работ давались на условном языке. Затем рабочие отправлялись в «ложу», или сарай, где хранились инструменты и, разобрав последние, становились на работы...

С появлением стиля ренессанс,

готический стиль начал выходить из моды и с течением времени сильно интересовавшая всех своей таинственностью масонская организация умерла естественной смертью, но устав ее сохранился. Случайно наткнувшись на него, талантливые артисты в игре на человеческих слабостях, англичане решили воспользоваться им для организации нового союза строителей, целью которых было бы «нравственное самоусовершенствование, равносильное возведению символического храма» — или, правильнее, создание британского могущества!

Первая, или «великая ложа» основана была в Лондоне в 1717 г. и, чтобы сделать новое масонство вопросом моды, на должность мастера выбрано было высокопоставленное лицо, а распространение нового масонства по другим странам взяли на себя английские аристократы. Вслед за новыми ложами в Англии, лорд Дервенсватер, дворянин Момелон, сэр Генри и несколько других английских джентльменов устроили ложи во Франции. Великий мастер граф Стратмор дал посвященным в Лондоне одиннадцати немецким господам и добрым братьям разрешение на открытие лож в

Германии. Секретарь английского посольства в Стокгольме Фулман получил приказание лорда Банлея организовать ложи в Швеции. Лорд Гамильтон открыл ложу в Женеве; герцог Мидлэссекский — во Флоренции, Милане, Вероне, Падуге, Венеции и Неаполе; лорд Калейран — в Гибралтаре и Мадриде; Гордон — в Лиссабоне, Миних — в Копенгагене; капитан Филиппс — в Петербурге, Москве, Ярославле и Архангельске.

Как общее правило, в члены лож принимались только лица, наиболее влиятельные по своему общественному или служебному положению. Затем для заведования

ложами в каждой стране назначалась своя «великая ложа», великий мастер которой, нося звание провинциального, в свою очередь подчинялся английской ложе. Таким образом, все государства Европы превращены были в своего рода английские провинции. На ритуалах лож читалась особая молитва за английского короля. Местные английские дипломаты были наиболее почетными членами лож, а наезжавшие из Лондона члены ложиродоначальницы — наиболее почетными гостями.

Само собою понятно, какую роль должны были сыграть эти идеальные передовые базы в

образовании бесконечных коалиций против Франции, или, как говорилось в ложах, — антихриста Наполеона, — и впоследствии, когда патриархом масонов был лорд Пальмерстон, а в подчинении у него, по масонской иерархии, состояли Кошут, Гарибальди, Мадзини, Ратацци, Кавур и даже Наполеон III...

XXIV.

Направившись по стопам англичан и распространив сначала, благодаря организаторскому таланту Альберта Пайка, сеть своих

наблюдательных треугольников на четыре пятых земного шара, американцы перешли затем к образованию в чужих странах таких передовых баз, на которых они могли производить уже формирование революционных армий, как, например, в Мексике, на Кубе и Филиппинах.

С такой именно целью обратили они свое внимание и на «русских нигилистов». Но после основательных разведок, произведенных в Европейской России и Сибири, увидели, что слабовольная, расплывшаяся в море неопределенных желаний русская молодежь даже в разрушительной

работе может играть лишь подчиненную роль. Организовав поэтому в Нью-Йорке, Филадельфии, Питсбурге, Бостоне и других городах «Общество друзей свободы России» и поместив на выставке и у подъезда людей с русскими именами, американцы в действительности сделали из этого общества главный орган для управления действиями еврейского народа.

Действия же эти состояли вот в чем:

В начале шестидесятых годов прошлого столетия захваченные потоком националистического движения в Западной Европе, Гесс, Легран, раввин Калишер и другие

еврейские мыслители начали говорить своим единоверцам, что и им не следует сидеть сложа руки в ожидании того времени, когда придет Мессия и водворит их снова в Палестине, а нужно самим приниматься за работу и основывать на старом пепелище свои колонии.

Под влиянием этой проповеди Моисей Монтефиоре устроил в 1869 г. близ Яффы колонию Песах Тикво и открыл в ней земледельческую школу Микво Израиль. Хотя колония росла плохо, но осведомленное о намерениях сионистов турецкое правительство относилось к ней недоброжелательно.

Это препятствие, с одной

стороны, и начавшееся на Западе Европы антисемитское движение — с другой, вызвали у евреев стремление к группировке в общества Ховове Цион (друзей Сиона). Такие общества появились в Париже, Вене, Гейдельберге, Галиции, Румынии, Болгарии, Варшаве, Вильне, Киеве, Одессе и Харькове.

В 1887 г. состоялся первый сионистский съезд в Варшаве, на котором постановлено было, ввиду противодействия Турции, прибегнуть к «практической инфильтрации». Этим контрабандным путем евреям удалось перевезти в Палестину около 5000 своих переселенцев.

Но в 1890 г. организовавшийся в Париже Центральный Комитет решил направить дальнейшую деятельность сионистов не на колонизацию Палестины, а на культурное развитие еврейского народа и на создание новой системы национального воспитания. Палестина же, в которой имелось уже ядро будущей колонизации, должна была до поры до времени служить духовным центром еврейского народа.

Наконец в середине девяностых годов Герцлем предложен был переход к «политическому сионизму», т. е. к объединению всех евреев в официальный союз, который

путем международных соглашений добился бы от Турции уступки Палестины...

Быстро превращаясь, таким образом, из мелких сектантских кучек, группировавшихся вокруг синагог и раввинов сначала в крепко связанные священной для каждого тайной общества, предводимые способными, деятельными вождями, а затем и в незримую, вследствие отсутствия территории, державу, евреи, с такою же быстротой и последовательностью, переходят в наступление против русской государственности.

До мозга костей проникнутые национальной идеей, болезненно

любящие свое воображаемое
государство, — эти, не
стесняющиеся гримом актеры,
надевают на себя маску
презирающих «национальные
предрассудки» социал-демократов и
цинизмом своего красноречия до
такой степени увлекают хлипкую
русскую молодежь, что в короткий
промежуток времени с 1886 по 1888
гг. вся западная и южная Россия,
точно скарлатиной, покрывается
красными пятнами социал-
демократических кружков.

Довольный таким успехом,
центральный комитет отдает после
этого приказ перейти от кружковой
пропаганды к широкой агитации.

Главная цель последней, как говорилось в наставлениях: «Об агитации» и «Письмо к агитаторам», должна была состоять в том, чтобы наберечь возможно большие силы, с которыми в благоприятный политический момент можно было бы выступить на защиту специально еврейских интересов.

Согласно этой инструкции ряженные апостолы социализма смело прокладывают путь на фабрики, заводы, в мастерские и храмы науки, где на алтарях русской мысли водворяют давно осмеянного Западом Карла Маркса.

С 1894 г. по распоряжению того же комитета начинается наводнение

России подметной литературой. Издеваясь в ней над нашим патриотизмом, нашими обычаями, нашей религией, разжигая сословную ненависть, внушая вражду к правительству, неуважение к Верховной Власти и умножая таким опустошением русской души толпу «Иванов, не помнящих родства», евреи начинают организовывать из последних боевые дружины. С 1896 г. они орудуют уже стачками и забастовками, во время которых еврейские командиры демонстративно водят по улицам столиц и больших городов толпы бесчинствующей молодежи и рабочих. В 1897 г. формируется

полевой штаб еврейской армии, известный под именем Бунда. В 1900 г. следует распоряжение, — не прекращая, а наоборот, усиливая действия по ввозу запрещенной литературы, в то же время обратить внимание на периодическую печать в целях насыщения широких масс полезными еврейству идеями.

Постепенно забирая, таким образом, в свои руки влияние и власть, евреи заявляют сначала, что на всех совещаниях революционных комитетов русский язык должен уступить место еврейскому жаргону, иными словами выталкивают в свои передние даже прислуживавших им профессоров, а в 1902 г. на четвертом

съезде бундистов вырабатывают уже требования: 1) «Обеспеченной законом возможности для еврейского населения употреблять родной язык в сношениях с судами, государственными учреждениями и органами местных и областных управлений». 2) «Национально-культурной автономии, выражающейся в изъятии из ведения государства и органов местного и областного самоуправления функций, связанных с вопросами культуры, и передаче их нации в лице особых учреждений, местных и центральных, избираемых всеми ее членами на основании всеобщего, равного, прямого и тайного

голосования» и т.д.

К этому времени еще завешенное дымкой грядущего, но уже заметно обнаруживавшее свои контуры Царство Израильское имело в своем распоряжении внутри России 5000 фанатически преданных делу агитаторов, мужчин и женщин; 30 000 боевой дружины, из так называемых социал-революционеров, и в помощь Бунду четырнадцать полевых штабов: в Варшаве, Лодзи, Белостоке, Гродне, Вильне, Двинске, Ковне, Витебске, Минске, Гомеле, Могилеве, Бердичеве, Житомире и Риге. Четвертый съезд решил распространить эту организацию на

Одессу, Нежин, Киев, Екатеринослав, Прилуки, другие города и местечки Европейской России, на Кавказ и Туркестан.

Мало того, при врожденных способностях к «практической инфильтрации», тонкой пылью проникая во все тайники нашей государственной и общественной жизни и всюду неся с собою микробы разложения, евреи в то же самое время основательно высмотрели все самые чувствительные места, куда можно было бить нас без промаха...

Вот такая чудовищная «передовая база» устраивалась в течение многих лет внутри России!

XXV.

Превосходно зная всю подноготную нашего расположения на театре борьбы за жизнь, степень готовности, характер наших государственных людей и т.д., наши противники англосаксы не могли, конечно, ошибиться и в расчете сил, который был сделан ими следующим образом:

Для открытого удара на наш левый фланг, или, по выражению американцев, для разрушения нашей «Восточной Империи»,

предназначалась Япония, постепенно приучавшаяся смотреть на наш быстро выраставший торговый флот, Корею и устраивавшуюся нашим трудом и на наши деньги Маньчжурию, как на свою собственность.

В качестве политического резерва, долженствовавшего регулировать ход событий, готовились:

1) Еврейский народ, которому, ввиду его нынешней многочисленности и невозможности удовлетвориться одной Палестиной, обещана была для образования самостоятельного Царства Израильского территория между

Каспийским, Черным, Средиземным, Красным морями и Персидским заливом.

и 2) Сорганизовавшиеся под руководством евреев партии революционеров разных наименований, обнадеженные тем, что с разгромом России им будет предоставлена возможность создать из нее целый ряд новых государств по принципам французской революции и Карлу Марксу.

Роль же самих англосаксов и необычайное искусство их, как закулисных деятелей, выплывут наружу, если мы обратим внимание на следующие факты.

В течение всей войны 1904—

1905 г. державшийся в полной боевой готовности внутри России политический резерв не только ни разу не был пущен в дело, но даже случайно вырвавшиеся из рук 9 января 1905 г. части его были тотчас же отведены на место, — ибо успешно действовавшая против нашего левого фланга Япония могла обойтись без подкреплений. Но вот, после того как пал Порт-Артур, армии наши были вытеснены из южной Маньчжурии и флот погиб под Цусимой — по сигнальной ракете, выпущенной Лодзью, 10 июня — 14 июня вспыхивает бунт в Севастополе, 15-го в Одессе и Либаве; 17-го в Кронштадте и

Свеаборге... Те из читателей, кто хоть немножко знаком с действиями войск на театре войны, сейчас же поймут истинный смысл и этих событий на театре борьбы за жизнь, а именно — вслед за поражением наших морских сил в Желтом море еврейская кавалерия брошена была на Черное и Балтийское моря для преследования русского флота на самих базах его.

Спрашивается, однако, в чьих же интересах были, — благодаря Богу неудавшиеся, — взаимный расстрел и потопление Черноморской эскадры, разгром доков, мастерских, словом полное высаживание России на сушу? Разумеется, в интересах

вполне зримых и притом морских держав.

Затем, с приближением срока ратификации Портсмутского договора, опасаясь, что одинаково недовольные последним и Россия, и Япония не пожелают вывести свои войска из Маньчжурии, что повлекло бы за собою деморализацию местных китайских властей, новые осложнения, а может быть и новую, более удачную для России войну — творцы событий закрывают сундук и прекращают истощившейся в денежном отношении Японии кредит. В то же время державшиеся на англосаксонской цепи лунатики отпускаются на свободу, и на всем

пространстве России под
истерические взвизгивания
еврейской печати начинается
бешеная пляска революционных
дервишей вокруг костров из
помещичьих усадеб.

В результате обе стороны
спешно увозят свои армии из
Маньчжурии*...

* Чтобы не быть
заподозренным в особой
проницательности, рекомендую
проверить эту «догадку» у
Фредерика Маккормика в его «*The
Tragedy of Russia in Pacific Asia*»
[«Трагедия России в Тихоокеанской
Азии» — англ.] том II, стр. 387.

Совокупными усилиями этой тайной коалиции едва пробившаяся к теплому и открытому морю, Россия была немедленно оттеснена назад. Третий по величине флот ее уничтожен. Гордость нашей цивилизации — Великий Сибирский путь, продолженный посредством пароходства до устья Янтсекианга и обещавший сделаться одною из доходнейших государственных статей, обломлен и из междуокеанского тракта превращен в тупик, ибо с захватом японцами половины Сахалина, Кореи и Южной Маньчжурии мы не можем уже выйти

из нашего дома иначе, как по японским коридорам и под жерлами японских пушек.

Но так как для неудержимо стремящихся к мировому господству англосаксов борьба за жизнь представляет собою не что-нибудь особенное, к чему нужно готовиться годами, а правильный ежедневный труд, то непосредственно за войной 1904—1905 гг. следует целый ряд новых событий впереди нашего фронта, т. е. в странах, занимающих полосу Южной Азии между 40 и 30 градусами северной широты.

Прежде всего, перед серединой фронта англичане со своей Индийской базы гигантским скачком

устремляются к северу, включив по конвенции 18—31 августа 1907 г. в сферу своего влияния Тибет, Афганистан и замыкающую выход к Индийскому океану южную половину Персии.

Затем прибывший в Тегеран со своею боевой дружиной Ефрем, совместно с получившими образование в американских университетах молодыми персами, свергает с престола шаха Мохаммеда-Али и расчищает, таким образом, путь целому отряду американских администраторов, и посейчас, кроме Моргана Шустера, преспокойно работающих в Северной Персии столько же против

этой страны, сколько и против России.

Одновременно с этим в сплошь населенных евреями Салониках, в масонских ложах «Македония» и «Ризорта», образуется страшный застенок, известный под именем «Салоникского комитета», или «Комитета Единения и Прогресса», где шайка еврейских националистов во главе с Эмануэлем Карассо и Джавидом-беем решает участь когда-то приводившей в трепет всю Европу Турции и главы всего мусульманского мира — султана Абдул-Гамида.

Наконец наступает очередь и Китая, который после своих разнообразных опытов с

англичанами и американцами смело мог бы сказать теперь — «плохо иметь англосакса врагом, но не дай Бог иметь его другом!».

Как известно, во время боксерского восстания 1900 г. в числе наступавших к Пекину войск находился и маленький американский отряд генерала Чаффи, за что Китай должен был заплатить С.-А. Соединенным Штатам двадцать восемь миллионов рублей контрибуции. Но в следующем году американцы предложили китайскому правительству, взамен уплаты этих денег, устроить на них в Гонане отделение Йельского университета,

основать в разных местах Китая американские школы и сверх того отправлять в американские университеты наиболее способных молодых китайцев — в течение первых четырех лет по сто человек, а далее по пятидесяти*.

** Прилив в американские университеты азиатской молодежи начался с 1896 г. Первыми приглашены были японцы, за ними персы, турки, индийцы, сиамцы и китайцы.*

Очарованный таким великодушием, богдыхан снарядил в Вашингтон особое посольство для выражения благодарности американскому народу за

бескорыстную дружбу и покровительство. Но благодарить было не за что, ибо посредством насыщенных за китайский же счет революционным ядом воспитанников своих школ англосаксы одним дуновением своей политики, точно карточный домик, разрушили старейшую в мире монархию.

После чего Китай, впредь до окончательного превращения его в «Индию» или «Египет», поступил в распоряжение англосаксонских финансистов во главе с гениальным дельцом Пирпонтотом Морганом. Первый скромный шаг на этом пути намечен уже проектом Суньянцена

на передачу англосаксам постройки 100 000 верст железных дорог, т. е. всей нервной системы государства.

И так, окидывая взглядом наше нынешнее положение на театре борьбы за жизнь, мы видим следующее:

Вытеснив нас сначала с американского берега и северной части Тихого океана, англосаксы перенесли затем свои наступательные действия против нас на азиатский материк. При чем войной 1904—1905 гг. они отбросили наш левый фланг от Желтого моря и забаррикадировали его Японией от Сахалина до устья Ляохэ; а с целью возведения

подобной же баррикады вдоль всего нашего фронта, — за четыре последних года разрушили три южно-азиатских монархии и распространили сферу своего влияния на весь юг Азии до 40 градуса северной широты.

Новый наступательный акт их начнется с открытием Панамского канала и одновременным перенесением столицы Индии из Калькутты в лежащий на самом севере Индийского полуострова Дели. К этому времени систематически разжигаемая вражда к нам южно-азиатских народов примет еще более острую форму, кроме того, будут закончены и новые

«передовые базы» внутри России. Но успех наступательных действий на нашем фронте будет много зависеть от хода событий, тщательно подготовленных с 1905 г. на правом фланге нашего государства, т. е. в Европе.

XXVII.

Для того, чтобы добраться до главного узла нынешних крайне сложных и крайне запутанных европейских событий, начнем с выяснения следующего обстоятельства.

При совершенно незнакомых

нам приемах борьбы за жизнь и непохожей на наше «иду на вы» этике, англосаксы пользуются, между прочим, как орудием их политики, такими принципами, скрытый смысл которых обнаруживается лишь впоследствии. Так, например, кроме доктрины Монро, расшифрованной уже, как «Америка для С.-А. Соединенных Штатов», или «Hands off»*, почувствованного нами после Берлинского конгресса, — покойный Джон Гей изобрел «Integrity of China»**, т. е. устранение всех претендентов на обладание какой-либо частью Китая, ввиду того, что эта страна должна целиком перейти под власть англосаксов, и т. д.

* «Руки прочь» (англ.) [Прим. ред.).

** «Объединение Китая» (англ.) (Прим. ред.).

К числу таких политических двусмысленностей принадлежит, по-видимому, и знаменитое «The ballance of power in Europe»*, более ста лет служившее основой всех союзов и соглашений Европейских держав. По крайней мере, вот как смотрят на него сами англичане:

* «Баланс сил в Европе» (англ.) [Прим. ред.].

«До тех пор, — пишет довольно известный английский публицист подполковник Поллок, — пока

Европейские державы разделены на группы и мы в состоянии будем противопоставлять их одну другой, Британская Империя может не опасаться никаких врагов, кроме Палаты Общин. Совсем не из любви к прекрасным глазам Франции решаемся мы поддерживать ее против Германии, как не из рыцарских побуждений становились мы на защиту угнетенных наций столет назад.»

«В международной политике нет места чувствам».

«Мы сражались с Наполеоном не на жизнь, а на смерть по тем же причинам, по каким в ближайшем будущем будем сражаться с

Германией или позднее с другой державой.

«Короче говоря, наша внешняя политика в высокой степени эгоистична и не потому, чтобы мы желали этого, а потому, что у нас нет выбора. Если бы мы не защищали Лондона на полях континента, мы напрасно старались бы сделать это на Соре́йских холмах, венчающих собою равнины Восточной Англии. Наше назначение и состоит в том, чтобы быть или вершителем европейских дел, или ничем!»

Таким образом, уже из этих слов мы видим, что с точки зрения англичан группирующиеся по принципу «равновесия сил»

континентальные державы представляют собою своего рода плюс и минус, взаимно парализующие друг друга и этим обеспечивающие Англии свободу действий на всем земном шаре.

А теперь посмотрим, что скажет нам по этому поводу история?

Известно, что свою блестящую карьеру завоевателей и вершителей судеб человечества англичане начали с разгрома Голландии. Живя у большой дороги и долгое время с завистью следя за тем, как по каналу, гордо надув свою белую грудь, целыми караванами проходили нагруженные драгоценнейшими произведениями тропиков

голландские «купцы», бедный, но сильный мускулами и волей английский народ не выдержал испытания. 10 июня 1652 г. Государственный Совет Англии приказал адмиралу Блэку захватить возвращавшийся из Индии голландский флот.

В эту первую войну, начатую без всякого предупреждения противника, англичане изловили 1700 плохо застрахованных голландским правительством кораблей, общей ценностью в шесть миллионов фунтов стерлингов, и этим сильно поправили свой бюджет, едва достигавший одного миллиона фунтов стерлингов.

Во вторую войну они большей частью своего флота заблокировали Голландию, а меньшую отправили для хозяйничания в голландских колониях. С третьей же войной Голландия из первого поставщика на всю Европу колониальных товаров начала быстро превращаться в едва сводящего концы с концами табачного и кофейного лавочника.

После этого англичане перенесли свои наступательные действия против Испании, и спустя недолгое время эта обленившаяся под ласками никогда не заходившего в ее владениях солнца держава узнала, что такое сумерки.

Наконец наступила очередь

Франции.

XXVIII.

В 1784 г. во главе правительства уже разбогатевшей, цивилизовавшейся и достигшей могущества Англии поставлен был любимый сын лорда Чатама — Вильям Питт. Этот стройный и худенький 25-летний юноша с девичьей улыбкой и розовым цветом лица явился воплощением гения англосаксонской расы. Почтительный к верховной власти и конституционалист до мозга костей, он с таким же тактом отстаивал свои

мнения перед Королем, с каким внушал свою волю народным представителям. Никогда не выезжавший из Лондона, благодаря неусыпному труду, от которого не мог оторваться даже для женитьбы, он понимал Англию и Европу как ни один из современных ему государственных деятелей. Считая себя вполне счастливым тем, что он сын Англии, он не признавал для себя никаких наград, и все свое честолюбие видел в величии своей родины.

Первым шагом его по вступлении во власть было освободить кабинет от вредных на рабочем месте говорунов и людей,

стеснявших его громоздкими титулами. Вместо них он подобрал себе помощников из лучших знатоков торгового морского дела и приступил с ними к разработке плана борьбы со стоявшей на английской дороге державой, выразившегося в следующей форме:

«Отрезать Францию от всего коммерческого мира так, чтобы она представляла собою как бы один портовый город, блокированный с моря и с суши».

Для чего — усилить английский флот и не останавливаться перед затратами как на поддержание внутренней смуты во Франции, ослаблявшей внешнюю

обороноспособность этой страны, так равно на субсидии и займы для образования коалиций, ибо каждая вступающая в войну континентальная держава, работая на полях сражения в пользу Англии, в то же время переставала быть соперницей англичан на арене промышленности и торговли.

Иными словами, готовясь к войне с Францией, великий вождь английского народа Питт заранее наметил всю остальную материковую Европу, как базу, на которой посредством торговли он мог добывать золото, а посредством золота формировать коалиции для методических ударов в правый фланг

и тыл своего противника и отвлечения его, таким образом, от фронтального нападения на Англию.

Смелости этого замысла вполне соответствовало и искусство выполнения его.

XXIX.

Постепенно разогревавшаяся как собственным внутренним огнем, так и подбрасывавшимися под нее услужливыми англичанами вязанками дров, королевская Франция представляла собою в то время огромный, все более и более переполнявшийся парами

недовольства котел. Встревоженный таким состоянием своей монархии, Людовик XVI хотел поставить ее на рельсы последовательных преобразований и в январе 1789 г. издал «lettres patente» о созыве для выяснения народных нужд Генеральных Штатов. Но этого предохранительного клапана было уже недостаточно. Съехавшись в Версаль в мае того же года, Генеральные Штаты, спустя всего лишь месяц, объявили себя Учредительным Собранием, явившимся для выработки таких основных законов, в силу которых могли бы принимать участие в управлении государством лица,

избранные народом. Затем в ночь с 12 на 13 июля последовал первый оглушительный взрыв, и сквозь широкую бастильскую расщелину хлынул поток революции...

Сильный напор ее на все внутренние перегородки веками возводившегося Капетингами государственного здания Франции поразила паническим страхом высшие классы французского общества. Следуя примеру брата короля, прежде всего устремилось за границу дворянство; за дворянами — богатое купечество; за купцами — духовенство. Наконец, не вынеся шума печати, резких выступлений клубов и уличных манифестаций, 20

июня 1791 г. выехал из Парижа к ожидавшей его в Монмеди маленькой армии и сам король.

Этот отъезд главы государства страшно повредил его престижу и усилил республиканскую партию, выступившую с требованием об уничтожении королевской власти.

Хорошо понимая, какими вредными последствиями мог угрожать государству столь резкий скачок, уже заканчивавшее свои занятия по разработке конституции и формированию нового правительства Учредительное Собрание обратилось к задержанному в Варене и возвращенному в столицу Людовику XVI с просьбой занять оставленный

им престол и дать клятву в верном соблюдении заключенного им с народом договора.

Этим актом оно завершило свою деятельность и уступило место новому Собранию народных представителей, получившему название Законодательного, и долженствовавшему, согласно конституции 1791 г., работать над преобразованием государственного и общественного строя совместно с королем. Для того же, чтобы дать представление о размерах предстоявшего новым законодателям труда, достаточно привести такой пример. Постепенно наращивавшие свои владения Капетинги составили

Францию из тридцати двух различных по величине провинций. Это неравенство резало глаза Учредительному Собранию, и оно, насилуя историю и географию, решило разбить страну на восемьдесят три одинаковых по своей площади клетки, названные департаментами и подразделявшиеся в свою очередь на уезды, волости и общества. Худо ли, хорошо ли было это новое деление, во всяком случае, сообразно с ним нужно было реорганизовать администрацию, местные суды и полицию. Затем, с устранением прежней системы налогов, внутренних таможен, дорожных пошлин и т. п. предстояло

переделать заново систему государственных доходов и т. д. и т. д.

Подобная работа требовала для своего выполнения, кроме добросовестности и любви к делу, еще и большого опыта. Между тем, подавляющее большинство новых депутатов составилось из пылкой молодежи, воспитанной в школах на истории Греции и Рима и желавшей поэтому лишь одного — сделать из Франции Афинскую республику. Обладая сильно развитым на митингах красноречием, новые законодатели, едва переступив порог парламента, сейчас же повели энергичную атаку и на призывавшую их к малознакомому и тяжелому

труду конституцию, и на короля. Последний же, не имея после смерти Мирабо ни одного сколько-нибудь надежного советника, решил искать поддержки во «внешней Франции», т. е. у поступивших в тесные сношения с Англией эмигрантов.

Во время этой с каждым днем обостравшейся борьбы законодательного собрания с королем сама Франция находилась в весьма опасном положении. Рухнувший под ударами конституции королевский строй лежал в развалинах. С выездом за границу богатых классов промышленность и торговля упали, и массы рабочего люда выброшены были на улицу. Лишившиеся

вследствие ухода со службы дворян около половины своего командного состава, армия и флот были дезорганизованы.

XXX.

При таких условиях, чтобы окончательно столкнуть Францию в бездну анархии и сделать ее еще менее способной к обороне, Питт летом 1792 г. двинул против нее Австрию и Пруссию, представлявшие собой авангард уже подготовленной им огромной коалиции.

При первой же встрече с неприятелем на границах Бельгии

французы убили одного из своих генералов Диллона и бросились врассыпную. Хотя единственной причиной столь печального события было страшное ослабление дисциплины во французских войсках, тем не менее, умышленно искажая истину, якобинский клуб обвинил во всем противников революции, распространивших будто бы панику криками «спасайся, кто может», и газета Марата начала требовать уже «для обеспечения мира и благополучия Франции от 500 до 600 голов».

Вслед за этим, в ответ на дерзкий манифест главнокомандующего прусской

армией герцога Брунсвикского, требовавшего, под угрозой военной экзекуции Парижу, немедленного восстановления Людовика XVI в правах самодержавия, министр Вернио бросил с трибуны фразу: «Пруссаки наступают во имя Короля!» Фраза эта точно молния облетела столицу, и огромная толпа народа, предводимая Дантоном, Сантэром, Лежандром и Вестерманом, направилась к Тюльерийскому дворцу и вступила в бой с заграждавшей ей дорогу стражей. Спасшийся через сад Людовик XVI отдал себя под покровительство законодательного собрания. Последнее постановило

арестовать короля и поместить в замок Тампль, а для решения дальнейшей участи его и выработки новой формы правления государством созвать новое собрание народных представителей.

В наступивший таким образом период междуцарствия, составившийся из самых ярых революционеров муниципалитет г. Парижа, под именем Парижской Коммуны², захватил в свои руки власть над столицей и подчинил себе кабинет министров. Чтобы поскорее расправиться со своими противниками, члены муниципалитета начали врываться в частные жилища и, сыпля направо и

налево обвинения в государственной измене, наполняли тюрьмы лицами, объявлявшимися ими подозрительными». Затем, 2 сентября 1792 г., собрав по тревоге на Марсовом поле новые массы народа для постройки укрепления вокруг Парижа, они бросились во главе нанятых ими шаек убийц в места заключений и учинили страшную двухдневную бойню, во время которой в одной только тюрьме Карм удушено было 160 священников.

Но эта была лишь прелюдия массовых убийств, которыми увековечила свою память самая книжная и самая жестокая из всех

революций.

21 сентября 1792 г. несколькими орудийными выстрелами Париж оповещен был одновременно и о победе, одержанной Дюмурье над пруссаками при Вальми и об открытии Конвента. Это собрание, состоявшее из 760 народных представителей и заимствовавшее свой титул у американцев, в первом же заседании провозгласило уничтожение во Франции монархического образа правления. Причем монтаньяры³, составлявшие левое меньшинство Конвента, начали настойчиво доказывать, что для окончательного утверждения нового порядка в стране необходимо убить

королевскую идею в лице продолжавшего находиться в заключении в замке Тампль Людовика XVI.

Смелые на словах, но робкие на деле жирондисты, составлявшие правое большинство Конвента, побоялись быть заподозренными в несочувствии республике и согласились на предание суду по обвинению в государственной измене гражданина Людовика Капета».

21 января 1793 г. несчастный король возведен был на эшафот, а вслед за его казнью, хорошо учитывавший последствия этого страшного события для Франции

Питт двинул против нее свою первую коалицию, в состав которой вошли Англия, Голландия, Пруссия, Австрия, Сардиния, Неаполь и Испания.

Этим обложением началась двадцатитрехлетняя война между все время наступавшей Англией и не выходившей из активной обороны Францией.

XXXI.

Уже в царствование Людовика XVI поглощенная внутренними смутами великая представительница латинской расы постепенно

закрывала глаза на внешний мир. С началом же революции политический кругозор французского правительства окончательно вошел в пределы собственной страны, и все помыслы новых правителей сконцентрировались на упрочении республики и проведении социальных реформ. Шире и серьезнее этого домашнего дела для них не было ничего, а поэтому и замыслы Англии истолкованы были ими по-своему. На подступавшие к границам Франции коалиционные войска они смотрели как на своего рода резерв, двинутый эмигрантами и опасавшимися за свои троны королями для поддержки

многочисленных врагов республики, находившихся внутри государства.

Отождествляя, таким образом, внутреннюю и внешнюю опасность, Конвент решил не останавливаться ни перед какими мерами для того, чтобы сломить сопротивление всех противников нового режима и отбросить вмешавшихся не в свое дело иностранцев.

Выдвинутое на первый план покорение Франции началось весьма энергично.

Одновременно с наступлениями внешнего врага вспыхнуло восстание в Вандее. После первых же неудач, постигших посланные на усмирение этой провинции войска, по

настоянию монтаньяров 10 марта 1793 г. учрежден был *чрезвычайный уголовный трибунал* для безапелляционного суда над изменниками, заговорщиками и противниками революции. Для розыска же виновных образован был комитет общественной безопасности. Затем, по получении известий о новых неудачах французского оружия, повлекших за собою обнажение северной границы, Конвент 6 апреля вручил исполнительную власть *комитету общественного спасения*.

Устроив эти позиции, заняв их и добившись отмены закона о неприкосновенности депутатов,

Монтаньяры решили теперь повести атаку на самый Конвент.

Вступив с этою целью в соглашение с Парижской коммуной, они организовали нападение на Тюльерийский дворец. 31 мая, в то время как внутри здания заранее уверенный в победе Робеспьер громил своих врагов, обвиняя их в измене революции, — снаружи собралось 80 000 вооруженных людей; против выходов размещено было 163 орудия, разведены костры, поставлены решетки для накаливания ядер, словом, выдвинуты были все аргументы, чтобы продиктовать закон народному собранию. Продержавшись в осаде

три дня, Конвент 2 июня вынужден был выдать 12 депутатов, осмелившихся ревизовать дела Парижской Коммуны и 21 жирондиста из числа самых даровитых представителей этой партии.

После 2 июня вся законодательная и исполнительная власть оказалась в руках крайних революционеров, и монтаньяры Конвента и Парижской коммуны приступили к социальным реформам. Взамен подвергшейся совершенному запрещению католической религии введено было поклонение «богине разума»; церкви были закрыты; обычаи, одежда и

даже исчисление времени
перекраивались заново по
принципам демократического
равенства.

Вырабатывавшиеся
законодателями реформы
приводились в исполнение
облеченным диктаторскими
полномочиями комитетом
общественного спасения, которому
были подчинены: ведавший сыском
комитет общественной
безопасности, 144 разбросанных по
всей стране уголовных трибунала и 6-
тысячная армия, постоянно
переходившая из одного города в
другой в сопровождении гильотины.

Но так как главным двигателем

революции была не государственная мудрость, а накопившаяся веками злоба и ненависть к пользовавшимся привилегиями классам, то, утоляя чувство мести рубкой голов, массовыми расстрелами, утоплениями и беспощадным разгромом всего быстро уравнивавшегося к низу французского общества, — сами победители должны были, в конце концов, вступить во взаимную потасовку.

Все более и более жестокие мероприятия, требовавшиеся фанатиком Эбером и его последователями, начали путать самых пылких защитников

революции и поселять в них отвращение к республике. Во главе отколовшейся таким образом партии умеренных монтаньяров стал Дантон. Но над обеими партиями сейчас же поднялась фигура холодного и расчетливого честолюбца Робеспьера. Соединясь сначала с Дантоном, он отправил на плаху Эбера, а затем 5 апреля 1794 г. отрубил голову и Дантону.

Не чувствуя теперь вокруг себя ни одного сколько-нибудь сильного человека, крепко державший в своих руках комитет общественного спасения и комитет общественной безопасности, Робеспьер сделался неограниченным диктатором и

настоящим олицетворением
революционного правительства. Для
того чтобы окончательно растоптать
уже расprostертую в страхе
Францию он приказал упростить до
крайности судопроизводство
уголовных трибуналов. Толпы
неизвестно кем обвиненных граждан
приводились в суд от 11 до 12 часов
дня для заслушивания
обвинительного акта; в 2 часа
постановлялся приговор, а в 4 уже
стучали топоры. Этот кровавый
режим не мог, конечно, тянуться
долгое время. Опасаясь за
собственную жизнь, самые близкие
друзья Робеспьера сделались его
тайными врагами, и

объединившимися силами Конвента страшный тиран, а вместе с ним и все организованное революционерами правительство 9 и 10 термидора (27—28 июля 1794 г.) были свергнуты.

Убедясь, таким образом, на опыте, какую опасность для общества представляет собою не имевшее противовеса собрание народных представителей, Конвент приступил к разработке новой, более усовершенствованной формы республиканского правительства. Осенью 1795 г. таковое сформировано было под именем Директории, состоявшей из пяти директоров, совета пятисот и совета

старейшин (250 чел.).

Но искусство управления государством зависит не от вида и названия правительственных органов, а от способности приставленных к делу людей. Франция же к тому времени сильно оскудела талантами. За четырнадцать месяцев владычества революционеров по постановлению одного только парижского трибунала снесено было 2625 не сплошь заурядных голов. Поэтому в состав Директории вошли люди уже второго сорта и по уму, и по характеру, и по честности.

Чувствуя себя не в силах справиться с внутренним брожением

и подготовлявшеюся контрреволюцией, Директория на второй же год существования прибегла к помощи войск и, чтобы не свалиться окончательно, создала систему маленьких государственных переворотов. При таких условиях сильно утомленное волнениями без конца, революциями без причины и переменами без результата, французское общество само начало присматриваться к армии, уже покрывшей себя славою и представлявшей наглядный пример порядка, дисциплины и добросовестного выполнения долга.

В 1789 г. королевская армия состояла из 172 586 офицеров и солдат. Слабая численно и дезорганизованная революцией, она пополнена была сначала батальонами плохо обученной национальной гвардии и буйными волонтерами. Первые же столкновения этих разношерстных войск с регулярными армиями Пруссии и Австрии ясно указали Франции на то, что она немедленно и самым серьезным образом должна взяться за создание своих вооруженных сил. Огромный по своим размерам и необычайно тяжелый по обстановке труд этот прекрасно выполнен был членом

Конвента и комитета общественного спасения Лазарем Карно. Призванные по его настоянию в феврале 1793 г. 300 000 новобранцев, а в августе 600 000 сведены были в полки, бригады и дивизии, во главе которых были поставлены уже зарекомендовавшие себя в боях 22—25-летние полковники и генералы. Жадная же к подвигам молодежь вдохнула в свою очередь в войска весь свой энтузиазм, все юношеское пренебрежение к лишениям и опасности и в скором времени повела армию от поражения к победам. Вслед за усмирением Вандеи, в 1795 г. должны были отказаться от продолжения войны

Голландия, Пруссия и Испания, а в 1796—1797 гг. блестящими действиями в Северной Италии уже отмеченный судьбою 27-летний Бонапарт принуждает к миру Австрию, Сардинию и Пьемонт.

Таким образом, все облагавшие Францию с суши континентальные державы были отбиты, и из образованной Питтом первой коалиции осталась одна только неуязвимая на своих островах и блокировавшая своим сильным флотом Францию с моря Англия.

Для того, чтобы прорвать и эту блокаду и нанести своему противнику возможный по обстановке удар, изумительно верно

определивший как современное ему, так и будущее значение для мировой торговли дельты Нила и Суэцкого перешейка, Бонапарт представил Директории план похода в Египет. Не столько из сочувствия к гениальной мысли своего полководца, сколько из желания удалить из Парижа становившегося с каждым днем все более и более популярным генерала, Директория одобрила план, и 18 мая 1798 г. Бонапарт во главе 30-тысячной армии отплыл из Тулона в Александрию, а 21 июля, после боя у пирамид, овладел страной фараонов.

Но, зорко следивший за действиями своего точно из земли выросшего могущественного врага,

Питт отправил к побережьям Египта адмирала Нельсона и, уничтожив у Абукира французскую эскадру Брюиса, отрезал Бонапарту сообщение с Францией, а в то же время против самой Франции двинул *вторую коалицию* из присоединившихся к Англии России и Австрии (1798—1799 гг.).

Впервые зайдя так далеко в Западную Европу, русские полки развернулись вдоль всего правого фланга Франции от Зюдерзее на Северном море до Генуэзского залива на Средиземном море. Причем на юге Суворов в два месяца очистил от французов Италию, куда вслед затем вступили, в качестве хозяев,

австрийцы; в Швейцарии Римский-Корсаков потерпел поражение, а находившийся под командой герцога Йоркского и плохо снабжавшийся англичанами русский отряд в Голландии почти наполовину растаял от голода и болезней, и возмущенный предательством союзников Император Павел I отозвал свои войска в Россию.

С уходом же русских, направленный Питтом в правый бок Франции второй удар был ослаблен и вместо серьезного вреда должен был послужить к внезапному внутреннему оздоровлению Франции.

Узнав в Каире о новой коалиции против Франции, Бонапарт самовольно передал командование египетской армией Клеберу и, прорвавшись сквозь стороживших его на Средиземном море англичан, прибыл в Марсель почти одновременно с вестью о последней блестящей победе его над турками под Абукиром. Неторопливо подвигаясь к Парижу, он еще в пути ясно определил то печальное положение, в котором находилась Франция. Выродившаяся в разбои революция продолжала опустошать страну; все принимавшиеся против

этого зла меры свидетельствовали о растерянности правительства; людей на местах не было; снова разбитые, снова босые и голодные войска на границах Италии и Германии выражали свое неудовольствие открытым ропотом... С другой стороны неподдельная радость сбежавшихся к нему на встречу жителей и недвусмысленные намеки импровизированных речей как нельзя определеннее говорили ему, что уже не одна армия, а весь народ подымает его на свои плечи, как своего главу, ниспосланного Провидением в опаснейшую для государства историческую минуту.

Назначенный по прибытии в

Париж начальником расположенных в столице войск, Бонапарт, с согласия наиболее даровитых членов правительства, отдал распоряжение о переводе в Сен-Клу Совета пятисот и Совета старейшин, чтобы продиктовать им изменения в Конституции. Совет старейшин охотно принял предложенные Бонапартом поправки, но большинство Совета пятисот, усмотрев в действиях Бонапарта насилие над законом, объявило его самого вне закона. При столь неожиданном отпоре, Бонапарт побледнел и, шатаясь, направился к выходу. Но в кулуарах его остановил Сиейсс словами: «они хотят выслать

вас из Франции — так выгоните их из собрания!» Точно реплика находчивого суфлера, фраза вернула Бонапарту его самообладание, и в следующий же момент бросившиеся за ним гренадеры с барабанным боем и ружьями наперевес начали очищать зал заседания (18 брюмера — 9 ноября 1799 г.).

На другой день большинством Совета старейшин и меньшинством Совета пятисот сформировано было новое правительство, названное, по тогдашней моде на классицизм, *консульством* и во главе его был поставлен Бонапарт.

С этого дня революция была окончена, республика существовала

только по имени, и Франция имела своего повелителя.

XXXIV.

Для того чтобы дать народу возможность отдохнуть от внешних войн, стереть следы революции и поправить свое материальное благосостояние, Бонапарт по вступлении во власть отправил австрийскому императору и английскому королю письма с просьбою прекратить военные действия. «Неужели же, — писал он, — война, в течение восьми лет разорявшая четыре страны, должна

быть вечной?» На это от Австрии получился ответ, что она не может действовать без согласия своего союзника. Питт же поставил условием мира возвращение Бурбонов.

После неудачи этой, продиктованной искренним миролюбием попытки не оставалось ничего иного, как отражать нападение силой.

Переведя в течение нескольких дней 60-тысячную армию через Альпы, сам Бонапарт боем под Маренго 14 июня 1800 г. выбросил австрийцев из Северной Италии, а в декабре того же года боем под Гогенлинденом Моро открыл путь

французской армии на Вену и этим принудил Австрию вторично отложиться от Англии.

Для действия же против этой последней, Бонапарт, совершенно неожиданно для него самого, получил весьма серьезную поддержку со стороны России.

Рыцарски прямой император Павел I был до такой степени возмущен предательским отношением Австрии и Англии к русским войскам, что, не довольствуясь выходом из коалиции, выразил желание тесно сблизиться с Францией. С этой целью в Париж отправлен был посланником Колычев, который от имени Государя

передал Бонапарту приглашение принять королевский титул с тем, чтобы уничтожить революционный принцип, вооруживший против Франции всю Европу. А чтобы обуздать становившийся совершенно невыносимым английский деспотизм на море, Россия заключила союз с Пруссией, Швецией и Данией. В силу этого соглашения датчане заняли Гамбург, служивший главным складочным пунктом английских товаров для Германии, и закрыли устье Эльбы, а пруссаки заблокировали устье Везера и Эмса и заняли Ганновер.

Потеряв, таким образом, базу на континенте Европы, Англия

принуждена была прекратить на время свои наступательные действия против Франции и 25 марта 1802 г. подписала мирный договор в Амьене.

Эта передышка дала возможность Бонапарту проявить такие же чудеса по внутреннему возрождению Франции, какие он творил на полях сражений. Неустанно работая над сближением классов, водворением религиозного мира, улучшением администрации, финансовой системы, судопроизводства и народного образования, строя дороги и каналы в провинции, украшая столицу набережными и другими сооружениями, этот всеобъемлющий

гений не мог, конечно, израсходовать всего себя на одни только домашние дела и начал обращать свой орлиный взор на свободное, благодаря прекратившейся войне с Англией, море.

Для того чтобы усмирить восстание на принадлежавшем Франции острове Святого Доминго, Бонапарт снарядил экспедицию и отправил ее под начальством своего зятя Леклерка.

Но едва только французский флот переступил заветную для него черту, как по приказанию английского правительства, отданному 13 мая 1803 г., английские крейсера захватили 1200

французских «купцов», и не получившая никакого извещения о начале войны Франция снова оказалась запертой со стороны моря. Английская печать открыла ожесточенную травлю против Бонапарта. Затем, чтобы облегчить совесть тех, кого могла смутить шестая заповедь, в Лондоне появились специальные сочинения на тему «умертвить — не значит убить», а в скором времени открыт был и новый заговор против первого консула, организованный на английские деньги Кадудалем и Пишегрю.

Но Франция оценила уже своего повелителя и за всю боль открытых и

тайных укусов старалась наградить его так же, как и за государственные заслуги. После неудачного покушения с адской машиной в С.-Никэре, Сенат продлил консульскую власть Бонапарта на десять лет. После Амьенского мира назначил его пожизненным консулом. После заговора Кадудалья и Пишегрю, чтобы отнять у роялистов надежду на возможность государственного переворота, облеченный учредительной властью Сенат присудил победителю при Арколе, Риволи, у пирамид и Маренго, творцу гражданских законов и водворителю религиозного мира титул Императора французов, а сам народ, одоблив

всеобщим голосованием решение Сената, признал в Наполеоне I основателя новой династии (1804).

XXXV.

Возлагая на себя корону Франции, Наполеон лучше, чем кто-либо другой, знал, что в борьбе за жизнь Франция встретилась с Англией на такой узкой дороге, мирное расхождение на которой невозможно, и что до тех пор, пока не будет обезврежен страшный островной враг, его империя все время будет служить наковальней для приводимых в движение английским

искусством континентальных
молотов. А поэтому, не ослабляя
своей государственной деятельности,
Наполеон тщательно начал
готовиться к высадке на
Великобританские острова. С этой
целью в Булонский лагерь стянуты
были лучшие полки, отобранные из
египетской, итальянской и рейнской
армий, и из них образована была
превосходно дисциплинированная,
вооруженная и самим Наполеоном
обученная десантным действиям
«Великая армия». Совершенно
готовая к посадке на стоявшие у
пристани суда, она ждала лишь
прихода эскадры адмирала Вильнева,
которая должна была прикрыть

переправу.

Но в то время как не знавший равных себе в командовании армиями французский Марс собирался опустить свою тяжелую руку над Лондоном, — распоряжавшийся судьбами Европы английский Юпитер заносил уже своему противнику удар на оба его фланга: на левый против находившегося у берегов Испании Вильнева послан был адмирал Нельсон (покончивший с французским флотом у Трафальгара 21 октября 1805 г.), а на правый выходили Россия и Австрия (3-я коалиция 1805 г.).

Узнав о наступлении

австрийцев, Наполеон повернул свою Великую армию на восток, захватил в плен армию Мака под Ульмом и, выйдя через Вену в Моравию, боем под Аустерлицем заставил русских отойти к своим границам, а Австрию положить оружие.

Хотя после Аустерлицкого сражения непримиримый враг Франции Питт скоро сошел со сцены*, но события начинали принимать такой опасный для Англии поворот, что она была обязана продолжать войну, и последняя с каждым годом начала захватывать все больший и больший театр и становиться все более и более кровопролитной.

** Весть об Аустерлицкой победе Наполеона подействовала на Питта так сильно, что он потерял сознание и пришел в себя уже полуразбитый параличом. Но и больной он не переставал думать о шансах войны с Францией. «Сверните ее, — сказал он однажды, указывая глазами на карту Европы, — она не понадобится в течение десяти лет» (т. е. до 1815 г., или Ватерлоо!). Вот оно — божественное знание той сложной европейской машины, которую приводил в движение этот гениальный человек.*

Питт умер в январе 1806 г. Спокойно вынося клевету печати, обвинявшую его в не совсем честном

расходовании колоссальных сумм, проходивших через его руки на субсидирование континентальных держав, он оставил после себя 800 000 руб. долга, который по единогласному постановлению палаты общин был уплачен народом.

В образовавшуюся в следующем, 1806 г. четвертую коалицию против Франции вошли Россия и Пруссия.

Превыше всего гордясь своею фридриховской тактикой, весьма почтенные летами прусские генералы охотно верили тому, что только одни они в состоянии проучить молодых маршалов юноши-Императора. Этой же мыслью прониклась не пропускавшая ни

одного парада королева Луиза, оказавшая сильное влияние на осторожного короля. Не желая делить лавры с русскими, прусский король, еще до подхода нашей армии, послал Наполеону требование убрать свои войска за Рейн.

Ответ на это требование последовал немедленно. В течение всего лишь одного месяца Пруссия лежала у ног Наполеона.

Но эти вынужденные победы могли вызывать восторг и тешить самолюбие человека менее прозорливого, чем Наполеон, ибо самые сильные удары, наносившиеся им союзникам Англии, слабо отражались на этой последней и

лишь осложняли борьбу с нею. Решив поэтому прервать всякую связь Англии с континентом, Наполеон первым делом по вступлении в Берлин объявил «Британские острова в состоянии блокады» и, прежде всего, обязал Пруссию не покупать английских товаров, а захваченные сжигать.

Двинувшись затем навстречу русской армии, он, после Прейсиш-Эйлау и Фридланда, обязал и Россию закрыть свои порты для англичан.

Теперь для того, чтобы распространить эту так называемую «континентальную систему» на всю Европу, нужно было закрыть порты Испании и Португалии. С этой

целью Наполеон направился за Пиренеи и 4 декабря 1808 г. вступил в Мадрид, а в это время Англия выдвинула ему в тыл Австрию (5-я коалиция 1809 г.).

С изумительной быстротой повернув назад, Наполеон сначала в пятидневном бою под Экмюлем и Ратисбоном разбросал австрийские армии, затем в Ваграмском бою dokonчил их поражение и по Венскому миру присоединил к Франции все восточное побережье Адриатического моря. Иными словами — фактически распространил континентальную систему и на Австрию.

После войны 1809 г. общая обстановка на театре борьбы за жизнь между Англией и Францией сложилась следующим образом:

В течение восемнадцати лет, не объявив сама ни одной войны (кроме вынужденного похода за Пиренеи), но активно отражая методически, точно волны прибоя, накатывавшиеся на ее правый фланг коалиционные армии, Франция распространила свое господство на всю Западную Европу.

Распоряжаясь теперь богатствами последней в людях и деньгах, владея всеми побережьями

Северного моря и обладая воплотившейся в лице ее Императора творческой энергией, она имела возможность в короткое время создать превосходный парусный флот, переправить под прикрытием его на Британские острова какой угодно силы армию и покончить с неустанно нападавшим на нее врагом в его же собственном доме.

Эта операция являлась тем более осуществимой, что оставшаяся одинокой Англия была накануне оборонительной войны с С.-А. Соединенными Штатами, долженствовавшей отвлечь значительную часть ее морских сил на запад.

Таким образом, для Англии близился уже тот судный день, когда она, нарвавшись на гения Наполеона, должна была опуститься на уровень сваленных ею Голландии и Испании.

Но преемственно даровитый английский кабинет вывел ее и из этого положения.

В то время вполне независимыми и могущественными державами в Европе оставались лишь сама Англия, деспотически царившая на море, Франция, господствовавшая над западной половиной Европы, и Россия, владевшая восточной половиной этого материка. Так как между двумя последними не было ровно никаких

причин для жизненного соперничества, требовавших устранения вооруженной силой, то вся работа английской дипломатии сосредоточилась на создании их искусственным образом и прежде всего на том, чтобы охладить дружественные, после тильзитской и эрфуртской встреч, отношения между Императором Александром I и Наполеоном и довести их до открытого разрыва.

Одним из главных орудий для этой цели явился собственный министр Наполеона Талейран.

Посланный в Петербург с деликатнейшей миссией, долженствовавшей привести к

прочному союзу между Россией и Францией, он поступил так, как диктовали ему его личные интересы. «J'avoue, — пишет он, — que j'etais effraye d'une alliance de plus entre la France et la Russie. A mon sens, il fallait arriver a ce que l'idee de cette alliance fut assez admise pour satisfaire Napoleon, et a ce qu'il y eut cependant des reserves qui la rendissent difficile»*.

** «Я признаю, что я был испуган еще одним союзом России и Франции. По моему разумению, было необходимо прийти к идее этого союза, который был вполне допустим для того, чтобы удовлетворить Наполеона, однако он*

имел обстоятельства, которые делали его трудно реализуемым» (фр.) [Прим. ред.).

Умно посеянные опытным христопродавцем семена взаимного недовольства, быстро разрастаясь в личную обиду и непримиримую ненависть, в конце концов, запурпуровели кровавым плодом войны.

Закончив все приготовления к далекому и трудному походу, Наполеон в мае 1812 г. прибыл в Дрезден и здесь, во всем блеске своего величия, окруженный свитой коронованных вассалов, обнажил меч против России.

И вот по одному мановению бога войны уже стоявшие под ружьем 680 000 французов, пруссаков, австрийцев, саксонцев, баварцев, вюртембержцев, вестфальцев, голландцев, итальянцев, поляков и т. д. трогаются с места, и весь этот бурный поток разноязычных народов с тяжелым громоханием орудий, скрипом обозов, топотом и ржанием 176 850 лошадей устремляется к востоку...

Никогда еще, как именно в эту минуту, не мог английский гений сказать с большим правом, что «политика есть господство ума над чувствами и материей»; никогда изобретенное им «the ballance of

power in Europe»* не получило столь полного и столь внушительного выражения, как теперь, когда на одну чашку весов положена была западная половина Европы, а на другую — восточная, и никогда английский народ не имел больше основания гордиться своим правительством, как теперь, когда «the great Shadow» — «Великая тень», приводившая в уныние и трепет Британские острова, отброшена была, наконец, в сторону и поползла на зубчатые стены Московского Кремля...

* «Баланс сил в Европе» (англ.)

(Прим. ред.).

Невольно сделавшись громоотводом Англии и приняв на себя удары ополчившейся против нее Западной Европы, Россия обнаружила все присущее ее народу и армии мужество, но при этом, по мнению Кутузова, она должна была ограничиться изгнанием врагов и «сохранить Наполеона для Англии».

К несчастью, окружавшая государя свита из англичанина Роберта Уилтона, шведа Армфельда, пруссаков Вольцогена и Винценгероде, эльзасца Амштедта, пьемонтца Мишо и корсиканца Поццо ди-Борго, не обращая внимания на разорение страны и усталость войск, напрягала все

усилия к тому, чтобы перенести войну за границу для освобождения от ига Наполеона и Западной Европы.

Старания иностранцев увенчались успехом, и 1 января русская армия переправилась за Неман.

Начавшееся таким образом обратное течение народов с востока на запад должно было оказать самое решительное влияние на ход англо-французской борьбы, так как, по мере приближения к границам Франции, число наступавших на нее континентальных держав увеличивалось, силы их росли и дух креп в той же прогрессии, в какой

убывала мощь Франции.

Уже в мае 1813 г. под Люценом и Бауценом под знаменами Наполеона сражалась армия, отпущенная ему, так сказать, в кредит, ибо в ее рядах находились взятые до срока контингенты 1813—1814 и 1815 гг. Во время Пойшвицкого перемирия, надавив на Францию всею тяжестью своей власти и выжав из нее последние соки, он довел свои силы до 350 000 человек, но это были солдаты уже только по имени и во главе их стояли не львы Аустерлица, Ваграма, Иены и Ауэрштедта. Идеальный начальник штаба Бертье, перенеся воспаление мозга, страдал забывчивостью,

мечтал об охоте в своем недавно
приобретенном имении и
перепутывал приказания.
Перегруженные наградами и славой
маршалы вслух думали о
прекращении войны и возвращении
во Францию.

Наконец сам Наполеон,
надломленный московским походом,
заболел старческой апатией. Еще
недавно окрылявшая его гений
музыка орудий перестала
действовать на его душу, и иногда в
пылу боя, сидя на барабане, он
тщетно старался поднять свои веки,
поминутно наливавшиеся свинцом
дремоты. А поэтому, при образцовой
в техническом смысле подготовке

операций на Эльбе, в самом выполнении их уже не было вдохновения. Не доведенная до конца победа его под Дрезденом (август 1813 г.) и целый ряд сражений (Кацбах, Гросбеерн, Денневиц, Кульм), проигранных его маршалами, заставили его отойти к Лейпцигу. Здесь, в трехдневной «битве народов» (октябрь 1813 г.), вместе с потерей Германии рухнуло господство Наполеона над Западной Европой, и он вынужден был уже не отступать, а пробиваться сквозь восставшие в тылу народы Рейнского союза.

В январе 1814 г. огромная масса союзных войск, общей численностью

около 400 000 человек, тремя потоками начала переливаться через границы Франции.

Оставшийся с несколькими дивизиями гвардии и новобранцами в возрасте наших потешных, всего 60 000 человек, Наполеон еще раз проявил былую энергию. С невероятной быстротой и львиной отвагой бросаясь то против одной, то против другой колонны, он одерживает целый ряд побед. Его январские и февральские С. Дизье, Бриен, Шампобер, Монмираль, Вошан и Монтеро заняли весьма почетные места в стратегии и тактике, но в ходе событий это была уже агония. С каждым разом удары

его становятся слабее и слабее. За Кра-оном следует Лаон, за Лаоном — Арсис-сюр-Об, и отброшенный в сторону лев открывает союзникам путь к столице.

С занятием Парижа союзными войсками участь Наполеона, как императора, и участь Франции, как мировой державы, была решена окончательно. Вместе с тем определилась до известной степени и судьба всех народов континентальной Европы.

Едва избавясь от грубого по форме диктаторства «Наполеона-человека», Европа сейчас же подпала под утонченное и полное рокового значения иго «Наполеона-народа»...

В течение двадцати трех лет ведя крайне упорную борьбу с Францией, Англия своими собственными войсками почти не участвовала в боях. Вместо того чтобы проливать драгоценную кровь своих подданных, она снабжала сражавшиеся за нее континентальные армии пушками, снарядами, ружьями, одеялами, сапогами, палатками, седлами, шанцевым инструментом и т. п.; не участвовавших в бою она одевала в свои ткани, привозила им посуду, стальные изделия, предметы роскоши и, как хозяйка морей,

обеспечивала материк всеми колониальными товарами. Иными словами, была *поставщиком* по горло занятой войнами Европы.

С введением континентальной системы, когда для распространения ее и на Пиренейский полуостров Наполеон двинул свои войска против Испании и Португалии, Англия немедленно послала на помощь последним небольшую армию, а ее корабли направились к берегам Америки, дали толчок к восстанию испанских колоний и, уничтожив торговую монополию испанцев, открыли для английской торговли обширный американский рынок.

Одновременно с этим,

обладавшие изумительною широтой взгляда, при которой весь земной шар казался им много меньше, чем нам кажется сейчас Россия, государственные люди Англии делали и другое не менее важное дело:

В 1799 г., когда наши войска штыками прокладывали себе путь в теснинах Швейцарии, Англия заняла Мальту и, утвердив свое господство на Средиземном море, закупорила нам проливы.

В 1805 г., во время шенграбенского и аустерлицкого боев, уже проложив цепь этапов вдоль западного берега Африки, она отняла у голландцев лежавшую на

тогдашнем пути в Индию и представлявшую собою превосходную базу для наступления в глубь Африки Капскую колонию, а по восточную сторону этого материка захватила у французов вытянувшиеся по направлению к Индии группы островов Иль-де-Франс и Сейшельские.

В 1813 г., в то время как наша армия спасала Западную Европу под Дрезденом и Лейпцигом, она заканчивала уже завоевание Индии, чтобы с этой базы распространить свое господство на юг Азии и преградить нам наступление по всему нашему фронту.

Короче говоря, в то время как

вся континентальная Европа
выжимала из себя все соки в
ожесточенных, но представлявших
для нее самой одно сплошное
недоразумение войнах, Англия
закладывала прочный фундамент
своего материального
благосостояния и своей нынешней
грандиозной Империи.

Затем, после победы над
Францией, оставшись единственной
морской державой, она окружила
европейский материк своим
могущественным флотом и точно
насыщенной электричеством
изгородью размежевала им земной
шар следующим образом:

Все, что находилось снаружи

этой изгороди, т. е. весь безграничный простор морей с разбросанными на них островами, все самые обильные теплом, светом и природными богатствами страны, словом весь Божий мир, она предоставила в пользование англосаксов, а для всех остальных народов белой расы устроила на материке концентрационный лагерь.

XXXIX.

Результаты подобного размежевания должны были обнаружиться в довольно скором

времени.

Обладая таким без меры в длину и без конца в ширину идеальным полотном, какое представляет собою водная поверхность земного шара, англичане проводили на нем судоходные линии, устраивали станции, занимали проходы, устанавливали для защиты их артиллерию; продвигались с прибрежных частей в глубь материков, захватывали лучшие земли, открывали конторы, овладевали новыми рынками. С каждым годом увеличивавшиеся в числе и вместимости английские корабли, развозя во все концы мира продукты английского труда и

возвращаясь назад с драгоценными произведениями тропиков и сырыми материалами для фабрик и заводов, в то же время, точно гигантская помпа, прикачивали к Лондону золото, а последнее, разливаясь по стране, вносило волшебную перемену во всю материальную и духовную жизнь англичан.

«Ротшильд-народ» и притом разумный «Ротшильд» — англичане не жалели своих капиталов на всевозможные опыты по обработке и удобрению земли, на подбор семян, на улучшение пород скота, на устройство просторных и светлых жилищ, красивую и удобную обстановку их и т. д. и т. д. И вот, с

течением времени сырые и туманные острова начали превращаться в образцовую ферму. Грубое, страдавшее всеми неразлучными с нуждой человеческими пороками, в особенности пьянством, население вырастало в воздержанную, проникавшуюся чувством собственного достоинства аристократическую расу. Английский язык из контор и из-за магазинных прилавков смело направился в европейские салоны, где английский комфорт теснил уже в свою очередь французское изящество. Словом, по мере увеличения богатств, Англия превращалась в модель, которой,

прежде всего, начала подражать Франция.

Легко и быстро подымаясь, таким образом, на высшую ступень культуры и занимая господствующее положение по отношению к другим народам, англичане ни на одну минуту не спускали глаз с запертого и обреченного ими на физическое и моральное «degeneracy» европейского материка.

После разгрома Франции, они начали переносить свое внимание на Россию, ибо, со вступлением на престол Императора Николая I, последняя снова обратилась к своим собственным делам и, начав наступление правым флангом к

Средиземному морю и Персидскому заливу, могла прорвать здесь английскую блокаду и сделаться морской державой, т. е. дать выход наружу своим глухнувшим взаперти силам и средствам.

Ввиду этого, сейчас же став за спиной Турции и Персии для удержания первых наших натисков, англичане вместе с тем начали сосредоточивать к нашему правому флангу силы всей континентальной Европы.

Этот маневр, требовавший для своего выполнения многих лет, представляет собою лучшее доказательство того, с какою непрерывностью,

последовательностью и искусством работает английский кабинет, независимо от смены стоящих во главе его лиц.

XL.

Как известно, после поражения Франции, эта считавшаяся главной виновницей всех беспорядков в Европе держава привлечена была на международный суд в Вену. Здесь, заодно с нею, присуждены были к наказанию и большинство мелких государств, разбитая на куски территория которых пошла на вознаграждение держав,

принимавших наибольшее участие в борьбе с Наполеоном. Этот раздел вызвал бездну неудовольствий и обид, грозивших при первом же удобном случае перейти в восстание. А поэтому, для обеспечения мира в Европе, образован был Священный Союз, и вслед за войнами началась эпоха конгрессов и усмирительных экспедиций.

Не имея возможности действовать открыто, все недовольные начали организоваться в тайные общества и в противовес войскам формировать армии рабочих. В каждом государстве эти общества преследовали свои цели: во Франции они стремились к

свержению Бурбонов и возведению на престол династии Бонапарта; в Италии желали освобождения из-под австрийской зависимости и объединения многочисленных мелких владений в одно государство; в Австрии готовили отделение Венгрии и т. д. Но все эти скрытые силы имели одну и ту же организацию, один и тот же устав, одну и ту же дисциплину и одну и ту же иерархию, приводившую, в конце концов, к подчинению их главе английского кабинета.

Таким образом, после Венского конгресса в Европе, установилось, если можно так выразиться, «вертикальное равновесие сил»;

наверху всеми, так называвшимися реакционными силами, командовал главный вдохновитель Священного Союза Меттерних, а все нижние, или либеральные течения направлялись Пальмерстоном, и перевес был, конечно, на стороне последнего.

В 1830 г., когда изнемогший под непрерывным давлением английского кабинета Карл X решил освободиться от английской и меттерниховской опеки и вступить в союз с Россией, Пальмерстон одним толчком революций этого же года снес с королевского трона Франции старшую ветвь Бурбонов, оторвал Бельгию от Голландии и накренил почти все пограничные столбы,

поставленные Венским конгрессом.

Вторым подземным толчком 1848 г. он еще сильнее встряхнул Западную Европу для лучшего саморассортирования ее народностей, причем опрокинулась младшая династия Бурбонов, и Франция превратилась в республику.

10 декабря 1848 г. весьма удобной для державших в своих руках рабочие массы тайных обществ всеобщей, равной, прямой и закрытой баллотировкой избран был на президентский пост племянник Наполеона I Людовик-Наполеон Бонапарт.

После маленького восемнадцатого брюмера Людовик

Бонапарт повернул Францию от республики к империи; 2 декабря 1852 г. он взошел на престол под именем Наполеона III, а 10 апреля 854 г. оформил свои тайные соглашения с английским кабинетом союзом против России, к которому примкнул и зародыш будущего итальянского королевства — Пьемонт.

Вслед за этим англо-французские эскадры двинулись к Петропавловску-на-Камчатке, в Белое и Балтийское моря, а главные силы союзного флота и десантная армия направились в Черное море и на Крымский полуостров.

С безошибочностью хорошего

хронометра подготовив, таким образом, удар и направив его одновременно на все наши побережья, Англия утопила наш Черноморский флот, начинавший уже выдвигать из себя Нахимовых и Корниловых, дотла разорила его базу, сделала Черное море нейтральным и запретила нам строить на нем новые военные суда...

XLI.

8 апреля 1856 г. на Парижском конгрессе представитель Пьемонта граф Кавур выдвинул вопрос о положении Италии и этим напомнил

Наполеону III о втором его
обязательстве, данном перед
вступлением на престол.
Поставленный в необходимость
считаться с религиозными чувствами
своего народа и интересами
собственной страны, Император
медлил.

Поэтому 14 января 1858 г.
несколько итальянских фанатиков
бросили под его карету адский
снаряд. Преступники были казнены,
но в следующем же, 1859 г.,
Наполеон III двинул на Аппенин
ский полуостров 120-тысячную
французскую армию, нанес
австрийцам поражение при
Мадженте и Сольферино и, получив

по Виллафранкскому миру
Ломбардию, передал ее Пьемонту.

Этот первый успех сильно
ободрил итальянских карбонариев. В
1860 г. поднялась Сицилия, откуда
один из революционных вождей —
Гарибальди пошел со своею бандой в
Неаполь, а спускавшаяся навстречу
ему из Ломбардии пьемонтская
армия овладела Средней Италией и
Церковной областью.

18 февраля 1861 г. съехавшиеся в
Турине депутаты первого
итальянского парламента
постановили предложить
пьемонтскому королю титул короля
Италии, для полного единства
которой оставалось еще отнять у

папы Рим и у австрийцев Венецию.

Но одновременно с объединением народов Аппенинского полуострова в центре Европы подходила уже к концу политическая мобилизация живших отдельными самостоятельными группами под шефством Австрии германцев.

Несмотря на то, что мобилизация эта производилась совершенно открыто и все последствия ее могли быть учтены заранее, Наполеон III продолжал выполнять свои союзные обязательства по отношению к Англии. Французский флот и войска открывали в это время китайские

порты, и внимание французского общества отвлечено было по другую сторону земного шара. Между тем безостановочно движущаяся стрелка исторических часов близилась уже к той цифре, когда в непосредственном соседстве с Францией должен был ослышаться протяжный и гулкий бой прусских орудий.

В 1864 г., в союзе с Австрией, Пруссия двинула свои войска против Дании и отняла у нее Шлезвиг и Голштинию, предоставившие ей гавань Киль, устье Эльбы и чрезвычайно важные участки береговой полосы Балтийского и Северного морей, связанные ныне

каналом.

В 1866 г. она повернулась на юг и совместно с Италией выбросила Австрию из германского союза. Хотя сама Италия потерпела при этом поражение, но зато, что она оттянула на себя 160-тысячную австрийскую армию, она, благодаря любезности Наполеона III, получила Венецию.

Наконец пришел черед и Франции собирать печальные плоды тех лет деятельности ее Императора, когда освещенный искусно направленным на него со стороны прожектором, он казался чуть ли не вершителем судеб Европы.

Восстановивший против себя за Севастополь Россию, не

поддержавший в 1866 г. Австрию и умышленно брошенный теперь Англией, мечтательный и робкий по натуре Наполеон III слишком поздно увидел, какою игрушкой был он в руках своего коварного союзника. Окончательно потеряв поэтому голову, он, при полной неготовности, сам объявил войну Пруссии и спустя месяц после начала военных действий ехал уже в Германию в качестве пленного. Спустя еще пять месяцев, в богато украшенном картинами былых побед французов над германцами зале Версальского дворца, Вильгельм I провозглашен был Императором единой Германии. Наконец еще через четыре месяца,

снова разоренная и еще раз духовно надломленная Франция отодвинута была за те границы, до которых в 1552 г. довели ее Капетинги.

С ослаблением же Франции, образованием Германской империи и Итальянского королевства и теми переменами, которые были внесены войной 1877—1878 гг. на Балканах и деятельностью английской дипломатии на Скандинавском полуострове — на шахматной доске Европы почти все фигуры оказались придвинутыми к востоку и занявшими по отношению к нашей границе следующее положение.

1. Скандинавские государства. Еще перед Севастопольской войной,

желая нарушить наши добрососедские отношения со скандинавскими народами, английский кабинет, посредством печати, поднял заведомо ложную тревогу о том, что будто бы Россия ищет выхода к Атлантическому океану через Норвегию, и наметила для этого гавань Викторию*. Затем, чтобы сделать эту скверную выдумку более правдоподобной, в ноябре 1855 г. тогдашние союзники Англии и Франции подписали в Стокгольме со Швецией и Норвегией договор, по которому скандинавские государства обязывались не уступать, не обменивать и не позволять России занимать какой бы то ни было

участок шведско-норвежской территории. Со своей стороны, Англия и Франция обещались, в случае надобности, поддержать шведского короля войсками и флотом.

** Подобный же ложный слух пущен был и весной нынешнего года посредством сильно нашумевшей брошюры Свена Гедина, явившейся ничем иным, как ответом на требования русской печати убрать из Персии английского майора Стокса, работавшего с Морганом Шустером в таком же согласии, в каком Англия работает с С.-А. Соединенными Штатами во всей Южной Азии.*

Измыслив, таким образом, предлог и официально взяв под свое покровительство скандинавские государства, Англия с этой базы распространила свое влияние на Финляндию и начала постепенно превращать Финляндию в свой политический авангард, Швецию в финляндский резерв, а Норвегию оттягивать под собственное крыло, чтобы обеспечить себе пользование норвежскими бухтами при наступательной войне с очередной континентальной державой на Северном море.

2. Германия. Превратясь со времени своего объединения в

несколько раз увеличенную Пруссию, эта могущественная военная держава привлекла к себе три четверти нашего внимания и сил.

3. Австро-Венгрия. Вытесненная из Италии и Германского Союза, она повернулась в противоположную сторону, т. е. частью к востоку, а главным образом на Балканы*.

** А для того, чтобы дать читателям возможность судить о том, чей же в действительности мозг работает на Балканах, приведу следующее письмо английского посла в Константинополе сэра Вильяма Уайта к английскому послу в Петербурге сэру Роберту Мориеру, писанное 7 декабря 1885 г.: «Что*

касается принятого нами образа действий, то я уверен, что вы одобрите его. В будущем Европейская Турция, до Адрианополя, по крайней мере, должна принадлежать христианским народам... Мы подвергались постоянным обвинениям со стороны России в том, что являемся главным препятствием освобождения христианских народов Европейской Турции. Причины для такого особенного образа действий с нашей стороны по счастью перестали существовать; мы имеем теперь возможность действовать беспристрастно и постепенно, с надлежащими одержками [так в

оригинале — И. О.], применять ту политику, которая прославила Пальмерстона в отношении Бельгии, Италии и т. д. Русские принесли много жертв для освобождения Греции, Сербии и Княжеств. Но они потеряли все свое влияние в Греции, Сербии и Румынии. Одна только Черногория осталась верной и благодарной... В настоящее время они теряют Болгарию... Эти только что освобожденные народы желают дышать свежим воздухом, но не через русские ноздри (*and not through Russian nostrils*)... Чувствую, конечно, что все это может иметь свой *contre coup* в Азии, но мы не можем определить наш курс по

чисто азиатским соображениям. Несомненно, что все великие интересы наши там, но мы имеем также и европейские обязанности, и европейское положение, и даже европейские интересы».

Дополняя это письмо собственными комментариями, хорошо известный писатель, питомец Московского университета и друг России Джофри Дредж говорит: «Если бы султан оказался несговорчивым и требуемые державами реформы невыполнимыми, то мы (англичане) должны приложить все старания к тому, чтобы помочь болгарам в создании их государственной мощи.

Наконец, в случае полной невозможности «защитить больного человека ширмою от холодных северных ветров», необходимо обратиться к тому средству, на которое указывают слова Болгарского национального гимна «Марш, марш! Царьград наш!..». Как бы там ни было, но союз Балканских государств с расширенной Болгарией, под покровительством Австро-Венгрии или без оного, представит собою наиболее разумное решение вопроса». При чем Англия по мысли Дреджа должна занять Смирну и Митилены.

Вот, собственно говоря, когда и в каком виде сказались результаты нашего участия в коалициях, наших войн за освобождение Европы и ошибочного понимания нами «равновесия сил». Деятельно помогая Англии валить Францию, мы упустили время, когда с половиной войск, дравшихся на западе, смело могли пробить себе путь к южным морям. А свалив Францию, мы тем самым ослабили полезный нам противовес и дали возможность Англии придвинуть к нашей границе всю континентальную Европу, которая в свою очередь давлением на наш правый фланг помогла Англии

парализовать наши действия на всем нашем фронте от устьев Дуная до Желтого моря...

XLII.

После всего сказанного не трудно, вернее *страшно* легко, понять и истинный смысл событий, представляющих собою органически сросшееся с событиями прошлого столетия продолжение их.

Сделавшись единственной обладательницей морских путей и распространив свое политическое и экономическое господство на большую часть земного шара, Англия

напрягала и продолжает напрягать все усилия к тому, чтобы удержать за собою это исключительное положение, и на всякую попытку со стороны других континентальных держав выйти в море смотрела и продолжает смотреть как на посягательство на ее жизненные интересы. Дважды разрушив поэтому наши морские силы и заблокировав нас с фронта таким образом, что в настоящее время единственным и уже полузакрытым выходом осталась одна Персия, Англия в то же время подготавливалась к действиям против очередного и последнего из ее серьезных соперников — Германии.

Хотя после войны 1870 г.

германцы получили с Франции два миллиарда рублей, но это единовременное пособие, ушедшее большей частью на покрытие военных расходов, не сделало их ни богатыми, ни счастливыми. Уже скоро после войны недовольство накопившегося в городах рабочего населения начало выражаться в стачках, забастовках и покушениях на Императора Вильгельма I (1878, 1883, 1884, 1885 гг.).

Так как строгие карательные меры, применявшиеся Бисмарком, не привели ни к чему, то, рассчитывая уладить дело с помощью мирного соглашения, Император Вильгельм II приказал в 1891 г. созвать в Берлине

рабочий конгресс, на котором были приняты многие требовавшиеся рабочими улучшения их быта. Но достигнутое таким образом успокоение было непродолжительно, ибо главная причина всеобщего недовольства коренилась в том, что, сжатая с трех сторон такими же густо населенными государствами, Германия не могла питать свое быстро растущее население одними собственными средствами, а стало быть, нужно было искать их в четвертой стороне.

Придя к такому выводу, Вильгельм II объявил, что «будущее Германии лежит на море». После этих слов, заключающих в себе

необычайно важную и для соседей политическую программу, точно вырвавшаяся из запертого сосуда германская энергия устремилась на морские предприятия. Причем, несмотря на то, что Германия начала превращаться в морскую державу слишком поздно, когда все колонии были уже разобраны, рынки захвачены и для достижения их нужно было ездить по английским путям и останавливаться на английских станциях, германцы в короткий срок достигли удивительных результатов. Их торговый флот по количеству и качеству судов давно обогнал французский и достиг почти одной

трети английского. Обороты морской торговли уже в 1904 г. почти вдвое превысили собою французскую контрибуцию, а в 1910 г. достигли шести миллиардов рублей.

Но столь быстрому расцвету, вероятно, будет соответствовать и такой же внезапный конец.

Звучный клич Императора, всколыхнувший собою германский народ, сейчас же подхвачен был англичанами, как вызов на борьбу не на жизнь, а на смерть.

Занятая сначала в Трансваале, а затем борьбой с нами в Азии, Англия еще до Портсмутского мира возобновила свой союз с Японией и, поручив ей охрану своих интересов

до Индии включительно, начала стягивать все свои силы в Северное море, и вот еще невиданный по величине флот ее дамокловым мечом повис уже над Германией...

В апреле нынешнего года у одного из моих друзей я встретился с немолодым уже, серьезным и весьма осведомленным господином, только что вернувшимся из-за границы, от которого услышал следующее:

«Могу сказать вам как безусловную истину, что во второй половине октября Англия нападет на Германию и к концу декабря уничтожит германский флот».

На вопрос, отчего именно в октябре — мой собеседник ответил:

«потому что до этого времени необходимо наладить дела на Балканах».

Этот разговор я привожу здесь, не придавая ему серьезного значения, — ибо, раздадутся ли первые английские выстрелы в ночь на 8/21 октября, т. е. в годовщину положившего начало мировому господству Англии Трафальгарского боя, или одним-двумя месяцами позже, все равно результат будет один и тот же: в силу исключительно благоприятного географического положения Англии морская торговля германцев будет прервана, много слабейший флот их будет разбит и сама Германия будет выброшена на

сушу.

Но так как для серьезного обессиления первоклассной европейской державы одной морской победы над нею совершенно недостаточно, а необходимо глубокое поражение ее на суше, то сама Англия начнет войну лишь в том случае, если ей удастся вовлечь в нее Россию и Францию. Участие этих держав и распределение их по театрам войн в течение последних лет обсуждались английской печатью так, как будто бы «тройственное соглашение» было уже формальной коалицией против Германии.

При таких условиях рассчитывать на чистосердечное

желание английской дипломатии привести нынешние Балканские события к мирному разрешению трудно. Наоборот, надо думать, что, пользуясь огромным влиянием на Балканах и в известных сферах Австрии, она будет стремиться к тому, чтобы сделать из этих событий завязку общеевропейской войны, которая, еще больше чем в начале прошлого столетия опустошив и обессилив континент, явилась бы выгодной для одной только Англии.

Возможно, что огромный английский ум и систематическая работа одолеют и на этот раз все препятствия. Но мне кажется, что пора бы задыхающимся в своем

концентрационном лагере белым народам понять, что единственно разумным balance of power in Europe была бы коалиция сухопутных держав против утонченного, но более опасного, чем наполеоновский, деспотизма Англии и что жестоко высмеивавшееся англичанами наше стремление к «теплой воде» и высмеиваемое теперь желание германцев иметь «свое место под солнышком» не заключают в себе ничего противоестественного. Во всяком же случае, присваивая себе исключительное право на пользование всеми благами мира, англичанам следует и защищать его одними собственными силами.

ВЕЛИЧАЙШЕЕ ИЗ ИСКУССТВ (Обзор современного положения в свете высшей стратегии)

*Мне кажется, что
наша политика так же
кустарна, как и наша
промышленность*

М. Меншиков

I.

Подобно тому, как каждая нормально растущая семья не может все время существовать на одном и том же участке земли, так и каждый нормально растущий народ не может довольствоваться все той же, когда-то занятой его предками территорией, и, по мере размножения, вынужден стремиться за пределы своих первоначальных владений.

Эта земельная нужда, давшая в свое время пастушеским народам Азии толчок массовому переселению в Европу, заставила их потом, уже в качестве хлебопашцев, продолжать свое движение и далее к западу. Едва открыт был Новый Свет, как

наиболее предприимчивые и жаждавшие простора западноевропейцы поплыли за Атлантический океан и положили основание Новой Испании, Новой Португалии, Новой Голландии и Новой Франции.

Но такое распространение по поверхности земного шара народов континентальной Европы встретило сильное противодействие со стороны наделенных исключительными военными дарованиями обитателей Британских островов.

Произведя посредством своих знаменитых мореплавателей широкую разведку океанов и лежащих за ними стран и наметив

лучшие места для образования многочисленной семьи Новых Англий, англичане вместе с тем выработали гениальную систему борьбы с континентальной Европой. Рядом упорных войн они по очереди вытеснили с моря всех своих соперников, а с помощью составлявшихся ими из континентальных же народов коалиций до такой степени подорвали организм сначала Испании, а затем и Франции, что обе они, заболевшие тяжким недугом бесплодия, перестали быть опасными для раскинувшей по всему миру свои могучие побеги английской расы.

Направив затем свои главные усилия против распространявшейся к югу России, англичане, вместе с разрушением нашего флота в Черном и Желтом морях и вытеснением нас с Тихого океана, почти наглухо забаррикадировали весь государственный фронт наш от устья Дуная до устья Амура. Недавний крутой поворот их от открытой вражды к внешнему дружелюбию совершился под давлением весьма серьезных перемен в стратегических условиях на континенте Европы, происшедших в последние годы. Перемены эти перечислены были фельдмаршалом графом Робертсом в одной из его речей в Палате Лордов в

следующем порядке:

«Быстрое возрастание в числе и боевых качествах иностранных флотов, что представляет не существовавшую раньше угрозу совместных действий их против Англии. Огромный рост коммерческого тоннажа германских кораблей, в особенности тоннажа и перевозной способности новейших типов пассажирских пароходов, дающих возможность совершать большие заморские экспедиции с меньшим количеством транспортов и большей легкостью. Здоровый рост сил Германии и ее союзников на суше и на море. Неподвижное состояние населения и военных сил

Франции. Искусная работа германской дипломатии по привлечению на свою сторону мелких государств Западной Европы и, наконец, — самое главное — успешное стремление Германии к преобладанию на европейском континенте».

Рассмотрим теперь эти же перемены не с английской, а с совершенно объективной точки зрения.

Одним из основных и неизменных принципов государственной политики (Высшей Стратегии) англичан является следующий: уничтожив морские силы своих соперников и заперев

последних на материке, — удерживать их на нем подвижными стенами своего могущественного флота.

Вполне надежные против слабых попыток каждого европейского народа в отдельности, стены эти могли бы оказаться недостаточными в том случае, когда задыхающиеся в тесноте и пожелавшие вырваться на мировой простор континентальные народы объединились бы вокруг одной из сильных и богатых инициативой держав и совокупными усилиями бросились бы на прорыв английской блокады.

Ввиду этого, вторым основным

принципом государственной стратегии англичан является наложение на континентальные народы особого рода оков *balance of power*, *под которым*, по словам лорда Керзона, *подразумевается освященное веками решение Англии не допускать на континенте Европы сколько-нибудь опасного преобладания какой бы то ни было державы.*

В настоящее время, после потерявших уже наступательную энергию Испании и Франции и временно, как в начале прошлого столетия, понадобившейся России, такой опасной для Англии державой сделалась Германия.

Не имея возможности ни существовать средствами собственной территории, ни распространяться на переполненном людьми материке, быстро растущий германский народ изменил систему своего труда, то есть от хлебопашества перешел к фабричной и заводской деятельности, переустроил сообразно с новыми требованиями сеть внутренних сообщений, оборудовал морские побережья и, создав превосходный коммерческий флот, устремился для добывания дополнительных средств к жизни за море. Иными словами, сделавшись морской державой, Германия до дерзости смело

выступила против могущественной и не терпящей никаких посягательств на ее жизненные интересы Океанской Империи и этим положила начало целому урагану событий, внутренний смысл которых можно видеть из нижеследующего.

Для неизбежной при подобном выступлении англо-германской войны, стратегическое положение новой морской державы крайне невыгодно. Все ее коммуникационные линии, отходящие от фронта, перерезываются гигантским барьером Британских островов. Обход же последних как с юга, по теснине Ла-Манша, так и с севера,

вокруг Шотландии, в военное время невозможен, ибо, отделив Норвегию от Швеции, устроив базы на Оркнейских и Шетландских островах и сосредоточив в домашних водах четыре пятых своего флота, англичане, по их образному выражению, «запечатали» Северное море так, что с открытием военных действий вся промышленная и торговая Германия сразу же может очутиться в положении армии, пути подвоза которой оказались бы в руках противника.

Чтобы вырваться из этих железных тисков, то есть сохранить во время войны — особенно общеевропейской — связь с

внеевропейскими странами, Германия заблаговременно начала устраивать в тылу у себя длинную коммуникационную линию от Берлина через союзную Австрию, Балканский полуостров и Малую Азию в самый центр магометанского мира (Багдадская железная дорога) и постепенно готовить в Турции, Персии и Аравии обширную базу для вывоза из нее в будущем продовольственных припасов и товарообмена, а для обеспечения этой базы и прикрытия коммуникационной линии на турецком участке приступила к реорганизации турецкой армии. В тех же видах более надежного

устройства своих тыловых сообщений, она начала поощрять наступление Австрии через Балканы к Салоникам.

Затем, так как средоточием главнейших путей Океанской Империи является Средиземное море с Суэцким каналом, то для действий в этом районе Германия наметила: 1) быстро увеличивавшиеся по ее настоянию флоты Австрии и Италии и 2) ту же реорганизованную ею турецкую армию, которая, двинувшись на Египет, одним ударом перерезывала бы сонную артерию Суэца.

Наконец, кроме Турции, она привлекла на свою сторону еще одну,

лежавшую на Средиземном море и Атлантическом океане магометанскую страну, Марокко, с тем, чтобы занять один из необычайно важных в стратегическом отношении портов этого государства, укрепить его и, обратив в стоянку для специально строящихся в последнее время для охоты на торговые суда крейсеров-дредноутов с огромным радиусом действий, зайти, таким образом, в тыл Англии и стать на всех английских путях через Гибралтарский пролив, вокруг Африки и к обеим Америкам.

Если бы Германии удалось осуществить этот широко, смело и

правильно задуманный план действий, тогда она, отвечая угрозой на угрозу, на долгое время обеспечила бы себе мир и устойчивое развитие своих морских сил. В случае же крайности, инициатива войны и значительные шансы на успешный исход последней находились бы в ее руках, ибо, двинув в надлежащий момент на Египет Турцию, создав серьезные осложнения на Средиземном море и оттянув туда часть английских сил, она в то же время со своей главной, уширенной голландским и бельгийским побережьями базы могла бы повести против Англии решительные операции в Северном

море.

Но, к сожалению для Германии, ее молодое искусство борьбы за жизнь оказалось много ниже той изумительной системы, которая работает в Англии еще со времен плохого философа, но гениального стратега Бэкона.

Сумев внушить кому следовало безотчетный страх перед честолюбивыми замыслами германцев будто бы на лежащую за Марокко испанскую и французскую Сахару, англичане, посредством прекрасно владеемого ими орудия — европейских конференций — заставили Германию уйти из марокканских портов Танжера и

Агадира. Причем уже на первой конференции установили необходимое им balance of power in Europe, то есть в противовес организованной Германией группе держав составили свою английскую.

Затем, чтобы внести в группу своего противника серьезный разлад и ослабить ее материально, они дали понять Италии, что не окажут никакого противодействия, если та заберет обещанную ей еще в 1881 г., то есть во время занятия англичанами Египта, а французами Туниса, Триполитанию. Натолкнув, таким образом, Италию на Турцию, Англия, во-первых, ослабляла две державы Германской группы

междоусобной войной; во-вторых, отнимала у Турции ее последние владения в Африке, иными словами, выбрасывала эту державу из африканского материка, укрепляя тем собственное положение в Египте; и, в-третьих, ставила Германию, как главу группы, в весьма затруднительное положение: ворча, но не смея возвысить голос против союзника и лишь сочувственными вздохами помогая другу — она компрометировала себя в глазах обоих.

Внимательно следя, наконец, за положением дел на Балканах, Англия решила, что все освобожденные нами христианские народы выросли и

окрепли уже до такой степени, что могут служить прекрасным орудием для ее целей, а поэтому сочла своевременным приступить к тем мероприятиям, о которых, как о вещи вполне нормальной, составляющей часть выработанной давным-давно программы, говорилось еще в 1885 г.*

Прежде всего, она помогла выдвижению на пост первого министра Греции хорошо известного ей по Криту Венизелоса**, а этот ловкий и умный Левантинец, организовав по рецепту balance of power Балканский союз и предоставив на первое время главную честь, работу и

ответственность наиболее сильной Болгарии, двинул под ее предводительством давно ждавшие подобного толчка христианские народы против Турции.

** 7 декабря 1885 г.английский посол в Константинополе сэр Вильям Уайт писал английскому послу в Петербурге, сэру Роберту Мориеру: «...что касается принятого нами образа действий, то я уверен, что вы одобрите его. В будущем Европейская Турция, до Адрианополя, по крайней мере, должна принадлежать христианским народам... Мы подвергались постоянным обвинениям со стороны России в том, что являемся главным*

препятствием освобождения христианских народов Европейской Турции. Причины для такого особенного образа действий с нашей стороны перестали существовать; мы имеем теперь возможность действовать беспристрастно и постепенно, с надлежащими одержками, применять ту политику, которая прославила Пальмерстона в отношении Бельгии и Италии и т. д. Русские принесли много жертв для освобождения Греции, Сербии и княжеств, но они потеряли все свое влияние в Греции, Сербии и Румынии. Одна только Черногория осталась верною и благодарною... В настоящее время они теряют

Болгарию... Эти только что освобожденные народы желают дышать свежим воздухом, но не через русские ноздри» (and not through Russian nostrils).

*** В 1910 г. английская печать в течение нескольких недель неустанно твердила, что единственный человек, способный вывести Грецию из внутренних затруднений и поднять ее престиж извне — это Венизелос.*

Когда же поднятая, почти в буквальном смысле слова, на штыки Турция сброшена была к проливам, и усерднее других поработавшие болгары потребовали себе

наибольшего вознаграждения, тогда заранее подготовленному четверному союзу — уже под гегемонией Греции — внушено было подчинить и эту державу расчетам высшей стратегии.

Расчеты же эти были следующие:

Около ста лет поддерживавшаяся против нас Турция после войны 1877—1878 гг. была признана англичанами не способной замыкать дольше все пути, ведущие через ее территорию к Средиземному морю, а именно:

1) Через западную часть Балканского полуострова — санджак Новый Базар и Македонию — к Салоникам.

2) Через проливы.

и 3) с Кавказа через Армению к Александретте.

При увеличивающемся с каждым годом напоре со стороны Германии и России, решено было иметь на каждом из этих путей отдельного сторожа.

Ввиду этого, при размежевании отнятых у Турции земель усилены были, прежде всего, Сербия и Черногория, а лежащая за ними Греция превращена почти во второклассную державу. Этим двойным барьером огражден был первый Балканский путь.

Дав затем туркам возможность вернуть во время второй Балканской

войны часть уже потерянной было ими, вместе с Адрианополем, территории, Англия «уплотнила» Турцию, сконцентрировав силы последней на меньшем пространстве, и этим увеличила оборону проливов.

Наконец, чтобы забаррикадировать третий — Кавказский путь, англичане, одновременно с объявлением в 1878 г. своего протектората над Арменией, наметили образование в Малой Азии нового государства, подготовка почвы для которого производится в настоящее время*.

** Вопрос об организации такого государства открыто обсуждался*

уже много лет назад и всю англосаксонскую печатью. Так, еще в 1900 г. известный военный мыслитель адмирал Мэхан писал: «Переходя, наконец, к правому русскому флангу, — вообразим на месте нынешнего турецкого хаоса в Малой Азии, Сирии и Месопотамии высоко цивилизованное современное государство с хорошо организованными армией и флотом. Раскинувшись между Каспийским, Черным, Средиземным, Красным морями и Персидским заливом, это государство плотно закрыло бы тот выход, которым Россия пока легко могла бы достигнуть Индийского океана и Средиземного моря.

Итак, видоизменив в благоприятную для себя сторону всю обстановку на Средиземном море и на Балканах, т. е. на второстепенном театре борьбы, Англия с той же энергией и с тем же знанием

Такое государство не существует еще, но нет причин, чтобы оно не появилось в будущем. Процесс образования его должен начинаться извне, ибо и турецкое, и персидское правительства в достаточной степени обнаружили свою неспособность к обновлению управляемых ими народов. Затем в отношении местного населения не следует забывать принцип, что естественное право на землю принадлежит не

тому, кто сидит на ней, а тому, кто добывает из нее богатства»...

дела перешла теперь к подготовке операции на главном театре.

Какой именно район займет этот последний, то есть ограничится ли он одним Северным морем или же пожар войны охватит, как и в начале прошлого столетия, всю Европу — разобраться в этом вопросе, конечно, нелегко, но в то же время крайне необходимо. А потому продолжим наши исследования.

II.

Многие из военных мыслителей полагают, что своим нынешним могуществом Англия обязана, прежде всего, своему стратегическому положению. Действительно, расположенная вблизи материка территория этого государства представляет собою природную крепость, чудовищные водяные рвы которой и подвижные стены флота всегда были надежной преградой для вторжения в нее континентальных народов. Об эту преграду разбились усилия Филиппа II, Шуазеля и Наполеона. И все же мне кажется, что как первенствующая роль в крепости принадлежит искусству коменданта

и энергии гарнизона, так и первенствующую роль в Англии играют не оборонительные свойства Британских островов, а деятельный характер английского народа и изумительные военные способности правящих его классов.

К числу же приведенных ранее доказательств этому добавлю следующее:

За последние годы военное искусство обогатилось двумя совершенно новыми орудиями борьбы — подводной лодкой и воздушным кораблем. Появившиеся прежде всего на континенте орудия эти, вместе с самодвижущейся миной и бросаемой сверху бомбой, обещали

при дальнейшем
усовершенствовании их дать в руки
континентальных народов
могущественнейшее средство для
штурма Британской крепости, почти
как сухопутной, а именно: образовав
посредством подводной и надводной
минных атак широкую брешь в
стенах английского флота, двинуть в
нее заранее посаженную на
современные гигантские транспорты
армию и, высадив ее на острова,
выполнить ту операцию, о которой
всю жизнь мечтал величайший из
полководцев мира.

Легко понять поэтому, с какою
тревогой следили англичане за
опытами своих континентальных

соседей. Но тревога эта была непродолжительна. Едва только блеснула у них мысль о том, какое превосходство могут иметь в известных условиях минные действия перед пушечным огнем, как Англия с поразительной быстротой оставила позади себя все континентальные державы численностью и устройством своего миноносного флота*. Вместе с тем, изобретательный и неутомимый «Британский гарнизон», не теряя времени, пересоздал весь план активной обороны своей «крепости» против угрожающей ей с востока Германии.

** В то время, когда у англичан*

было 85 подводных лодок, Naval and Military Record писал; «многих из английских читателей поразит то, что Германский флот летом или осенью 1912 г., по всей вероятности, будет иметь не менее тридцати подводных лодок».

Тот самый плацдарм — Северное море, на котором, блокадой побережья, бомбардировкой портов и классическими, борт-о-борт, боями эскадр прикончена была Голландия, признан теперь англичанами тесным для их нынешнего океанского флота и пригодным, особенно в начале войны, для действий лишь миноносных флотилий. В этих видах

в Англии в настоящее время производится целый ряд весьма интересных работ.

Чтобы не прекращать с открытием войны торговой деятельности лежащих на Северном море городов, подвозные и вывозные пути их откидываются на западную сторону острова к портам Атлантического океана. На восточном же побережье, кроме недавно сооруженных баз флота в Scheerness и Rosith, доканчиваются постройкой следующие станции подводного, наводного и надводного миноносных флотов: Aberdeen, Rosith, Middleborough, Hull, The Wash, Varmouth и Harwich.

Все побережье связывается станциями беспроволочного телеграфа, которым снабжаются не только подводные лодки, но и гидроаэропланы.

Если, кроме всего этого, мы примем во внимание, что часто практикуемая мобилизация английского флота налажена так, что к маневрам нынешнего года она прошла почти автоматически, то перед нами сама собою вырисуетя картина стратегического развертывания морских сил Англии и начала военных действий на Северном море:

Чуть ли не простым нажатием в должный момент кнопки океанский

флот будет двинут на фланги, чтобы закупорить Ла-Манш и путь вокруг Шотландии, прервать всю морскую торговлю Германии, а в запертое, таким образом, Северное море устремлены будут тучи миноносных судов. Причем, в то время как английские подводные лодки поведут по направлению к противнику своего рода минные галереи под поверхностью моря, поднявшиеся над последним воздушные хищники, зорко всматриваясь в глубину моря, будут стараться захватить и уничтожить германских «минеров» специально изготовляемыми для этого 300-фунтовыми пироксилиновыми бомбами, удачные

опыты с бросанием которых происходили недавно с биплана Short.

Короче говоря, первой задачей Англии будет нанесение своему противнику страшного экономического удара и истребление его миноносных флотилий. При подавляющем превосходстве англичан в числе миноносных судов и инициативе действий, они, несомненно, достигнут этой цели, а удачное выполнение первой задачи предрешит такой же результат и долженствующего последовать затем столкновения неравных по силе океанских флотов.

Но как бы обдуманна и

тщательна ни была подготовка англичан к войне на Северном море, как ни велики были бы шансы их на успешный исход этой войны, — они не могут вступить в единоборство с германцами по следующим причинам:

Захватив все лучшие земли земного шара и образовав из них чудовищную Океанскую Империю, англичане вынуждены защищать не одну только цитадель этой Империи, Британские острова, а всю Империю, и защищать ее не от одних германцев, а от всех запертых на европейском континенте народов белой расы. До сих пор они достигали этой цели с помощью

многочисленных и разнообразных средств, оказывавшихся действительными потому, что за всеми ими чувствовался могущественнейший английский флот.

Представим себе теперь, что при таких условиях англичане почему-либо потеряли бы голову и бросились на германцев в одиночку, тогда получилось бы вот что.

При малочисленности своей армии, они не в состоянии были бы, после морской победы, высадиться на материк и довершить поражение вооруженного народа на его собственной территории. Стало быть, в смысле разрушения

жизненного вопроса результаты подобной не до конца продуманной операции оказались бы близкими к нулю.

Но в этом было бы еще полбеды. Главная же беда заключалась бы в том, что сама морская победа досталась бы англичанам нескоро и недешево. Прежде чем быть выброшенными на сушу, долго и основательно готовившиеся к войне германцы нанесли бы своему противнику такие жестокие потери, что со своим искалеченным флотом Англия могла бы опуститься на уровень, а может быть и ниже уровня некоторых европейских держав, сохранивших свои флоты целыми и

невредимыми. А тогда в каком беззащитном положении очутилась бы Океанская Империя перед остальными континентальными народами, психология которых изменилась бы быстрее и сильнее, чем это было во время Трансваальской войны?

Само собою разумеется, что при подобных обстоятельствах англичане никогда не думали и не думают ни о каких «лобовых атаках» на Северном море.

Превосходно знающие характер континентальных народов и не менее искусно командующие ими на театре борьбы за жизнь, чем Наполеон командовал армиями на театре

войны, английские стратеги поведут борьбу с Германией точно таким же образом, как велась она против Испании и Франции, т. е. не на тесных плацдармах Британской цитадели, а на обширном театре всей Европы и с участием всех континентальных народов.

За последние восемь лет и самые выдающиеся государственные люди Англии, и английская печать так много говорят и пишут о будущей общеевропейской войне, что главная идея последней сама собой вылилась уже в форму нижеследующей «директивы»:

Германия и ее союзники занимают на материке центральную

позицию с хорошо разработанными выходами в Северное и Средиземное моря.

Против этой группы имеют быть направлены:

1. Боевая линия

На морях:

1) на *Северном* — английский флот, отборная часть русского флота и отборная часть французских миноносных флотилий.

Задача — запереть Северное море, прервать морскую торговлю Германии и разрушить морские силы этой державы.

2) на *Средиземном* — усиленная судами береговой обороны местная английская эскадра; весь

французский флот, за выделением из него отборной части миноносных флотилий, имеющих действовать с английским флотом в Северном море; флоты Испании и Греции.

Задача — разрушить морские силы Италии и Австрии, блокировать неприятельские порты и обеспечить свободу плавания торговым английским судам по Средиземному морю и Суэцкому каналу.

3) на *Балтийском* — остальные морские силы России.

Задача — облегчить действия англичан на Северном море, оттянув на себя часть германских сил в Балтийское.

На суше:

а) с *Запада* — французская армия; десантная в 250 000 человек армия англичан и 2—3 корпуса испанцев.

Задача — располагаясь по линии чрезвычайно сильных пограничных крепостей, удерживать противника от вторжения его во Францию и перейти в наступление лишь с началом решительных операций со стороны России.

б) с *Востока* — русская армия.

Задача — наступательные действия против германской и австрийской армий.

II. Резерв

Все ближайшие к театру военных действий и не включенные в

боевую линию народы имеют составить резерв для регулирования событий, особенно в конце войны, при новом размежевании Европы.

Таким образом, из всего сказанного выше мы видим сами, а англичане со своей стороны подтверждают нам это, что решение очередного для них Германского вопроса возможно не единоборством Англии и Германии на Северном море, а общеевропейской войной при непременно участии России и при том условии, если последняя возложит на себя, по меньшей мере, три четверти всей тяжести войны на суше.

Да, но что же именно

представляет собой Германский вопрос для нас самих, нужно ли нам решать его совместно с англичанами так же, как решали мы с ними в начале прошлого века Французский вопрос, и к какому результату придем мы, решив его по английскому способу. Короче говоря, какие дальнейшие перспективы откроются перед нами после этой общеевропейской войны?

Мне кажется, что над этим надо подумать, и много серьезнее, чем это делают наши любители стратегического искусства, решающие на политических банкетах за одним бокалом шампанского десять мировых вопросов.

III.

Как в Англии, так и в С.-А. Соединенных Штатах при решении всех вообще задач Высшей Стратегии пользуются так называемыми «Military Charts»*, но если мы подумаем и над обыкновенной картой так, как думают люди с широким кругозором и здоровым воображением, то легко можем представить себе следующую картину:

В настоящее время на земном шаре существуют лишь два истинно великих народа — 160 000 000 англосаксов и 160 000 000 русских.

* В Белом Доме, в кабинете

главного стратега С.-А. Соединенных Штатов есть между прочим, как это известно из газет, ориентировочная карта в 20 футов длиной и 8 футов высотой, на которой изображена вся поверхность земного шара. Причем территории двенадцати наиболее важных держав расцвечены каждая особой краской и резкими чертами обозначены все коммуникационные линии, т. е. пароходные линии, железные дороги, почтовые тракты, подводные кабели, телеграфные линии и станции беспроволочного телеграфа. Морские и сухопутные силы каждой нации отмечены по месту

нахождения их миниатюрными
флажками. На флажках же,
обозначающих дислокацию
американской армии и флота,
написаны фамилии командиров
частей и судов.

Первые, утвердив в разных
степенях власти свое господство над
всеми океанами, тремя с половиной
материками и почти всеми
островами, отмежевали себе едва
охватываемую воображением
Океанскую Империю.

Вторые, завладев
полузамерзшим и обильно
изрезанным песчаными мелями
океаном земли, образовали

огромную на карте, но уже тесную для самих себя и пугающую остальные народы темнотой своих ночей и трескучими морозами Сухопутную Российскую Империю.

Между двумя этими Империями на небольшом пространстве Западной Европы зажаты:

1) Окончательно разбитые Англией на театре борьбы за жизнь, морально подчинившиеся ей и служащие полезным орудием в руках английской стратегии — Испания и Франция.

2) Ни по своему племенному составу, ни по качествам населения, ни по дарованиям и трудоспособности правящих классов

не могущие рассчитывать на особенно великое будущее — Австрия и Италия.

и 3) Поздно начавшая свою жизнь Великой Державы и сразу же очутившаяся в трагическом положении — Германия.

Трагизм последней состоит в том, что при огромном приросте населения, не имея возможности кормить на одной и той же, ни на одну пядь не увеличившейся площади сначала 40 000 000 душ, потом 50 000 000 и, наконец, как в данное время, 65 000 000, она волей-неволей должна была двинуться против одной из двух Империй.

Действительно, при первом же

ощущении тесноты, по всей еще стоявшей у сохи Германии покатился глухой стихийный гул «Drang nach Osten», то есть «пойдем искать земли на восток».

Но этот долженствовавший служить нам большим предостережением гул оказался непродолжительным. Лучшие германские умы скоро поняли всю невозможность распространения за счет почти столь же густо населенной России и нашли иной выход из положения.

Поощряемый свыше, германский народ, вместе с возведением фабрик и заводов, переустройством путей, оборудованием морских побережий и

созданием торгового и военного флотов, начал мобилизоваться для жизненного похода в совершенно противоположную от нас сторону — против Океанской Империи.

С этого времени, т. е. еще до знаменитых слов Императора Вильгельма: «Unsere Zukunft liegt an der See»*, являющихся с точки зрения Высшей Стратегии приказом для начала походного движения nach Westen, Германия перестала быть нашим соперником на театре борьбы за существование и превращалась в естественного союзника.

** Наше будущее — на море (нем.) — Прим. ред.*

Хорошо обдуманное и

соображенное с обоюдными
выгодами желание сделаться
таковым, выражено было ею в
следующей форме:

Оценивая значение Сибирской
железной дороги и соглашаясь, что
такому грандиозному и
дорогостоящему пути необходим и
наилучший выход к Тихому океану,
она, вместе с Францией, помогла
нам сначала вывести из Порт-Артура
втиснутую туда англосаксами
Японию, а затем, заняв обещанное
нам Китаем на особых условиях
Киао-чао, дала нам законный повод к
вступлению на неизмеримо более
нужный нам Квантунский
полуостров**.

*** За нашу поддержку при заключении Симоносекского договора, Китай обещал дать нам стоянку для флота в бухте Киао-чао, а в случай занятия таковой какой-либо другой державой — Порт-Артур и Талиенван. Так как германцы за убийство двух миссионеров захватили Киао-чао, то наш флот пошел и бросил якорь в Порт-Артурской гавани. Пристально следившая за всем этим Англия, в свою очередь, тотчас же захватила Вей-Хай-Вей.*

Само собою понятно, что, содействуя нашему наступлению на восток к великой арене будущего, Германия желала, чтобы мы

ослабили давление на ее правый фланг и не тормозили ее марш на запад, к Атлантическому океану.

Но начавшееся таким актом сближение трех самых сильных на материке держав не было скреплено дальше никаким цементом. А это дало возможность очутившейся совсем было не в «splendid», а весьма тревожном «isolation» Англии приступить к разъединению случайно сошедшейся группы и к немедленной атаке наиболее опасного из членов ее.

Пользуясь тем, что почти вся континентальная печать в вопросах международной жизни проповедует по текстам «Таймс», Англия

несколькими газетными статьями поселила в нас такое недоверие к Германии за ее товарный «отвод» нас на Дальний Восток, что мы не решались тронуть сосредоточенных на западной границе сухопутных и морских сил наших и оставили грандиозное государственное сооружение, все вновь приобретенные и со страшными затратами благоустроенные земли и всю с изумительной быстротой развивающуюся предприимчивость нашу почти без всякой защиты*.

* *«Итоги войны» генерал-адъютанта Куропаткина.*

Ослабив вслед за этим значение франко-русского союза заключением

равносильного ему англо-японского, иными словами, отделив Россию и от Франции, Англия руками своего желтого союзника разрушила сначала одну половину нашего флота. Затем, с торжествующим хохотом и зловещим мерцанием Доггербанкских факелов, проводила на заранее видную ее опытным глазом участь вторую половину наших морских сил и отошла в сторону, предоставив другой англосаксонской державе, С.-А. Соединенным Штатам, снова и еще плотнее забаррикадировать Японией ту брешь, которую мы пробили к Тихому океану, считающемся англосаксами территорией их Океанской Империи.

Едва только закончена была, таким образом, тихоокеанская трагедия наша, как, с быстротой фокусника, надев на себя маску приветливости и дружелюбия, Англия сейчас же подхватила нас под руку и повлекла из Портсмута в Алхезирас, чтобы, начав с этого пункта, общими усилиями теснить Германию из Атлантического океана и постепенно отбрасывать ее к востоку, в сферу интересов России.

Первые же шаги, сделанные нами на этом новом пути с нашим новым другом, привели к следующим результатам: вытолкнутая из далеких от нас Танжера и Агадира Германия заняла представляющую собой

естественный выход Кавказского пути в Средиземное море Александретту. Лишенная возможности проникнуть в безразличное для нас Марокко, она усилила свою деятельность в Азиатской Турции. Потерпевшая неудачу в попытке зацепиться за юго-западный берег Африки, она глубже начала проникать в Персию, даже на берега Каспийского моря!

Но опустим все многочисленные слагаемые и перейдем сразу к сумме их, т. е. к тому моменту, когда теснимая систематическими ходами английской стратегии Германия окончательно будет прижата к стене и, подняв щетину штыков, выступит

вместе со своими союзниками на «Суд Божий».

Принимая в расчет превосходные качества наших войск, свежий боевой опыт и усиленную работу их в настоящее время, можно не сомневаться в том, что, пролив реки чужой и собственной крови, мы одержим, в конце концов, такую же решительную победу на суше, как Англия на море. Но при этом нельзя упускать из виду, что как в стратегии самая блестящая, но не во время и не на месте одержанная тактическая победа спутывает иногда всю обстановку и ведет к проигрышу кампании, так и в Высшей Стратегии самая победоносная, но не

своевременная и ненужная по обстоятельствам война может поставить государство в крайне невыгодное положение для дальнейшей, никогда не прекращающейся борьбы за жизнь.

К числу таких именно войн должна быть отнесена и усердно навязываемая нам ныне англичанами совместная с ними война против Германии.

Чтобы убедиться в этом, обратим внимание на главную цель английской стратегии. Она состоит в том, чтобы уничтожить торговый и военный флоты Германии, отнять у последней ее, хотя и бедные сами по себе, но являющиеся своего рода

передовыми постами, колонии и нанести ей на суше такой удар, после которого, ослабленная духовно и материально, она не могла бы возобновить своих морских предприятий в течение долгого времени в размерах сколько-нибудь значительных и никогда в нынешних.

Короче говоря, главная цель Англии состоит в том, чтобы отбить наступление Германии на Океанскую Империю на Атлантическом океане, как было отбито наступление России на Тихом.

Когда же эта цель будет достигнута, т. е. когда единственно сильная в настоящее время из западно-европейских держав и

связывающая пока энергию англичан Германия будет разбита и высажена на сушу, тогда результаты общеевропейской войны начнут сказываться в следующей, вытекающей одно из другого постепенности:

1) При земельном вознаграждении за счет побежденного находившихся как в боевой линии, так и в резерве западноевропейских государств, Франция получит Эльзас и Лотарингию и доведена будет до столь желательных ей «естественных границ», а Бельгия, Голландия и Дания с одной стороны, и Италия, Сербия и Черногория, с другой, будут

наращены таким образом, чтобы Германия и Австрия оказались если не отрезаны, то возможно, более стеснены — первая на Северном, а вторая на Адриатическом море. Иными словами, вся лежащая западнее Германии и Австрии Европа подвинута будет к востоку и вероятнее всего сплочена союзами под главенством Франции и Италии.

2) Потеряв вместе с морем восьмимиллиардный источник годового дохода и не имея возможности существовать средствами собственной территории, сильные практическими знаниями, хорошо тренированные в труде и успевшие выра-

богаты собственную систему борьбы за жизнь, германцы вместе с австрийцами сейчас же «тихой сапой» во всеоружии новейшей антигосударственной техники поведут наступление против недостаточно вооруженного для жизненной борьбы русского народа*.

* Против такого систематического наплыва на Россию германцев, англичан, бельгийцев, американцев, французов и других чужеземцев и захвата ими наших богатств мы не знаем, как бороться, и сейчас. Недурной иллюстрацией этого бессилия может служить хотя бы следующий

факт: в то время как в Петербурге столбцы газет переполняются жалобами русских людей на разные притеснения, чинимые им со стороны наших кавказских властей, «в Риме главное управление делами торговли печатает сообщение, что на Кавказе, по сведениям тифлисского консула Велери, образовалась за последние 50 лет многочисленная итальянская колония, состоящая из коммерсантов, предпринимателей и рабочих. Сюда же направляются эмигранты из каменщиков, рудокопов, железнодорожных рабочих и т. д. Так называемая колония св. Николая занимается

возделыванием винограда, для чего приобрела 1200 десятин вблизи Кисловодска, и производит 2400 гектолитров вина в год; колония процветает: в ней имеется национальная школа. Трудами графов Сброявакка из Падуи организована торговля лесом с Италией». А что же будет потом, когда такой наплыв приобретет массовый характер?

3) Так как с ослаблением Германии единственной сильной державой на всем континенте останется Россия, то по ясному, как день, толкованию лордом Керзоном одного из основных и неизменных принципов Высшей Английской

Стратегии — насквозь проникнутые сознанием своего долга перед родиной и ни под каким видом не позволяющие себе отступать от освященной веками системы, английские Стратеги с такою же спокойной совестью начнут устанавливать balance of power против России, с какой устанавливали они его против Испании, Франции и Германии. Или, выражаясь проще, приступят к образованию против нас коалиции, с целью постепенного оттеснения нас не только от Балтийского и Черного морей, но со стороны Кавказа и насыщаемого сейчас ярким ненавистником России, доктором

Морисоном, англосаксонскими
идеями Китая.

Об этой «титанической борьбе
между Русскими и англосаксами,
долженствующей начаться после
падения Германии и наполнить
собою двадцатое столетие», уже
много лет назад (гораздо раньше, чем
сэр Вильям Уайт с
непогрешимостью иудейских
пророков предсказал в 1885 г.
нынешний балканский переворот)
начали вещать англосаксонскому
миру даровитейшие ученые и
глубочайшие мыслители,
указывающие как на «знамение
свыше», на постепенное
перемещение ЦЕНТРА БОРЬБЫ

между Океанской Империей и Континентом. Находившийся сначала на берегу Атлантического океана, в Мадриде, центр этот, с падением Испании, передвинулся в Париж. С поражением Франции он из Парижа перешел в Берлин, а из Берлина, по мнению наших сегодняшних друзей, направится к Москве...

Само собою понятно, что совершающееся таким образом, точно по какому-то космическому закону, отступательное движение сухопутных народов с запада на восток никогда не было и не могло быть написано заранее ни в какой «Книге Судеб».

Своими неизменными успехами

над материком даровитые островитяне обязаны не каким-либо борющимся за них таинственным силам, а исключительно самим себе, т. е. своим большим и точным знаниям, определенной постановке целей и планомерному стремлению к последним. Превосходя во всем этом континентальные народы, они и обращаются с ними так, как знающие и сильные опытом мастера обращаются со своими знакомыми лишь с одной рутиной подчиненными.

Такое неравенство сил и вытекающие из него результаты наблюдали мы на всех происходивших на нашей памяти

дипломатических конференциях и можем наблюдать ежедневно, читая английские и наши газеты.

После утопления нашего флота в водах Желтого моря, в один день повернув от крайней вражды к крайнему дружелюбию, английская печать с улыбкой сочувствия начала указывать нам на ту несчастливую звезду, родясь будто бы под которою, мы, хочешь — не хочешь, а после «желтой опасности» сейчас же должны были перейти к германской.

И вот этих, по-видимому, совсем не умных, но исходивших из уст самого «Таймс» и насыщенных одуряющим ароматом бензоя и мирры, слов оказалось вполне

достаточно, чтобы мы в самом непродолжительном времени пришли к непреложному убеждению в том, что в надвигающейся на нас беде истинным другом и защитником России явится не случайный, а естественный и вечный соперник ее — Англия.

Между тем, если бы мы, не доверяя диктуемым известными «тактическими» соображениями статьям английских газет, прислушивались к тому, что говорят в Палате лордов такие даровитые стратеги Англии, как граф Робертс, и пораздумали бы над тем, как быстро растут в центре Европы огромные массы людей, нуждающихся в

ежедневном питании, и в какую сторону выгоднее идти им для добывания дополнительных средств к жизни, тогда бы нам стало ясно:

1) Что лихорадочно строящая боевые суда и побуждающая к тому же своих союзников Германия грозит нашествием гораздо больше Океанской Империи, чем Сухопутной.

2) Что общеевропейская война для отражения этого нашествия и поворота его затем в сторону России полезна Англии, а не нам.

3) Что вести эту войну ни одними собственными силами, ни в союзе с Францией и Испанией, Англия не имеет возможности, как

вследствие не допускаемого стратегией в таких размерах риска, так и потому, что ей нельзя оставить Россию со свободными руками и не втянутой в дело армией, в то время как сама она будет занята войной, так как иначе все руководство событиями перейдет тогда от нее к России.

4) Что, правильно оценив наше психологическое состояние, созданное внешними неудачами и внутренними беспорядками, и умело используя наши отношения к Франции, Англия, сейчас же после дальневосточной войны, привлекла нас к сотрудничеству, полезному лишь одной ей, и

5) Что ввиду подготовляющихся таким образом в Европе событий, нам никоим образом не следует класть голову на подушку соглашений с такими народами, искусство борьбы за жизнь которых много выше нашего, а нужно рассчитывать лишь на самих себя.

Россия велика и могущественна. Моральные и материальные источники ее не имеют ничего равного себе в мире, и если они будут организованы соответственно своей массе, если задачи наши будут определены ясно и точно, и армия и флот будут в полной готовности в любую минуту выступить на защиту наших собственных, *правильно*

понимаемых интересов — у нас не будет причин опасаться наших соседей, ибо самый сильный из них — Германия великолепно понимает, что если ее будущее зависит от ее флота, то существование последнего зависит от русской армии.

С такой подготовкой надо торопиться, не теряя ни одной минуты, ибо — посмотрите пристальнее, — и вы увидите уже надвигающийся на нас новый период Истории.

ПИСЬМА О ТРАНСВААЛЕ

[НА ПУТИ В ТРАНСВААЛЬ]

*Амстердам, 22 октября (3
ноября) 1899 г.*

Последними своими успехами буры до того высоко подняли себя во мнении Амстердамского общества, что им уже начинают отпускать победы авансом. Сегодня, в два часа дня, разнесся по городу слух о новом поражении англичан. ...Хотя слух

оказался ни на чем не основанным, но это нисколько не помешало толпе отнестись к нему доверчиво и выражать свое удовольствие.

Но в то же время, когда большинство радуется победам буров и громко предсказывает Англии итальянское фиаско, лучшая, интеллигентная часть общества настроена пессимистически. Сегодня мне пришлось беседовать с одним образованным голландцем.

«Как бы ни велики были успехи наших соотечественников, — сказал мой собеседник, — но я глубоко убежден в окончательном торжестве англичан. Согласитесь сами, наши крестьяне приняли стратегию

крайнего напряжения сил с первого момента и всеми этими силами они обрушились, в сущности, только на английский авангард. В то время когда они дорогой ценой покупают вои победы над сравнительно малочисленным противником, главные силы англичан через несколько дней начнут свое сосредоточение без всякой помехи. Как поведет войну генерал Буллер, я не стану предсказывать, — я знаю только, что Англия ничего не пожалеет и даст в руки своего Главнокомандующего все средства, чтобы добиться цели. Чем упрямее будут действовать буры, чем дольше они будут затягивать войну, тем

больше они поработают в пользу континентальных держав, — и главным образом вас, русских. Мне кажется, что уже и теперь вы отлично работаете в Персии.

Но чтобы бурам удалось отстоять свою независимость, — я сильно сомневаюсь в этом. Что может сделать даже самая безумная храбрость горстки людей против многочисленной и, — что бы там не говорили, — прекрасной армии, располагающей самым усовершенствованным оружием и неистощими боевыми запасами? Грешно самообольщаться в подобных обстоятельствах. Но если Южно-Африканской Республике суждено

сохранить свою независимость, то это может совершиться только благодаря своевременному вмешательству великих держав, так как обесплодит результаты усилий Англии — это огромный интерес всей Европы, но в таком случае настоящая война, пожалуй, явится прелюдией, несомненно, больших событий, которые могут положить начало концу Англии.

Вы спрашиваете меня относительно наших добровольцев. У нас их нет. Мы должны быть в высшей степени корректны повсюду. Наше маленькое и слабое государство с обширными колониями уязвимо повсюду. Правительство

строго запрещает нам всякое активное участие в войне, и мы не отправили ни одного человека, ни ружья, ни патрона. Единственной нашей помощью являются пожертвования на Красный Крест <...>.

Я слышал, что у вас в России, во Франции и Германии собираются добровольцы. Отдельные лица обращались ко мне с письменными предложениями. Но что же мы можем сделать? У нас нет ни лиц, которые бы заведовали этим, ни средств, из которых можно было бы оказать помощь, а проезд стоит очень недешево. Мы можем дать только добрый совет. Насколько я знаю, —

отряду, даже самому маленькому, пробраться мудрено, но отдельные лица легко могут проехать. Обыкновенный путь — морем до Лоренцо-Маркеза на пароходах французской или немецкой линии.

Дальнейший путь от Лоренцо-Маркеза до Претории — по железной дороге. Относительно одежды — в Южной Африке носят обыкновенный общеевропейский костюм. Практичнее — серый или даже серо-бурый под цвет пыли, которой там всюду много, белье — шерстяное, головной убор — пробковая каска или шляпа с широкими полями. При этом тем из добровольцев, которых побуждает на

войну честолюбие, следует иметь в виду, что занять в армии буров выдающееся положение нелегко. Офицерские должности замещаются по выбору, и для иностранца, в особенности не знающего голландского языка, нужно сделать очень много, чтобы заслужить доверие и получить власть над самолюбивыми и не особенно склонными к подчинению бурами, из которых каждый считает себя совершенным воином. Нужно много энергии, решимости и физических сил, чтобы перенести жару и все особенности тропического климата, не говоря уже обо всех невзгодах боевой обстановки, и при этом еще

превзойти в выносливости
привычных ко всему тамошних
жителей. На материальное
вознаграждение рассчитывать
нельзя...».

Париж, 2(14) ноября 1899 г.

...Замыслы в том, чтобы
овладеть Трансваалем и Оранжевой
Республикой, а заодно, в силу
непоколебимого убеждения
англичан, что все моря и реки
должны принадлежать им,
приобрести тем или иным способом
у португальцев часть прибрежной
полосы с прекрасной гаванью
Лоренцо-Маркез и соединить все эти
земли в одно владение под именем

Южно-Африканских Соединенных Штатов, с самостоятельной конституцией, но под протекторатом Англии. Наконец, связать вновь образованное государство с Египтом железной дорогой, прикупив для этого часть Бельгийского Конго или войдя в соглашение с Германией и всю эту огромную империю преподнести своему отечеству

И вот маленький мирный народец, сознавая на своей стороне Бога, правду и сочувствие всего цивилизованного мира, смело во всеоружии встает на брань с могущественным врагом и, удивляя мир своей рыцарской храбростью и великодушием, вызывает

рукоплескания долженствующей
краснеть Европы.

Но почему же Англия, так дерзко вызывавшая трансваальский ультиматум, оказалась захваченной врасплох, и ее победоносные войска терпят поражение за поражением?

Мне кажется, потому, что она не ожидала этой войны...

А английским государственным деятелям, привыкшим с непостижимой легкостью, при помощи одних только угроз, достигать своих целей в столкновениях с первоклассными державами, могла показаться даже унижительной мысль о том, чтобы крохотная мужицкая республика

осмелилась не уступить их требованиям!

Правда, в течение последних лет Англия с каждым пароходом отправляла в Южную Африку маленькие отряды, но скорее для большего демонстративного шума, чем для действительного усиления оккупационных войск. Отсутствие же серьезной подготовки к войне лучше всего доказывается тем, что английское военное разведочное бюро, чуть не по фамилиям знающее наших офицеров в Средней Азии и на Дальнем Востоке, обнаружило полное неведение сил и средств буров.

декабря 1899 г.

В Бейре, выражаясь, языком артиллеристов, закончилось то мертвое пространство, в которое, начиная с Марселя, почти не попадало телеграфных известий с театра войны. Даже на Мадагаскаре нам сообщили только те новости, которые мы везли с собой из Европы. Но зато здесь сразу почувствовался и другой источник. Долго скрываемая боязнь и ненависть к англичанам выразилась теперь у всех их маленьких конкурентов — голландцев, португальцев и испанцев в одном чувстве всеобщего торжества и в изобретательности, доходящей до

курьезов. Почти в каждом магазине нам, прежде всего, торопились доложить о необыкновенных успехах буров, считая ежедневные потери англичан целыми тысячами, а один из лавочников отказывался даже получить с меня и товарищей плату за сельтерскую воду по случаю такого торжества, как вчерашний разгром у Колензо, где англичане потеряли 5700 человек.

Не придавая большого значения всем этим слухам, можно, однако вывести заключение, что положение англичан незавидное. Действительно в Бейру прибывают толпами беглецы из Родезии, спасаясь от буров, угрожающих Буловайо и форту

Салюсбюри (Солсбери). Паника настолько велика, что вооруженная полиция, еще недавно столь грозная военная сила, одерживавшая блестящие победы над дикими кафрами, теперь всюду отступает перед разъездами буров, а отчаянные авантюристы-золотоискатели, бросив все, бегут в Наталь, где и без того скопилось много беглого элемента, отягощающего правительство заботами о продовольствии. По всем окрестностям закупается все, что возможно и по каким угодно ценам. Почти каждый пароход везет с собой толпы наемных по побережьям англичан-работников, которым

уплачивают по 50 фунтов за кампанию помимо всех расходов по перевозке, обмундированию и снаряжению <...>.

...Эти несколько часов, проведенных мною в Лоренцо-Маркезе, извели меня до крайности. Здесь на каждом шагу, за каждую мелочь дерут безбожно... Консулы назначаются только, кажется, для того, чтобы брать пошлины за визирование. Наш вице-консул — француз, свидания с которым я так и не добился... Вообще дело приема добровольцев совершенно не налажено, а его можно было бы организовать свободно.

...Пассажиров пропускают

совершенно свободно, не осматривая багажа, а только спрашивая, нет ли оружия, и то pro forma. Разведочная часть по военной контрабанде англичан вообще из рук вон плоха, — они очень искусны в интригах, их торговые люди чрезвычайно тонки и ловкие политики-интриганы, но по части военного шпионства их нельзя сравнить с французами, а особенно с немцами.

Торговля во всех прибрежных пунктах упала страшно. Все известия о войне убеждают здешнюю публику, что война продлится еще около года. Сегодня я еду в Преторию. Если, Бог даст, вернусь, я, насмотревшись за это время на здешние заграничные

будни, с Божьей помощью постараюсь передать своим соотечественникам, что у нас вообще совсем не хуже, чем у других, что наша нравственность и вообще моральная сила очень высока, что физически мы богатыри, наше прославленное пьянство менее ужасно, чем у других народов, наша лень не так велика, как мы говорим, наше невежество вещь поправимая при нашем здравом рассудке. Наша конфузливость и самоумаление перед иностранцами не имеют никаких оснований. Вы, может быть, улыбнетесь и спросите, откуда я все это увидел? Я проехал по колониям и по состоянию хозяйства судил о

самих хозяевах.

Теперь я умолкну надолго, так как из Трансвааля писем не пропускают. Я не знаю, вернусь ли я? Не думайте, что это боязнь — я немножко фаталист и убежден, что судьба каждого написана на небе так же, как и судьба Англии. При всей даровитости их государственных людей Бог послал на них ослепление. Не будь англичане так азартны, — они бы легко могли сообразить, что для завоевания Трансвааля не нужно было и 10 солдат, а нужно было только 10 лет терпения, даже может быть менее того, так как Крюгер и Жубер — оба старики, смотрящие в могилу. Англия

поторопилась и вызвала к жизни одну из тех аномалий, с которой мы уже знакомы из греческой истории, — у слабого, обреченного было на политическую смерть народца явились свои Пелопид и Эпаминонд...

Воображаю, как теперь стыдно Европе, своей уступчивостью взрастившей английское нахальство.

Это письмо я сдал на французский пароход, англичане же рвут письма.

[ТРАНСВААЛЬ]

I.

Трансвааль, сосредоточивший на себе в настоящее время внимание всего мира, представляет собой территорию величиной с нашу Вологодскую губернию. Он расположен в центре Южной Африки, на возвышенном плато, поднимающемся над уровнем моря на 4000—7000 футов [1300—2300 метров] в южной и юго-восточной частях и на 1500—4000 футов [500—1300 метров] на север и северо-

восток. Благодаря такому возвышенному положению, климат, сравнительно с соседними странами, довольно приятный. Воздух отличается необыкновенной чистотой, сухостью и прозрачностью. Здесь с четвертью легкого можно прожить столько же, сколько и со здоровыми легкими.

Тропические лихорадки распространены не очень сильно, гораздо опаснее свирепствующая в Йоганнесбурге «золотая горячка», быстро убивающая в человеке те добрые качества, которыми люди вообще отличаются от англичан. Лето бывает в течение нашей зимы и есть сезон дождей... В это время года

вся поверхность покрывается невысокой и жесткой травой. Но на этом зеленом пологе вы не увидите ни цветка, ни пчелы, ни мотылька. В мертвой тишине слышится только сухой треск одинокой саранчи, перелетающей с места на место, а в неподвижном воздухе парит огромный коршун, зорко выглядывая забившегося под камень степного куличка.

Зима продолжается от июня до ноября (весна не характеризуется ничем, и этого времени года здесь не считают). Это сезон сильных ветров. Днем обыкновенно бывает так же жарко, как у нас летом, ночью температура быстро понижается, но

никогда не падает ниже нуля. Степь высыхает и обнажается. Страшная пыль поднимается в воздух и толстым слоем покрывает низкорослые, разбросанные там и сям акации, оставляющие почти единственную древесную растительность Трансвааля. Пустыня принимает грязно-серый колорит и еще более поражает своей угрюмостью и однообразием. Вы едете по железной дороге, версты следуют за верстами, но природа не меняется. Огромные, точно упавшие с неба скалы, одинокие, усыпанные камнями холмы с плоскими вершинами, называемые «столами», бесчисленные кучи черной земли,

высотой около аршина,
составляющие жилища муравьев,
потом снова скалы, снова столы,
снова муравейники... Никакое
воспоминание, никакая легенда не
оживляет монотонность пустыни.

Равнины Трансвааля лежат
бесприютны и безгласны под взором
европейца.

II.

Все белое население Трансвааля
до начала войны состояло из 40—45
тысяч буров и более 100 тысяч
иностранцев всевозможных
национальностей, называемых

уитлендерами¹.

Политические хозяева Трансвааля и единственные полноправные граждане этого государства — буры, являющиеся, как известно, потомками голландских протестантов и французских гугенотов, еще в XVII в. переселившихся в Южную Африку.

Более двух столетий живя уединенно в огромной пустыне без всякого общения с остальным миром, без книг, без искусств, в вечной борьбе с кафрами, буры заглубели и отстали в своем развитии. Единственная книга, которую они вывезли с собой — это Библия. По ней они учатся читать и из нее

черпают свои идеи. Привыкнув к тому, что в продолжение многих лет ни одна новая мысль не проникла в их суровую среду, они крепко привязались к памяти прошлого. Все новое их путает. Умственный кругозор их не широк.

Находясь в течение целого столетия, с тех пор, как англичане высадились на мысе Доброй Надежды, в постоянном передвижении, обязанные постоянно иметь ружье наготове то против черных, то против дикого зверя, то, наконец, против англичан, буры не привыкли работать в поле. Они не земледельцы, потому что каменистая и маловодная почва требует большого

труда для обработки.

На своих огромных фермах они обрабатывают при помощи своих слуг кафров только самый небольшой участок под посев кукурузы. Все же богатство их заключается в стадах, круглый год питающихся подножным кормом. Все потребности буров были ограничены, да иначе они и не могли бы удовлетворить их, так как в стране не было никакой промышленности.

Все время живя уединенно на своих фермах, редко видясь с соседями и узнавая события только спустя несколько месяцев после свершения их, буры не могли сделаться деятельными гражданами.

Лишь бы кафры сидели смирно, да англичане не изъявили намерений присоединить их к своим владениям, — остальное их ничуть не беспокоило. Власть сосредоточивалась в руках нескольких военачальников, искусных в толковании Библии и выбиравшихся обыкновенно из наиболее богатых и старых фамилий. В таком бедном государстве эта власть не предоставляла никаких материальных выгод, а потому охотников предпочитать общественные дела своим личным было мало. Законодательство было не сложно. Несколько законов по разделу земли, относительно

пастбищ и против кражи скота было вполне достаточно для того, чтобы управлять республикой.

Из этого видно, что ни частные дела, ни общественные не подготовили буров к той роли, которая выпала на их долю в качестве покровителей величайшей в мире промышленности. Экономия их маленьких хозяйств не дала им опыта, чтобы они сумели регулировать миллионные дела, а администрация Республики точно так же не была подготовлена к тому, чтобы разобраться во всех трудностях и сложных вопросах, встречающихся, обыкновенно, в богатом и промышленном государстве, каким

должен был сделаться Трансвааль. Совершенный контраст с бурами представляют собой иностранцы, которых привлекли в Трансвааль открытые лет 15 назад золотые прииски. В то время как бур — яркий националист, уитлендер — чистейший космополит. В то время как угрюмый и недоверчивый бур чувствует себя хорошо только со своими, только с людьми, говорящими его языком и исповедующими его религию, — уитлендер обладает особой способностью приспособляемости. Насколько бур медлителен, настолько же уитлендер подвижен; первый еще ищет, в чем состоит

вопрос, второй уже решил его и переходит к другому. Уитлендеры, войдя в соприкосновение с этим отставшим народом, думали, что они не замедлят захватить в свои руки управление, но они натолкнулись на компактную массу, замкнутую и недоверчиво встретившую пришельцев, среди которых было много англичан, старинных врагов бурув. Свою ненависть к англичанам буры перенесли и на всех уитлендеров. Таким образом, уже с первого момента между бурами и уитлендерами не могло восстановиться чувства дружбы и согласия.

Поселившись в Трансваале,

уитлендеры внесли с собой и потребности цивилизованной страны. Пастушеская республика не могла удовлетворить их, необходимо было, следовательно, ввести новое управление, достойное нового государства, но людей, хорошо знакомых с механизмом государственного управления не было. Самые образованные из буров умели читать, но не умели писать. У них не было ни практических знаний, ни технических сведений. При таких условиях необходимо было обратиться к посторонней помощи, и они обратились к голландцам. Вызов чиновников-голландцев породил большое неудовольствие среди

уитлендеров. Последние не без основания говорили, что если бы буры нуждались в чужой помощи, то всего проще было обратиться к ним, уитлендерам, уже отлично знавшим страну, плативших большую часть налогов и ближе всего заинтересованных в том, чтобы иметь хорошую администрацию.

Голландцы в свою очередь не сделали ничего для того, чтобы рассеять предубеждения уитлендеров, которыми они были призваны управлять. Немного такта и, может быть, удалось бы привести к соглашению обе враждующие части населения, по крайней мере, они обязаны были сделать хотя бы

попытку в этом роде, но, усвоив себе узкие взгляды крестьян, очень честных, но невежественных, они помогли им наделать много ошибок, повлекших за собой неожиданные последствия.

Регулятором взаимных отношений между людьми служит законодательство. Рассматривая законы, постановленные относительно уитлендеров и промышленности, легко видеть, насколько трансваальское правительство недостаточно ясно понимало солидарность интересов промышленников с интересами страны. Первые золотые прииски были открыты случайно около 1885 г.

в уезде Каап и буры занялись разработкой законов, регулирующих промышленность во всех ее фазисах — от геологических изысканий до эксплуатации.

Государство объявило себя собственником всех металлов и минералов, заключающихся в земле. Владельцы ферм имеют право только на поверхность земли. Исполнительная власть имеет право разрешить добычу металла.

Нельзя рыть ни колодцев, ни минных галерей, ни дробить камней нигде, кроме как на участках «прокламированных» <...>.

Эти налоги и монополии были бы еще понятны, если бы государство

имело в виду собственную пользу, но в действительности ими обогащаются частные лица.

На все просьбы и петиции, подаваемые золотопромышленниками, в Претории отвечали уклончиво с молчаливым недоверием. Употреблены были все меры, начали обращаться к членам парламента, учрежден был особый специальный фонд для подкупа. Имелись в виду выборы нескольких депутатов, которые обязались бы вотировать известные законы и отвергать другие, — средство конечно очень дурное, но уитлендеры, испробовав все остальное, нашли, что это

единственный путь достигнуть хоть чего-нибудь. Это средство было испытано и дало желаемые результаты <...>.

До сих пор золотопромышленники вмешивались в политику, лишь поскольку она касалась их экономических интересов, теперь же они решили добиться изменения состава парламента, и с этой целью стали домогаться закона о натурализации.

III.

Если Трансвааль не увлекает своей внешностью, то он таит в себе

чрезвычайно солидные качества. Угрюмые скалы его подобно сказочному Кощею, хранят под собой несметные богатства. В стране, начиная с 1887 по 1896 гг. добыто 660 000 фунтов золота, ценностью в 406 250 рублей...

Несмотря на этот все возрастающий прогресс, истощение приисков почти незаметно, и в действительности в Трансваале остается еще золота во много и много раз больше того, которое уже извлечено из недр земли <...>.

Кроме золота в Трансваале найдены алмазы, каменный уголь, ртуть, железо. Пока все эти богатства лежат нетронутыми по разным

причинам.

Итак, следовательно, в случае успеха англичане возьмут с Трансвааля контрибуцию, перед которой контрибуция, взятая немцами в 1871 г. окажется жалкой подачкой. Английским финансистам откроется широкое поле деятельности, а они всегда были несравненно лучшими слугами отечеству, чем их сиротам. Под их начальством кавалерия Святого Георгия (на английских золотых монетах изображен Святой Георгий) своими смелыми набегами на европейские биржи очень скоро подымет тот престиж, который уронила армия.

Англичане не даром терпят
насмешки, и не даром же
Чемберлену, как говорят в
Трансваале, обещано за эту войну 50
миллионов.

IV

Ревниво оберегая чистоту своей
нации, буры с болью в сердце
терпели присутствие в своей среде
иноземцев. Поэтому поднятый
уитлендерами вопрос о
натурализации явился вопросом
первостепенной важности,
отодвинувшим все остальное на
задний план.

Но посмотрим сначала, имели ли уитлендеры какое-нибудь право на то, чтобы сделаться гражданами Республики и если да, то какие следствия могли вытечь из принятия их в подданство, то есть, угрожала ли государству опасность или же, наоборот, оно могло извлечь из этого пользу и какую именно?

До прибытия иностранцев и открытия золотых приисков Трансвааль был в полном запустении. Не было ни доходов, ни кредитов, не было даже собственной монеты. Во время войны с англичанами в 1881 г. бурам приходилось заряжать свои старинные ружья камнями за

неимением пуль. Свою единственную пушку они так же заряжали круглыми булыжниками. Города представляли собой группу домиков, столпившихся вокруг деревянной церкви. Не было ни железных дорог, ни телеграфов. Такое бедное состояние государства представляло большую опасность: окруженная английскими владениями республика могла исчезнуть...

Но началась золотая промышленность и произошла внезапная метаморфоза, — в несколько лет Трансвааль превратился в первое по значению государство в Южной Африке.

Быстро выросли и устроились города. Появились почта, телеграфы, телефоны. Три железные дороги соединили пустыню с морем. Явилось новое вооружение.

Всем этим прогрессом Трансвааль обязан, конечно, уитлендерам: но, отлично сознавая это, буры все же смотрели на иностранцев, как на сознательных или бессознательных агентов англичан. А между тем главная масса иностранцев — люди среднего достатка, для которых, в сущности, и важен был новый закон, — не питали, да и не могли питать к Англии ровно никакого пристрастия. Все эти немцы, американцы, шведы,

итальянцы бежали с родины вследствие, главным образом, экономических причин: в Трансваале они нашли работу, хорошую плату и забыли свою нищету. Очень многие женились там, стали отцами семейств, собственниками домов и эти связи навсегда прикрепили их к Южной Африке и Трансваалю.

Нужно было принять этих людей, не массами конечно, а понемногу, последовательно. Эти новые граждане оценили бы честь, которую им оказали предоставлением прав, они не ослабили бы национальности, но дали бы государству то, чего ему недоставало, — граждан с

высокоразвитой инициативой, людей, способных подвинуть отечество по пути прогресса без толчков и кровопролития. Буры оттолкнули эту хорошую часть населения, и она перешла к английской партии, питавшей другие замыслы.

Теперь борьба принимает новый фазис. На сцену выступают два крупных человека: с одной стороны, — президент Крюгер — мистический старец, как будто выплывший из глубины XVII столетия, говорящий библейским языком и сам глубоко верящий в то, что каждая мысль внушена ему Богом, человек с железной силой

воли и неотразимой силой убеждения. С другой стороны, Родс, — идеал политика-финансиста последней формации, одно имя которого внушает буру ужас, а у уитландера вызывает благоговейный трепет.

История Родса несколько известна русским читателям. Из простого рабочего, сделавшись в короткое время архимиллионером, Родс показал, что в стремлении к богатству им руководила не жадность, не необузданное честолюбие... Сделавшись первым министром Капской колонии, он энергично принялся за устройство дел <...>.

За счет Англии он завоевывает (промышленно-военной политикой) Матабелеленд и Машоналанд [нынешнее Зимбабве] и учреждает Chartered Company [Привилегированную компанию], а в то же самое время зорко следит за тем, как развиваются недовольства между уитлендерами и бурами Трансвааля.

Уже давно в Южной Африке существовала идея Соединенных Южно-Африканских Штатов. У кого она зародилась — неизвестно. Но до сих пор, пока она носилась в воздухе, она представляла собой бесплодную химеру, в руках же Родса она сразу получает осязаемую форму.

Служа одновременно и Африканскому союзу, и Англии, Родс, правильное, заставлял их обоих служить себе. По многим признакам он видел, что назрело время, когда нужно выбрать, которым из этих двух слуг лучше воспользоваться. Если Англия даст ему гарантию в том, что он будет вице-королем или первым министром объединенных южно-африканских владений (включая Трансвааль и Оранжевую Республику), он завершит свой удар в пользу Англии, в противном случае он будет президентом Соединенных Южноафриканских штатов!

Дерзость обычно рождается из дерзости. Легкий захват Родезии (для краткости назовем ее так) вскружил голову Родсу, и он решил покончить с Трансваалем простой революцией Йоганнесбургских промышленников, поддержанной отрядом родезийский полиции. Но малодушие уитлендеров, потерявших голову в самый решительный момент, и послушание Джеймсона разрушили дерзкий замысел. Крюгер замечательно искусно воспользовался этим случаем. Отослав Джеймсона с отрядом на суд Англии, он этим самым отдал Англию на суд всего мира. Вместо того чтобы казнить вожаков-

революционеров, их заключили в тюрьму и приговорили к штрафу в 2 миллиона рублей. Такое решение старого президента, будучи само по себе весьма гуманным, являлось вместе с тем актом высокой государственной мудрости. Поступи Крюгер иначе и война с Англией была бы неизбежна, и в то время [пока] пылкая в своих чувствах, но осторожная в своих действиях Европа разбиралась бы в своих симпатиях, почти безоружный в то время Трансвааль скоропостижно закончил бы свое существование <...>.

Видя, что с Англией нельзя вести дружбу иначе, как держа

камень за пазухой, и что не сегодня-завтра попытка непременно возобновится, буры начинают готовиться к грядущим событиям. В 1896 г. заключается союз с Оранжевой Республикой, и начинаются вооружения. Англичане теперь уверяют, что все эти приготовления производились тайно, но в английских иллюстрированных журналах еще задолго до войны помещались рисунки, изображавшие учения бурской артиллерии. Ружья провозились через Капскую колонию, и об этом был даже запрос в Капском парламенте. Патроны поставлялись фирмой «Чемберлен и компания» (брат министра колоний).

Четыре форта вокруг Претории выстроены немецкими инженерами, но подрядчиками были англичане, наконец, что все это не было секретом, лучшим доказательством служит заявление высшего английского комиссара на Блумфонтейнской конференции 31 мая 1899 г. о том, что Англия отлично знает обо всех приготовлениях буров. Вопрос только в том, насколько точны были эти сведения.

1 (14) марта нынешнего [1900] года статс-секретарь Трансваальской Республики Рейц в разговоре по поводу ответа лорда Салюсбюри на мирные предложения буров,

высказал, между прочим, что англичане имели все сведения от своего офицера (White), бывшего шпионом в Трансваале, который доносил, что вооружения буров таковы, что Южно-Африканская Республика может быть без труда завоевана пятьютысячным отрядом.

Очевидно, с Англией повторилось наше: «шапками закидаем». Так или иначе, но англичане все же знали о вооружении буров и если они молчали, то только потому, что Джеймсоновский набег не позволял им кричать об этом.

После этой неудачной попытки скомпрометированный, но не

обескураженный Родс вынужден был оставить свою политическую деятельность и удалиться в Родезию, где в это время началась чума рогатого скота, послужившая причиной восстания матабелов. Занимаясь усмирением кафров, Родс, однако, ни на минуту не покидал из виду и Трансвааль.

Нельзя сказать, чтобы англичане отличались даровитостью большей, чем другие народы, наоборот, они менее восприимчивы, менее впечатлительны и менее других способны к творческим комбинациям. Промышленные и торговые занятия сделали их, по их же собственному выражению,

сухими как пыль (dry as dust), но у англичан есть три добродетели, отсутствием которых страдаем в особенности мы, русские.

Первое — это решимость взяться за дело, вторая — довести его до конца и третья — не смущаться никакими неудачами. Не смущаясь первой неудачей, Родс продолжал уверять своих высоких друзей в Лондоне, что война с Трансваалем будет просто военной прогулкой, что бурам не устоять перед лиддитными гранатами, что бояться вмешательства Европы нет основания, так как, очень умно говоря о политической экономии, в практическом приложении этой

науки она немногим переросла буров.

Родсу важно было только втянуть Англию в войну с бурами. Он знал, что как бы дорого война не стоила, она приведет к успешному концу и для него лично даст выход его честолюбивой энергии и деятельности, а для англичан откроет перспективы всемирного господства.

В то же самое время оппозиция Йоганнесбургских уитлендеров начала приобретать все более и более острую форму <...>.

Для улаживания недоразумений 31 мая 1899 г, то есть за четыре месяца до войны, съехались в

Блумфонтейн президент Крюгер и высший английский комиссар в Капштате сэр Альфред Мильнер. Мильнер потребовал назначения 5-летнего срока для предоставления прав уитлендеров, Крюгер предлагал 7 лет и взамен требовал со стороны Англии уничтожения всякого намека на сюзеренитет. Совещания продолжались недолго и остались нерешительными. Обе стороны чувствовали, что это безнадёжная попытка, которую обыкновенно делают в консистории для примирения разводящихся супругов.

Но уитлендеры, боясь, что дело все-таки может кончиться миром, начали сходиться на митинги, на

которых господствовало сильное возбуждение. Отлично зная, что сражаться теперь придется уже не им, они были настроены необыкновенно воинственно. Правительство сделало было еще одну попытку. При посредстве некого Липерта оно начало было переговоры с уитлендерами, но Uitlander Council в ответ на это напечатал в Йоганнесбургских газетах своего рода ультиматум, требуя разоружения буров и разрушения Преторийских фортов. Война уже чувствовалась в воздухе — она была неизбежна.

Если в настоящее время военное счастье так круто повернуло в сторону англичан, то это произошло потому, что уже в самом начале кампании буры, обнаружив, несомненно, высокие качества солдат, вместе с тем выказали себя не вполне искусными стратегами. Начав войну при крайне выгодных для себя условиях, то есть когда англичане еще совершенно не были готовы к военным действиям и значительно уступали своему противнику в численности, буры нашумели на весь мир несколькими блестящими победами, но не сумели извлечь никаких выгод из своего превосходного положения.

Лучшим подтверждением этого является победоносный бой у Моддерспруйта (Никомскоп), который мог оказать влияние на ход всей кампании (спустя два месяца я обходил поле сражения и беседовал со многими участниками боя).

18 (30) октября, генерал Уайт, как известно, выступил из Ледисмита тремя колоннами — правая, левая и центр. Последний предназначался для поддержки той из фланговых частей, которой будет угрожать наибольшая опасность. Оттянув на себя правую колонну и центр, Жубер этим дал возможность Преторийской команде, оранжевым бурам и Йоганнесбургской полиции

(всего 800 человек) окружить левую колонну, которая после незначительных потерь вся сдалась в плен (1200 человек). Известие о катастрофе в тылу распространило страшную панику в остальных войсках Уайта, и они начали отступление «в порядке», то есть всё, что только могло двигаться — люди, лошади, мулы — всё в страшной поспешности бросилось к Ледисмиту. Повозки обоза, перемешавшись с орудиями и вьючными животными, загородили дорогу. Солдаты бросали ружья и патроны. При энергичном и безостановочном преследовании (а оно было возможно благодаря

необычайно приподнятому
моральному состоянию буров)
можно было без труда покончить с
этой бегущей толпой, гонимой
собственным страхом.

Но генерал Жубер
удовлетворился легкой победой
(буры не потеряли и 10-ти человек) и
не только не преследовал
противника, а даже дал Уайту 48
часов на уборку убитых и раненых. В
течение этого времени англичане,
работая день и ночь, успели возвести
вокруг Ледисмита траншею. При
этом, чтобы сократить длину
оборонительной линии, слишком
большой для немногочисленного
гарнизона, они ухитрились на высоте

линий укреплений устроить
нейтральный лагерь для женщин и
детей. Получился довольно
значительный, не требовавший
обороны сектор, в котором
впоследствии во время
продолжительной и скучной осады
безоружные противники сходились
иногда для мирной беседы. Чем же, в
сущности, объясняется такой
страшный промах, признаваемый
самими бурами? По словам буров,
они не преследовали англичан
«потому, что во время этого
преследования могли наткнуться на
засаду и понести большие потери». Иностранцы говорят, что перемирие
и разрешение устройства

нейтрального лагеря было дано главным образом из опасения, чтобы буров не сочли варварами.

Все это объяснения невоенного свойства. При энергичном преследовании только часть англичан могла достигнуть Питермарицбурга (заранее укрепленного). Блокировав этот пункт небольшим отрядом, с остальными силами следовало немедленно двигаться к Дурбану с тем, чтобы занять здесь удобную позицию; могли, конечно, быть потери, но они вознаградились бы десятицею: вместе с англичанами в Ледисмите заперлось 500 буров натальской полиции, на Спионскопе

против генерала Бота дрались натальские буры, при оставлении Ледисмита первыми вошли в город натальские же буры. Все это, несомненно, оказалось бы на стороне союзных сил. Вместе с этим не было бы Платранда (неудачная атака 25 декабря [1900]) и других мелких стычек, потери в которых при продолжительном бездействии во время осады Ледисмита незаметно начали уже оказывать свое деморализующее влияние.

Заручившись выгодами времени, то есть более ранней готовностью к войне, надо было скорее заручаться другим чрезвычайно важным условием — пространства, то есть

захватом возможно большей территории противника. Не следовало думать о потерях, которые не могли быть особенно чувствительными, а, разделившись с авангардом противника на восточном театре, все свободные силы перебросить на западный, с тем, чтобы до прибытия главных сил и здесь возможно далее отодвинуть передовые части англичан. Тогда за завесой собственных войск могли бы восстать и Капские буры, которые горели желанием помочь своим, но, к сожалению, не могли, потому что не было оружия и боевых припасов, которых в Трансваале оставались свободные излишки. С

присоединением Капских буров, численность армии возросла бы значительно, притом за счет элемента в высшей степени доброкачественного. *(Некоторые сравнивают англо-бурскую войну с нашей 1812 г. По воодушевлению народных масс это совершенно справедливо, но с точки зрения стратегии здесь явление обратное — отступая вглубь России, мы накатывались на собственные силы — у буров же резервы были впереди — А. В.)*

Итак, более ранней готовностью к войне, захватив в свои руки инициативу, буры, вместо того, чтобы диктовать свою волю противнику,

сами переходят к пассивным действиям — к выигрышу сражения там, где придется, операции начинают вестись изо дня в день, обнаруживается отсутствие одной общей руководящей идеи, то есть того, что на языке стратегии называется планом кампании.

Причину этого печального явления надо искать не в какой-либо капризной случайности, а в самой природе вещей. В частых войнах с кафрами бурам не приходилось задаваться широкими целями. Операции были кратковременными и крайне немногосложны. Их ездящая пехота без труда могла выследить пешую банду вооруженным разным

дрекольем дикарей, окружить ее и уничтожить ружейным огнем. Все дело заканчивалось одним боем, не было последовательности событий, а следовательно, не было необходимости в составлении плана компании. От этой маленькой, так сказать, домашней практики бурам сразу пришлось перейти к огромной операции, над которой задумался бы не один ученый стратег, а таковых в Трансваале не было. Покойный Жубер, благодаря безукоризненным качествам человека, пользовался большой популярностью, но он, как и многие другие бурские генералы, был хороший тактик — военачальник, способный руководить

войсками на поле сражения, но не на театре военных действий. Заступивший на его место молодой (всего 36 лет) энергичный генерал Бота, хотя и обнаружил выдающиеся военные дарования, но к несчастью на его долю выпала крайне тяжелая и неблагодарная задача — тащить телегу, которая уже завязла в грязи.

VII.

Успехами второй половины кампании англичане столько же обязаны даровитому лорду Роберт-су, сколько и не особенно талантливому Уайту, сумевшему, однако, в наиболее

важный период стратегического развертывания главных сил привлечь на себя почти три четверти армии буров. Как известно, после боя 18 (3) октября [он] отступил к Ледисмиту. Этот город, получивший такую громкую известность, представляет собой небольшую группу домиков, брошенных на берегу Занд-Ривер. Вокруг него толпятся в беспорядке высокие горы со своими характерными, точно срезанными ножом вершинами. Пользуясь двухдневным перемирием, англичане поспешно укрепились здесь, то есть вдоль наружных гребней ближайших гор, насыпали траншеи (каменные брустверы без рвов), в некоторых

местах эти траншеи были сомкнуты в виде редутов крайне упрощенной формы; редуты связали между собой соединительными траншеями и таким образом получилась маленькая крепость. Главную силу ее составляли, конечно, не каменные брустверы, которые при высоте около двух аршин и сухой кладке давали укрытие только от ружейных пуль и снарядных осколков, а сами горы — это естественные валы, высота и крутизна которых представляла большую трудность при эскалацировании под огнем из траншей. Такую крепостицу можно было взять или штурмом или блокадой.

По окончании перемирия буры передвинули свою артиллерию и в течение первой недели подвергли Ледисмит сильному обстрелу, но на штурм не решились. Между тем энергия, развившаяся очень сильно во время первых наступательных маршей, начала понемногу ослабевать.

Как и всегда, чтобы притупить остроту неприятного сознания только что сделанной ошибки, человек ищет какого-нибудь прецедента. Кем-то произнесено было слово «южноафриканская Плевна» — прецедент был найден, а им диктовался уже и дальнейший образ действий. Решено было

блокировать Ледисмит, то есть дожидаться, когда изнеможенный голодом Уайт сам положит оружие, хотя о том, сколько у англичан запасов сведений не было; неизвестна была даже более или менее точная цифра гарнизона, полагали «так тысяч 8—15».

Решившись на блокаду, буры раскинули свои маленькие лагеря по огромной окружности и вокруг осажденного города, началась довольно мирная жизнь, при военной обстановке. Англичане спокойно сидели в крепости, а буры наблюдали их. Каждой команде был отведен особый район охранения. Днем по линии постов располагались

несколько человек, которые лежат за камнем с трубкой в зубах и «маузером» (так буры называли маузеровские винтовки) сторожили; не покажется ли где-нибудь голова англичанина. На случай вылазки неприятеля сигналом тревоги служил пастушеский рожок. Одиночные ружейные выстрелы здесь слышались довольно часто. Иногда впрочем, от времени до времени, тяжело нагнется воздух, просвистит где-нибудь граната. Это соскучившие [ся] артиллеристы обеих сторон, заметив какую-нибудь цель, напоминали себе о том, что здесь война. Но если впереди кое-что напоминало собой войну, то в тылу линии обложения

картина являлась уже совсем мирной. Вокруг лагерей паслись стада быков, спутанные лошади, мулы, овцы. По дороге из лагеря в лагерь разъезжали легким галопцем буры, очень часто под зонтиком и в сопровождении кафра, везшего ружье и патронташ своего «бааса» (господина).

Все лагеря походили один на другой, с тем различием, что у буров-фермеров лагерь состоял из повозок с приделанными на задках будками, а у буров-горожан и в иностранных отрядах — из палаток, частью выданных правительством, частью отнятых у англичан. Но порядок был один и тот же: каждый располагался

там, где хотел. У каждой палатки или повозки дымились костры, на которых черная прислуга готовила кофе, пекла блины, варила мясо. Тут же на солнце сушилась кожа убитого барашка, валялись кости, остатки пищи, на сучьях акации сушилось нарезанное полосками и сплошь покрытое мухами мясо. Известных мест обыкновенно не отводилось. Правда, для наблюдения за порядком существовала должность интенданта, но обязанности его зависели как от собственного усмотрения, так и от доброй воли бюргеров, считающих каждый себя своим собственным генералом.

Пользуясь беспечностью буров,

долго бездействовавшие англичане прокрались однажды ночью и взорвали дальнобойную пушку Крезо, в другом месте натальские буры, подойдя для дружеской беседы, предательски испортили орудия Круппа и Максима. С этих пор сторожевая служба под Ледисмитом усложнилась. Во избежание подобных казусов орудия отнесли подальше, и охранение их вверили определенным командам. На ночь установился сильный наряд. Каждая команда выходила вся, оставив в лагере только дневную стражу и административных лиц. Начали ставить посты парных часовых на 100 шагов от поста. Часовые стояли

обыкновенно по два часа, сменяя друг друга сами. Пробовали даже высылать вперед патрули, но однажды в Преторийской команде в состав патруля вошли один американец и один испанец, которые при возвращении наткнулись на свой пост и, не успев ответить пароля, были убиты своими же, а когда вскоре после того оранжевые буры пристрелили своего де капрала, то высылку патрулей решено было бросить, как неподходящее дело. (Для стрельбы ночью буры употребляют такой прием: левую руку накладывают поверх ствола и по косточкам стреляют в грудь, — пуля попадает в голову).

Так в продолжение первых двух месяцев тянулась жизнь осадного корпуса под начальством генерала Жубера.

В то же самое время небольшой обсервационный корпус под начальством генералов Боты и Луки Мейера, продвинувшись было к Исткорту, отступил за Тугелу, избрав эту реку оборонительной линией для удержания Буллера, шедшего на выручку Уайта.

Если продолжительное бездействие под Ледисмитом начало уже оказывать свое расслабляющее действие, то совершенно не то было на Тугеле: близкое соприкосновение с противником, ежеминутное

ожидание боя действовало необыкновенно сильно на буров, по природе страстных охотников. Здесь царило не возбуждение, а если так можно выразится, боевая восторженность. Каждый был уверен в своей непобедимости и с нетерпением ожидал англичан на заранее подготовленных позициях.

3 (15) декабря произошло первое большое сражение под Колензо. Подробности его достаточно известны <...>.

VIII.

Самоуверенность у людей

обыкновенно растет и падает пропорционально их успехам и зачастую в геометрической прогрессии. После победы под Колензо буры начали смотреть на своего противника с нескрываемым высокомерием. Даже у наиболее скромных исчезло всякое сомнение в благополучном исходе кампании. Поэтому на советы некоторых европейских офицеров, вместо бесполезной траты снарядов на ежедневную одиночную стрельбу по крепости подвергнуть Ледисмит сильной бомбардировке и затем взять его штурмом, буры с неудовольствием отвечали, что они находят неразумным подвергать

разрушению город, который потом достанется им же, а штурмовать город по европейский науке они предоставляют Буллеру.

Между тем в Претории, откуда, собственно говоря, незаметно руководили кампанией, чувствовали, что центр тяжести операций переваливает на западный театр. Туда ежедневно прибывали все новые и новые части войск; вместе с огромной материальной силой, Англия выдвинула и главный свой моральный ресурс в виде лордов Робертса и Китченера. Таким образом, по ходу событий восточный театр войны, на котором были сосредоточены главные силы буров,

приобретал второстепенное значение, а следовательно, необходимость поскорее разделаться с Ледисмитом, приковавшим к себе почти половину армии, становилась все более и более очевидной.

И вот на военном совете решено было произвести 25 декабря общую атаку Ледисмита. (Военный совет составляют Главнокомандующий, генералы и коменданты, начальствующие ополчениями каждого уезда (в мирное время наши становые пристава). На военном совете [до] предварительного обсуждения вопроса поются псалмы, затем каждый из присутствующих излагает свое мнение. Распоряжения

даются устно. Ни карт, ни планов, ни письменных диспозиций нет. При покойном Жубере и Кронье в совете всегда присутствовали их жены, голоса которых имели почти решающее значение. Заседание заканчивается пением псалмов.)

Распоряжения об атаке были отданы накануне вечером. В этот день я был при Преторийской команде. Около 7 часов вечера после речи пастора (почти все буры говорят по-английски) и пения псалмов, фельдкорнетом было объявлено нечто вроде диспозиции, согласно которой половина команды — 150 человек назначалась для атаки, другая же половина должна была

составить резерв. Атакующей части приказано было ночью занять высохшее русло ручья приблизительно в 1000 шагов от восточных укреплений Ледисмита и с рассветом открыть стрельбу, чтобы привлечь на себя внимание и силы противника и этим облегчить главную атаку оранжевых буров на юго-западную сторону крепости.

Было еще совершенно темно, когда атакующая часть спустилась с горы и расположилась в промоине. Холодная и сырая мгла окутывала всю местность. Не признавая никаких мер предосторожности и не опасаясь обнаружить свое присутствие, буры закурили трубки...

Томительное ожидание тянулось уже более часа, но вот ярко горевшие звезды начали мало помалу бледнеть, и в предрассветном тумане показались вершины гор. Впереди на сероватом фоне неба вырисовывалась уже стена английских укреплений (два редута, соединенные траншеей, — в общем протяжении позиции около 800 шагов). Мертвая тишина царила повсюду. Вдруг откуда-то издалека, словно тяжелый протяжный вздох, пронесся звук орудийного выстрела и эхом раздался по горам. За ним другой, третий, все чаще и чаще, яснее и яснее, — «так», «так-так-так», «так-так», сухо затрещали маузеровские винтовки

вперемешку с глухими звуками английского Ли-Метфорда. Это оранжевые буры, не дождавшись демонстративной атаки, повели главную. Команда встрепенулась, все посмотрели на ассистент-фельдкорнета, но угрюмый старик, все время молча сидевший с закрытыми глазами, заявил, что он не получил определенных приказаний и поэтому, если бюргеры желают, то они могут атаковать английские укрепления. После минутного совещания, решено было наступать. По мокрой от росы траве буры ползком двинулись к железнодорожной насыпи, до которой было около 200 шагов.

Дойдя до насыпи, атакующая часть раздалась вправо и влево, и эта жиденькая цепь охотников, и по костюму, и по вооружению (винтовки были без штыков), и по всем приемам, начала подыматься на насыпь. Но лишь только показались головы буров, как моментально по всей линии английских траншей вспыхнули огоньки и рой пуль со свистом и жалобным пением пронзился и взрыл песок, кто-то ахнул, все быстро скатились с насыпи и залегли за камнями, из-за которых сейчас же началась редкая одиночная стрельба. Артиллерия обеих сторон открыла частый огонь, и гранаты, злобно шипя, заносились

в воздухе, скрещиваясь над головами атакующих. (Помещенной на горе бурской артиллерии все время пришлось стрелять через головы своих.)

За железнодорожной насыпью местность все время подымается сначала слабо, потом все круче и круче, на первых шестистах шагах покрыта довольно высокой травой и усеяна крупными камнями, дававшими хорошее укрытие стрелкам. Переползая на животе от камня к камню и задерживаясь за каждый из них для стрельбы, наступающие медленно подвигались вперед <...>.

Англичан, судя по огню, было

раза в три больше, чем буров, в некоторых местах стояли скорострелки. Достаточно было шевельнуться за камнем — и несколько пуль свистело уже мимо ушей; чуть-чуть приподнятая над камнем шляпа тотчас же простреливалась. Начала грозить опасность и от своей артиллерии. Несколько не долетевших шрапнелей дали чересчур близкий разрыв. Кто-то из буров догадался и воткнул палочку с красным платком, указывая этим на опасность; орудия смолкли. Наступил критический момент. Два часа лежали здесь буры, притаясь за камнями, но вот около 10 часов началось медленное отступление,

опять ползком на животе с долгими задержками за камнями, во все это время команд не подавалось никаких.

К двум часам пополудни цепь снова очутилась у железнодорожной насыпи, сзади в некоторых местах виднелись еще люди, но по большей части в таких позах, которые ясно говорили, что эти люди остались лежать так навсегда <...>.

При таких условиях голодным, изнемогавшим от жары, жажды и переживаемых впечатлений людям предстояло сидеть еще много часов... Но вот около 5 часов вечера, заглушая все эти звуки, слышался какой-то особенный гул. Незаметно

появившаяся черная туча быстро двигалась с востока, оттуда уже потянуло приятной свежестью. Через несколько минут волна ветра с силой ударила по горам и, разбитая, закружила вихрями, взрывая песок и прижимая к земле тощие растения. Крупные капли дождя захлестали по камням, и с неба, точно из опрокинутого ушата, хлынул страшный ливень с градом. В трех шагах нельзя было различить человеческую фигуру.

Эта неожиданная поддержка с неба дала Преторийской команде возможность отступить. Из 150 человек на поле сражения осталось 10, в том числе старик ассистент-

фельдкорнет и те молодые, огромного роста, оба красавцы буры Вильмсен и Либерскахне, которые лежали у самой стены, один из них был прострелен двумя пулями в грудь навылет, другому пуля попала в рот и вышла в затылок.

С другой стороны Оранжевые буры смело повели главную атаку и, несмотря на картечный огонь, сбили англичан с позиции и захватили одно орудие, но не поддержанные вовремя должны были отступить и очистить гору, с вершины которой совершенно ясно открывался уже Ледисмит. В общем, это была первая крупная неудача буров (Эладслаагте буры не считают, так как там были побиты

одни только немцы). Они потеряли 163 человека убитыми и ранеными (англичане писали 2000) и пришли в сильное смущение от огромности этой потери, хотя в сущности надо удивляться, что эта цифра оказалась такой ничтожной, особенно в сравнении с теми крупными ошибками, которые были допущены в распоряжениях.

Буры хотели овладеть Ледисмитом внезапным нападением, но по неясности отданных приказаний внезапное нападение обратилось в неподготовленную, а потому неудачную атаку.

Приказание были отданы слишком заблаговременно, и, говорят,

что кафры успели предупредить англичан о намерениях буров. Затем для атаки назначена была в каждой команде половина людей, другая составляла резерв, но какое назначение имел последний — определить довольно трудно, ибо в бою, даже когда атакующие переживали самый критический момент, люди резерва все время лежали на своих первоначальных местах и только смотрели, что из этого выйдет.

Не решаясь на вторичный штурм, буры задумали теперь утопить англичан вместе с Ледисмитом и для этого верстах в 4—5 ниже города начали строить

плотину на реке Занд-Ривер. Страшно быстрая горная речка имеет не менее 1/100 падения: при таких условиях, по самым элементарным расчетам, высота плотины должна была быть около 70 аршин. Какую же, следовательно, нужно было придать длину и толщину этому сооружению, предназначавшемуся удерживать напор целого моря воды, в котором должны были погибнуть современные фараоны? Буры произвели свои расчеты по Библии, а потому плотину прорвало в самом начале.

К этому времени оправившийся после Колензо Буллер начинает уже свои знаменитые лобовые атаки на

Тугеле. Сначала он поднимается вверх по реке и с высот Звартскопа два дня громит лиддитом незанятые позиции буров, потом у Спионскопа учиняет скандальное побоище своих же войск, затем снова спускается к Колензо и здесь начинает ломиться в дверь, которую ему издалека уже полуоткрыл Робертс. Действия Буллера своевременно получили надлежащую оценку.

Ко всему сказанному о нем можно прибавить разве только то, что если у буров нерешительность действий происходила иногда из опасения больших потерь, то отныне знаменитый английский генерал не заслуживает в этом отношении ни

малейшего упрека. Во всех странствованиях по Тугеле он как будто бы искал место, где бы удобнее было уложить возможно большее количество своих солдат.

[ПАРТИЗАНСКАЯ ВОЙНА И ТАКТИКА БУРОВ]

...Во всякой армии упадок духа далеко еще не служит симптомом разложения ее.

Если бы вследствие каких-нибудь причин перестала бы существовать вся армия, то и тогда из среды фермеров наберется тысяч семь-восемь отчаянных «зилотов», руководимых чувством смертельной ненависти к врагу, которые, соединившись в мелкие отряды, начнут партизанскую войну, гораздо

более упорную, чем даже филиппинцы. И до тех пор, пока будут существовать эти партизаны, англичане не могут вывести из страны ни одного солдата, потому что малейшее ослабление английских сил послужит сигналом к новому всеобщему восстанию <...>.

...Англичане заняли большую часть территории противника, но эти результаты нельзя назвать решительными, ибо даже в Оранжевой Республике они до сих пор не могут справиться с партизанами, смело хозяйничающими у них в тылу. Трансваальская же армия еще вся цела. Запасов, вывезенных из

Йоганнесбурга и Претории, хватит на долгое время. При таких условиях отказ буров от продолжения борьбы и добровольное признание английского владычества было бы похоже на самоубийство больного, у которого еще очень много надежд на выздоровление. Это отлично понимают как буры, так и англичане. Но желание — повелитель мыслей, — говорит английская пословица. Желание поскорее закончить дорогую войну после каждого мелкого успеха заставляло англичан верить в безотлагательное изъявление бурами покорности. Желание иметь теперь под руками свободную армию, чтобы играть

выдающуюся роль в настоящих и, возможно, в ближайших будущих международных осложнениях начало давать англичанам ежедневно тысячи пленных буров. Но желания остаются желаниями, а события идут свои чередом, и увязшей в Южной Африке Англии суждено барахтаться там еще многие месяцы, ни на минуту не забывая при этом, что война представляет собой сплетение таких неожиданностей, о которых очень часто разбиваются самые точные расчеты <...>.

Тактика буров развилась совершенно самостоятельно, под влиянием исключительных условий. Привыкнув подкарауливать дичь,

действовать из засады, буры и на войне предпочитают оборону атаке. При приближении неприятеля они, прежде всего, стараются устроить ему ловушку. Для этого занимается весьма растянутая позиция, состоящая обыкновенно из ряда холмов. Занятая позиция сейчас же укрепляется траншеями, причем траншеи состоят не из одного бруствера, идущего непрерывной каменной стеной по наружному гребню вершины, а из нескольких десятков коротких (на 5—10 человек) валиков, высотой около одного аршина, раскинутых по всей вершине горы. (При таком расположении траншей, вся

наружная покатость горы лежит в необстреливаемом (мертвом) пространстве; это, однако не считается неудобством, так как буры не подпускают близко противника, но зато разбросанные таким образом траншеи кажутся издали кучами камней, которыми вообще усеяны все горы Южной Африки, то есть укрепления маскируются сами собой.)

За этими траншеями скрытно располагается цепь стрелков, причем один из наиболее важных по своему местоположению, но менее заметных по своему виду холмов занимает сильнее. Чаще всего здесь ставится и артиллерия. (Из

разнообразных видов оружия буры всегда предпочитают пушки Максима, которые по их легкости, удобству и скорости действия, пожалуй, было бы полезно придавать у нас дальним разъездам и партизанским отрядам.)

Наблюдение за флангами производится по распоряжению младших начальников фланговых частей, вернее даже без всяких распоряжений — по инициативе рядовых буров, всегда проявляющих в бою сознательный и живой интерес к делу.

В период подготовки атаки артиллерийским огнем буры совершенно не отвечают на выстрелы

противника. Несколько человек обыкновенно наблюдают, остальные лежа пьют кофе, закусывают, вообще чувствуют себя спокойно и только почтительно раскланиваются с пролетающими близко гранатами. Но лишь только неприятель начинает подходить на дистанцию верного ружейного выстрела (1000 — 800 шагов), обстановка на позиции быстро меняется. В до сих пор хладнокровном, полном сознания собственного достоинства фермере сейчас же оказывается охотник. Более того, — артист, страшно любящий свое искусство. В рысьих глазах его начинают мелькать огоньки. Припав к земле, он сквозь

отверстие между камнями уже высматривает и намечает себе жертву. Еще несколько мгновений — и со всей позиции, точно по сигналу (хотя команд нет, — каждый ставит прицел и стреляет, — когда, как и куда хочет), сразу раздается сухой, как будто колющий треск ружейных выстрелов, которому гулко и весело начинает вторить «Максим». Почти не отнимая от плеча своего «Маузера» бур неторопливо и метко шлет пулю за пулей с таким чувством, точно каждая из них отрывается у него от сердца.

Увлеченный стрельбой он, однако же, зорко следит за всеми передвижениями врага и при

малейшей оплошности последнего, чуть только представится возможность, часть охотников снимается с позиции, бежит к пасущимся в тылу лошадям и через несколько минут открывает огонь уже с фланговой позиции.

Видя же невозможность удержаться, буры редко подпускают себе противника ближе 300 шагов, — сейчас же снимаются и уходят на другую позицию. Таким образом, эти отступления являются не следствием поражения, а просто одним из приемов бурской тактики. Но английские генералы каждый раз неукоснительно шлют в Лондон стереотипные телеграммы

«неприятель был вытеснен из ряда холмов, на которых он упорно держался» <...>.

...Из Южной Африки мной получены известия, рисующие положение обеих воюющих сторон в весьма печальном виде. Обе армии быстро разлагаются. У буров нет отрядов, численность которых достигала бы и 3-х тысяч...

Если нет армии, зато по всей стране рассеялись партии недовольных бродяг, и этого оказывается вполне достаточно, чтобы поддерживать и развивать панику среди английской армии. Стычки происходят часто, но все они случайные и потери в них убитыми и

ранеными крайне ничтожны. Английские солдаты, после того как убедились, что в плену им не грозит никакая опасность, охотно кладут оружие, но буры не имеют возможности брать пленных, так как их некуда девать, некому стеречь и нечем кормить. Отчаяние и раздражение англичан вполне естественны. Потеряв голову, они хватаются за разные репрессалии, а через это еще больше возбуждают недовольство и усиливают контингент сопротивляющихся теми, которые уже изъявили было покорность. В свою очередь гуманность и бездействие принимаются за признаки упадка и

вызывают у буров попытку напрягши все силы покончить с ослабевшим врагом.

Получается какой-то заколдованный круг, из которого можно выйти одним способом: присылкой новых значительных подкреплений, которые могли бы сменить изнемогшие от лишений и голода части, обратив эти части на службу в тылу и в гарнизоны. Для действий против небольших мелких партий необходимо несколько дивизий свежей конницы. Но после заявления лорда Уолслея о полной непригодности солдат, оставшихся в метрополии, задача формирования новых отрядов оказывается просто

невозможной. Словом, Англия в Южной Африки очутилась в положении щуки, захватившей в пасть ерша, которого не может ни проглотить, ни выпустить.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРИМЕЧАНИЯ

УКАЗАТЕЛЬ

233

234

ВЫСШАЯ СТРАТЕГИЯ И СУДЬБЫ ОТЕЧЕСТВА

Как военный мыслитель Алексей Ефимович Вандам (Едрихин) забыт не случайно. Его широкий и обостренный сравнительный анализ истории государственной стратегии (высшей стратегии по терминологии Вандама) России и Великобритании вплоть до первой мировой войны «забыли» не потому, что его позицию

можно оспаривать и уточнять по некоторым вопросам. Похоже, сделано это с умыслом, чтобы в науке и публицистике их осуждения не было вообще. Метод исторического забвения — самый коварный и эффективный в борьбе с теми мыслителями, критический разнос которых не отвращает, а наоборот, вызывает интерес общественности к их творчеству, поднятым ими проблемам. Так и поступили с творчеством Вандама его противники, недостатка которых у него не было и не будет, поскольку его противники — не личного и цехового свойства. Это недруги России, а у нее как великого

государства такие всегда находились и никогда не переведутся.

Среди поднятых Вандамом важных тем центральной представляется тема «высшей стратегии», т. е. стратегии государства. Анализируя роль этой стратегии в истории нашего Отечества, Вандам раскрывает панорамную картину великих государственных деяний наших предков и упущенных Российским государством возможностей для подъема благополучия своих подданных, укрепления безопасности страны, улучшения ее геополитического положения в вечной, по его мнению, борьбе

народов и государств за лучшее место под Солнцем. Эта борьба ведется непрерывно то в формах мирного соперничества, то посредством ожесточенных войн. Вандам считает, что Россия в этой борьбе очень многое проиграла по причине несовершенства или отсутствия у государства стратегии своего исторического развития. Но это не плач по истории. Вандам обеспокоен, прежде всего, тем, что имевшие место факты легковесного и безответственного отношения к выработке и проведению стратегии России в случае их повторения сыграют злую роль в ее будущей судьбе. С того времени, как он писал

об этом, прошло почти 90 лет бурного XX в. Наше положение в его конце подтверждает, что Вандам имел веские основания для серьезного беспокойства за судьбу своего Отечества по причине частого несоответствия государственной стратегии его важнейшим для будущего благополучия и безопасности интересам.

Сегодня стало своеобразной модой заниматься разработкой стратегии России. Растет число различного рода стратегических центров, конференций и публикаций. Историческая судьба страны действительно в решающей степени зависит от разработки и

осуществления верного стратегического курса. Но пока нет фундаментальных работ по истории и теории стратегии государства, не продолжен вандамовский сравнительный анализ стратегии различных государств в XX в. А без этого нельзя установить подлинные причины нашего нынешнего катастрофического положения и определить верные пути выхода из него.

При большом обилии работ по стратегии существует большой понятийный разнобой. Это вынуждает кратко остановиться на этом вопросе. В настоящее время термин «стратегия» используется

очень широко. Он применяется к разным областям и субъектам общественной деятельности. Но так было не всегда. Изначально этот термин относился только к высшей области военной деятельности, определявшей конечную и промежуточные этапные цели военной борьбы, необходимые для их достижения силы, средства и методы, т. е. этим термином обозначали определяющий вид деятельности по подготовке и ведению войны.

В конце XVIII в. «стратегия» — одно из основных понятий формирующейся военной науки, название высшей части военного

искусства, а с начала XIX в. — ведущая учебная дисциплина в созданных и создаваемых военных академиях в европейских государствах и в России. Это и престижный предмет сочинений военных писателей, как в то время называли военных теоретиков и военных историков. Ллойд, Бюлов, Жомини, Клаузевиц, Медем, Языков, Богданович, Леер и другие авторы, оставившие заметный след в истории военной мысли, посвящают анализу стратегии специальные труды. Но предмет и содержание стратегии рассматриваются ими по-разному: тактика действий войск в масштабе театра военных действий, теория

вождения войск, общая теория войны, ее философия. Многообразие трактовок стратегии, кстати, сохраняющееся и в наше время, говорит о сложности предмета, который называется этим словом, и о том, что военная наука, формирование ее разделов и понятийного аппарата все время не успевают за быстрым развитием войны как общественного явления.

Военная область деятельности хотя традиционно и обособлена от невоенной, но не отделена от нее стеной. Между ними идет обмен практическими и теоретическими достижениями, в том числе понятийно-терминологическим

аппаратом. Со временем организационно-практические и теоретические положительные результаты в военном деле по части стратегии оказались пригодными во многих невоенных областях. И они были ими востребованы. В XX в., особенно в его второй половине наблюдается активное заимствование подходов и понятий из военной области, особенно относящихся к стратегии. Последняя награждается множеством эпитетов, указывающих на область ее приложения. В результате, традиционная стратегия становится одним из многих видов стратегии, а именно военной стратегией.

Но это отнюдь не означает, что в других областях до этого вовсе не было деятельности, подобной той, которая присуща военной стратегии. Она была, как она была и в военном деле до появления стратегии как научного понятия. В свое время Наполеон совершенно правомерно адресовал желающих постигнуть суть военной стратегии к изучению опыта великих полководцев древних и последующих веков. Это была мудрая отсылка, свидетельствующая о том, что великий французский государственный деятель и полководец был стратегом не только благодаря особой интуиции, а прежде всего благодаря знанию ее

сущности и глубинных источников ее постижения.

Современное широкое применение понятия «стратегия» в различных областях требует анализа стратегической деятельности, что дает основание для суждения о правомерности или неправомерности его использования.

Стратегическая деятельность предполагает наличие в своем составе следующих составляющих ее элементов:

— во-первых, целеполагания конечных и промежуточных результатов долгосрочной, сложной динамичной деятельности;

— во-вторых, тщательной и

значительной по объему расчетно-прогностической деятельности по достижению поставленных целей;

— в-третьих, активной, изобретательной, масштабной, волевой, оперативной, организационной и мобилизационной деятельности в интересах достижения определенных и обоснованных целей.

О стратегии правомерно говорить тогда, когда в конкретной области человеческой деятельности для ее успеха требуется выделение особой системы деятельности, включающей долгосрочное целеполагание, расчетное прогнозирование и активное

проявление организующей и мобилизующей воли. Стратегическая деятельность необходима там и тогда, где и когда без нее вероятность положительных результатов маловероятна или вовсе невозможна.

Война изначально потребовала такой деятельности. В условиях мира такая деятельность не всегда и не во всех делах требовалась. Но со временем выяснилось, что ее применение в условиях мира весьма плодотворно. Оказалось, что государственная власть, деятельность которой основана на принципах стратегии, дает народу и стране несравненно больше пользы, чем государственная власть, у

которой нет четкой и
непоследовательной стратегии.
Более того, со временем стало
осознаваться, что государственная
власть, не имеющая стратегии или
стратегия которой преследует
авантюрные цели, становится
опасной для общества.

В начале XX в. наблюдается не
только обращение к теории и
практике военной стратегии других
областей, применение в них ее
достижений, но и обращение
талантливых специалистов военной
стратегии к анализу стратегических
подходов в других областях, прежде
всего к стратегии государства. Среди
них растет понимание того факта,

что военная стратегия — только часть стратегии государства. Она тогда эффективна и ее успехи приносят действительную историческую пользу стране, когда сопряжена со стратегией других областей, с более долгосрочной, целенаправленной, многосторонней стратегической деятельностью государства. Именно эту стратегию по ее отношению к военной стратегии Вандам (и не он один) называет высшей стратегией. Она предопределяет место и роль военной стратегии в долгосрочной исторической деятельности государства, охватывающей и сопрягающей мирные и военные

периоды жизни страны. Огромная значимость взаимосвязи между военной и высшей стратегии стала осознаваться в России особенно остро после поражения в русско-японской войне 1904—1905 гг. и в связи с назреванием большой войны в Европе.

В числе тех, кто в то время поднял вопрос о соответствии военной стратегии России ее высшим интересам, которые сегодня принято называть национальными, заметной фигурой был Андрей Евгеньевич Снесарев. Как и А. Е. Вандам он был высококлассным военным разведчиком, знатоком общей и военной истории, тонкостей

политики современных государств, ее открытых и глубоко скрываемых от общественности устремлений и механизмов. Оба они осознавали несоответствие высшим долгосрочным интересам России ее вступление в Антанту, поскольку считали, что это приведет к ее участию в предстоящей большой европейской войне не за свои, а за чужие интересы, главным образом за интересы Британской империи. Снесарев выступил публично против вступления России в Антанту еще в 1907 г., Вандам проявил активность в этом деле в канун первой мировой войны, обнаружив глубокое знание тонкостей вопроса, включая

предположение, что англичане используют Балканы для создания политической интриги, с помощью которой будет развязана эта война с втягиванием в нее России. Высшие стратеги Британской империи знали болевые геополитические точки, воздействие на которые позволяло им косвенно управлять поведением других государств и утилизировать это поведение в своих военно-политических и других интересах. Все это было тайной за семью печатями, но не для таких аналитиков как Вандам и Снесарев. Последний в 20-е годы предложил историкам верный ключ для раскрытия подобного рода тайн —

стратегический метод. К сожалению, он не был услышан, и наука не взяла на свое вооружение это очень ценное открытие.

Следует отметить вклад в анализ проблем высшей стратегии флотского офицера Виктора Яковлевича Новицкого. Он, также как и А. Е. Вандам, безосновательно забыт, даже его биографию пока установить не удалось. Но известны его теоретические работы. Одна из них называется «Высшая стратегия», изданная в Главном Адмиралтействе в 1913 г.¹ В ней автор попытался дать теоретико-методологическое обоснование высшей стратегии во взаимосвязи и взаимодействии с

военной стратегией. По его мнению, «задача высшей стратегии заключается в обеспечении самостоятельного существования и дальнейшего развития государства, в соответствии с его политическими, экономическими, историческими и культурными интересами. Синтез требований к его развитию, в целях возможно полного и согласованного удовлетворения разносторонних интересов, дается политикой, в виде определенной конечной цели...

Рациональность применения войн, подготовки к ним и целесообразность использования их результатов является мерилом ее (высшей стратегии — *И. Д.*)

искусства»².

Этот творческий, постановочный труд остался без внимания, хотя проблемы высшей стратегии и военной стратегии государства были и остаются судьбоносными для страны.

Высшая стратегия интегрирует в себе все направления стратегии государства и в то же время служит основой, базой для конкретных стратегий в различных областях общественно-государственной жизни. Выработка этой стратегии оказалась делом чрезвычайно ответственным и сложным. Не все поколения политиков нашего Отечества оказывались способными

ее разработать и энергично проводить в жизнь в соответствии с возможностями своего времени и интересами не только живущих, но и будущих поколений граждан своей страны.

Структура составляющих и конкретная значимость высшей стратегии государства, как показывает исторический опыт, может меняться в различные эпохи в зависимости от объективных условий и субъективных факторов, внутренней и внешней обстановки и проводимой политики.

Опираясь на работы выше указанных и других авторов, последующий исторический опыт,

современную практику и научные подходы можно определить основные составляющие высшей стратегии как интегральной стратегии государства.

Во-первых, это геостратегия, территориальные устремления, формирование и отстаивание территории страны, территориальные отношения с соседними и всеми другими государствами планеты. Результаты геостратегии в конечном итоге определяют геополитическое положение страны.

Во-вторых, стратегия в области народонаселения, имеющая своей целью достижение желательной с позиций общегосударственных

интересов его общей численности, динамики демографической структуры, расселения по территории страны и т. д.

В-третьих, стратегия духовно-цивилизационного развития общества, сопряжения различных цивилизационных культур в прочное гражданственно-государственное единство общества, организация цивилизационного взаимодействия со всем миром и противодействие внешним цивилизационным экспансиям.

В-четвертых, военно-политическая стратегия государства, выражающая его долгосрочные устремления и задачи в вопросах

войны и мира, отношение к историческому процессу как к мирно-военному, требующему готовности и способности вести войну по собственной или чужой политической воле, а также уклоняться, прекращать войны, заключать в этих целях союзы, создавать коалиции и т. д.

В-пятых, стратегия общественно-политического развития, заключающаяся в утверждении и совершенствовании существующего общественно-политического строя или в установке на эволюционную или революционную его замену другим строем. Из стратегии общественно-

политического развития в самостоятельные стратегические области могут быть выделены производственно-экономическое и научно-техническое развитие страны.

Даже основные стратегические направления высшей стратегии государства нередко трудно согласуются между собою, а часто между ними бывают трудноразрешимые противоречия. Высшая стратегия является почти всегда объектом открытой и скрытой внутренней и внешней политической борьбы. Внутри страны интересы различных общностей и групп (классовых, конфессиальных,

этнических и др.) не всегда совпадают как по отдельным, так и общим целям, силам, средствам и методам реализации высшей стратегии.

Образование Российского государства на пространствах Евразии было объективно необходимым и в то же время противоречивым, особенно сложным с позиций субъективного исполнения. Оно шло как на основе целенаправленной государственной деятельности, так и массовых стихийных процессов.

Все государства (Россия не составляет исключения) как суверены над частью сухопутного,

водного и воздушного пространства планеты создавались двумя путями: 1) стихийного пространственного движения народных масс, формировавших данное государство, и 2) целенаправленной невоенной и военной деятельности уже созданного государства по расширению, закреплению и международно-правовому признанию своей территории. Соотношение и характер этих методов различно в истории различных народов и государств. Но общая тенденция выразилась в неуклонном росте роли государства. Обычно после того, как оно сформировалось, забота о

геополитическом положении, внутренней прочности и международном статусе страны становится важнейшей задачей его стратегии.

Формирование и расширение Российского государства объективно отвечало, во-первых, интересам и безопасности проживаемых на евразийских пространствах этносов. Без объединения в единое государство между ними шли бы бесконечные бандитско-грабительские войны, подобные пиратским разбоям на морях и набегам на прибрежные территории. В Российское государство были включены этносы,

специализировавшиеся на разбойно-грабительских войнах-набегах, и этносы, которые были постоянными жертвами-данниками. Первые включались в состав России методами военного покорения, силового присоединения, вторые — добровольного вступления, нередко в результате неоднократных просьб с надеждой избавиться от агрессии и притеснений соседей. Во-вторых, территориальное расширение государства было обусловлено потребностями создания экономического рынка, стабильной и безопасной созидательной экономической деятельности, включения через посредство

Российского государства в мировые производственно-экономические связи. В-третьих, такой ход государственного строительства отвечал потребностям и интересам духовного развития всех этносов, приобщения их к мировой культуре. Единое государство создавало условия для решения этой сложной проблемы, выводило многие, особенно малые этносы из духовной изоляции на связь с мировыми духовными процессами.

Перечисленные факторы питали центростремительную тенденцию, обеспечивавшую формирование и расширение Российского государства, обеспечили успех

государствообразующей
деятельности русского народа,
активно поддержанной другими
народами. В то же время нахождение
в едином государстве большого числа
компактно или рассредоточено
проживающих различных этносов, но
сохраняющих свою этническую и
конфессиальную принадлежность,
базовые цивилизационные отличия
обуславливало постоянное
существование объективных
предпосылок для возникновения
центробежных процессов,
проявления сепаратистских
настроений и движений. Их всплеск
обычно провоцировался
неблагоприятным ходом

общегосударственного развития или специальными акциями внешних, враждебных Российскому государству сил. В большинстве случаев такое случалось в результате сочетания того и другого.

Наличие противоположных тенденций требовало от Российского государства мудрой, взвешенной и последовательной высшей стратегии и в период его формирования, и его последующего сохранения и развития как стабильного геополитического субъекта мировой истории. К сожалению, такой стратегии не было в прошлом, за исключением отдельных исторических периодов; пока нет ее и в современной России.

Эта стратегия не стала до сих пор предметом широкого обсуждения в науке и публицистике. Ее отнесли к разряду как бы скрытой высшей государственной мудрости.

Но последняя проявлялась не всегда и не всеми государственными мужами нашего Отечества.

Безусловно, достойна
восхищения та настойчивость и
самоотверженность, которую
проявляли русские землепроходцы в
своем желании территориально
прирастить Российское государство.
Они двигались через таежные дебри,
преодолевали морскую стихию,
энергично первыми осваивали
побережье, островную зону северной

части Тихого океана. На обширнейших пространствах азиатского и американского побережья этого океана они в числе первых начали активную хозяйственно-торговую деятельность, но их инициатива не только не получила достойной помощи, поддержки и защиты от центральных российских властей, а даже была приторможена и свернута ее безответственными чиновниками. И дело не столько в их индивидуальных качествах, сколько в отсутствии у государства последовательной долгосрочной высшей стратегии. Это и позволяло чиновникам действовать по своему недальновидному

разумению и обывательским мотивам. Инициативные и по-государственному мыслящие люди действовали на свой страх и риск. Они внесли неоценимый вклад в дело строительства Российского государства. Но их инициатива не всегда поддерживалась, нередко обесценивалась, а то и пресекалась. В результате было упущено время и имевшиеся возможности удержать и занять новые, более выгодные и прочные позиции на тихоокеанском побережье и в других ценных для будущего страны регионах. Как и почему государственные приобретения русских землепроходцев Америке и на

Дальнем Востоке были утрачены, ярко описал А. Е. Вандам.

Удивительное дело, государство, большая часть территории которого находилась на Востоке, политически и хозяйственно более двух веков почти полностью было поглощено Европейскими делами. Здесь Российская государственная власть решила ряд важных исторических задач, относящихся к высшей стратегии. Конечно, это утверждение на Балтийском и на Черном морях, в Закавказье. В тоже время эта власть неоднократно воевала за интересы европейских монархий, которые не только в долгосрочном, но и в текущем отношении не всегда

соответствовали собственным
государственным интересам. Но уже
в начале XIX в. ей показали, что
общественно-политические
интересы государств переменчивы,
носят временный характер.
Фундаментальными являются их
геополитические интересы.
Крымская (Восточная— по западной
терминологии) война наглядно
показала утопизм российского
монархического романтизма.

Поражение в Крымской войне
требовало принципиального
пересмотра старой и разработки
новой высшей стратегии России. Но
дело ограничилось стратегией
преодоления последствий поражения

в этой войне. Долгосрочной стратегии, определяющей цели и задачи государства на многие десятилетия вперед, государство не выработало. Голова двуглавого орла, смотрящая на Восток, по-прежнему пребывала в дреме. Запоздалая попытка в конце XIX — начале XX вв. улучшить геополитическое положение страны на Дальнем Востоке, развить активную хозяйственную деятельность в Тихоокеанском регионе наткнулась на упорное противодействие со стороны Британской империи, Японии и США. В итоге дело кончилось поражением России в войне с Японией в 1904—1905 гг.

Такой ход событий стал одной из важных причин, всколыхнувших российское общество бурными революционными событиями. Но общественно-политическая борьба не способствовала выработке высшей стратегии. Противоборствующие политические силы страны были сосредоточены на разных идеалах общественно-политического устройства, у них были разные стратегии по этому вопросу. Это естественно и допустимо. Но между правящими политическими силами и оппозицией не было согласия по геостратегии, цивилизационной, военно-политической и другим важнейшим составляющим стратегии

государства, которые играют основополагающую роль в существовании страны при любом общественно-политическом строе и режиме власти.

Абсолютизация ценности общественно-политического строя и игнорирование противоборствующими внутренними силами других аспектов стратегии государства представляла опасность для существования страны. Интересы борьбы за власть в интересах общественного строя ставились выше всех других интересов страны, выше интересов сохранения ее целостности и даже самого ее существования.

Для противоборствующих сил внутри страны власть оказалась превыше всего. А в это время в мире шла подготовка к мировой войне. Россия, несмотря на печальный опыт русско-японской войны, не смогла своевременно и верно с позиций своих долгосрочных интересов определить приоритеты высшей стратегии в этой ситуации. Часть общественно-политических сил России в качестве такой стратегии избрала стратегию международных общественно-политических движений. Поражение своей страны в грядущей войне и завоевание власти рассматривалось ими в качестве средства реализации

стратегии этих движений. Но декларации о единой стратегии международных политических движений оказались для участвовавших в них политических партий всех стран лишь благими намерениями. Исключение составили большевики в России и малочисленные группы левых в других странах. Почти все участники этих движений с началом мировой войны признали, что интересы государственной стратегии своих стран в этой войне ценнее антивоенных программных установок, принятых на международных съездах с их участием, а то и по их инициативе.

Только российские большевики оказались верными этим установкам.

Таким образом, в начале XX в. в России ни партия власти, ни сотрудничающие с ней политические партии и группы, ни борющиеся с ней политические партии, масонские и другие организации, явно или скрыто претендующие на власть, или не имели ясной государственной стратегии, или отрицали ее вовсе и заменяли партийной и групповой стратегией международных организаций и движений.

Одновременно за высшую стратегию России шла активная борьба различных внешних сил. Они

пытались повлиять на позицию властных структур России и влиятельных общественных организаций и групп по отношению к готовящейся в Европе войне, в первую очередь к обостряющемуся противоборству между Англией и Германией. Англия, занимавшая враждебную позицию по отношению к России во время ее войны с Японией, стала активно вовлекать ее на роль своего союзника.

Россию втягивали в Антанту не для того, чтобы она стала равноправным членом клуба победителей в предстоящей войне, на что рассчитывали правящие круги империи. Ей отводилась в высшей

стратегии Британской империи роль союзника, обеспечивающего ей гарантию победы над Германией. Когда в 1916 г. для английских разработчиков высшей стратегии стало ясно, что Германия неизбежно потерпит поражение при дальнейшем ведении войны методом измора, для них встал вопрос об избавлении от России в качестве будущего союзника-победителя. Лучшим методом решения этой сложнейшей задачи оказалось свергнуть Российскую империю в революционную смуту. И такая цель оказалась достижимой в результате совместных усилий, внутренних и внешних сил, которые преследовали

разные цели, но средством их достижения все считали разрушение имперского государственного строя России и ее традиционных цивилизационных ценностей.

В этих целях Россия, верно выполнившая свой союзнический долг, пролившая столько крови и вынесшая в течение более двух лет массу военных тягот и бедствий, была тщательно изучена. Были выявлены организации и конкретные лица, способные взять на себя роль идеологов и руководителей перестройки империи в республику на западный манер в условиях близившейся к победному завершению первой мировой войны.

Оказалось, что сделать Россию неспособной к дальнейшему ведению этой войны, заинтересованы как ее противники, так и союзники. Для противников такой ход событий представлял шанс, хотя и маловероятный, уйти от поражения, для союзников, прежде всего Великобритании, избавиться от России-победителя в войне. И в таком случае избавиться от нее как основного геополитического соперника в эпоху послевоенного мира.

Масонское по составу Временное правительство Российской республики, в руках которого оказалась власть в

результате Февральской революции, по своей сущности не могло предложить стране не только приемлемую высшую стратегию, но и обеспечить достойный выход из войны. Оно было в состоянии только разрушить более чем двухсотлетнюю имперскую государственную систему. В принципе, внешним силам большего от него и не требовалось.

Вся государственная стратегия Временного правительства заключалась в замене российского традиционализма в государственной, общественной и духовной жизни западным либерализмом. Эта стратегия была обречена на крах в

мирных условиях, только тогда, вероятно, на это ушли бы годы, в условиях войны это произошло в течение нескольких месяцев.

Крах стратегии либерализации России обеспечил взятие власти самыми левыми оппозиционными силами, боровшимися за власть под лозунгами мировой революции, превращения мировой империалистической войны в войну гражданскую, непримиримой борьбы с национализмом и сепаратизмом внутри страны. Эти силы оказались неоднородными по своим стратегическим устремлениям. Вначале в их среде возобладала позиция на немедленную мировую

революцию. Следовательно, государственная стратегия полностью заменялась международной партийной стратегией. Это была во всех отношениях авантюрная стратегия. Ход реальных исторических событий быстро показал ее несостоятельность. И она была заменена на стратегию борьбы за Советскую Россию как базу мировой революции. Тем самым государственная стратегия из партийной превращалась в партийно-государственную. Затем она трансформируется в государственно-партийную при введении НЭПа, с установкой власти

влиять на ход мирового революционного процесса хозяйственными успехами, а не прямым в нем участием. Вся последующая внутрипартийная борьба в СССР будет проходить в сущности по вопросу: какую стратегию должна проводить государственная власть — партийно-государственную или государственно-партийную? Во внутрипартийной борьбе победили государственники. В 20-е годы они выработали государственную партийную стратегию долгосрочного развития страны посредством пятилетних планов. Этого настойчиво требовала и военная

стратегия, которая диктовалась международной военно-политической обстановкой.

Интересы существования страны и сохранения власти не только требовали усиления акцента на государственную составляющую стратегии, но и жесткого подчинения ей партийной стратегии, даже временного отказа от некоторых целей и принципов. Это произошло в канун и в начале второй мировой войны.

С началом Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. идет дальнейшее огосударствление советской высшей стратегии. Лозунг «Пролетарии всех стран,

соединяйтесь!» заменяется лозунгом «За нашу советскую Родину!». Война СССР с фашистской Германией и ее союзниками требовала снятия некоторых установок партийной стратегии и подчинения ее всецело интересам военной стратегии государства. Последняя привела страну к победе в этой войне.

В результате второй мировой войны Советский Союз реализовал ряд важных задач своей геостратегии. На востоке он вернул Южный Сахалин и Курильские острова, на западе была решена проблема Восточной Пруссии — генератора геополитических агрессивных устремлений Германии

на Восток, почти во всех соседних европейских странах, которые освобождала от фашистов Советская Армия, утвердились дружественные Советскому Союзу правящие режимы власти.

Сложившаяся в результате второй мировой войны ситуация на планете, в Советском Союзе и вокруг него объективно требовали от государственного руководства существенного пересмотра, по существу выработки новой высшей стратегии. Западных союзников СССР по второй мировой войне не устраивало занятое им геополитическое, военно-политическое и общественно-

политическое положение в Восточной Европе, на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии, тем более стремление его закрепить и упрочить.

Произошло столкновение двух высших стратегий, породившее невиданную по масштабам и ожесточению военно-политическую конфронтацию, вскоре переросшую в нетрадиционную мировую войну, которую называли «холодной войной». Время и результаты показали, что это была не метафора, а по своим подлинным целям настоящая война, только велась она новыми методами. Но советское государственное руководство не поняло нового

характера войны и не смогло выработать соответствующую стратегию ее ведения. Высшая стратегия Советского Союза не отвечала условиям и задачам холодной войны, была непоследовательной, существенно менялась при каждой смене первых лиц в партийно-государственном руководстве.

История последних десятилетий XX в. может служить одним из убедительных доказательств того, что высшая стратегия великих держав определяет сценарии исторического процесса бытия народов и государств. От этих сценариев серьезно зависит их место на сцене

мировой истории и те роли, которые им приходится играть на этой сцене.

Люди сами творят свою историю. Давно замечено, что они авторы и актеры своей драмы. Только авторство и роли эти очень различаются.

Большинству достаются безликие роли в буйных массовых сценах или роли пассивных статистов на обочине и вдали от определяющих ход общественной истории событий.

Человеческая жизнедеятельность подчинена общественным законам, о существовании которых давно объявила наука, но никак не может их точно установить. Дело в том, что

законы эти имеют объективно-субъективный характер. Диапазон человеческой субъективности очень широк и подвижен. От нее зависят (в пределах от 0 до 100 процентов) использование людьми имеющихся у них возможностей определять содержание, цели и результаты своей жизнедеятельности.

Сегодня мы являемся свидетелями поражения советской высшей стратегии и торжества высшей американской стратегии. Пока еще не ясно, в какой мере это поражение предопределено неверными целями, неэффективными и непоследовательными методами

реализации советской высшей стратегии и в какой мере это поражение является результатом холодной войны.

Несомненно, что в обвальном, сокрушительном поражении советской высшей стратегии не последнюю роль сыграла мессианская претензия М. С. Горбачева на выработку принципиально новой высшей стратегии Советского Союза на основе «нового политического мышления для страны и всего мира». Эти претензии получили активную и всестороннюю могучую поддержку внешних сил и либерально настроенных кругов внутри страны.

В итоге была сформирована стратегия изменения мира методом разрушения своей страны, демонтажа ее исторического потенциала и обеспечения удивительно легкой, просто подаренной противнику победы в холодной войне. Даже если оценивать результаты этой стратегии с позиций полного национально-государственного альтруизма, она не изменила ситуацию на планете к лучшему, как об этом часто заявляли политики. Все выгоды капитулянтского завершения холодной войны достались в основном одной стране — США. Это усилило национально-эгоистические и диктаторские мотивы и без того

сильные в высшей стратегии этого государства.

Свидетельством тому является курс на утверждение однополюсного военно-силового мира на XXI век, расширение НАТО на восток, циничные полицейско-силовые акции против других стран, правительства которых не приемлют американский диктат, стремление сломать сбалансированные бессрочные военно-политические договоренности прежних лет.

Руководящая группа тех общественно-политических сил, которые в начале 90-х годов осуществляли демонтаж Советского Союза и формировали на территории

бывшей РСФСР нынешнюю Российскую Федерацию, не имела созидательной стратегии. Она имела только задачи: в кратчайшее время разрушить партийно-советскую систему власти и общественных отношений, прежде всего сложившиеся отношения собственности и поставить новое государство в колею «мировой цивилизации». О собственной цивилизации, как и в 1917 г., речь не велась. Страна ставилась в зависимость и отдавалась на милость западной цивилизации, точнее ее американскому варианту.

Такая установка могла привести страну или к полному ее

разрушению, или к полной зависимости от внешней стратегической установки. В течение десятилетия имело место то и другое. Потерпела полный крах стратегия преобразования России по западным образцам и рецептам. Страна пришла в упадок и начала быстро вырождаться. Ее историческая судьба в XXI в. будет зависеть от того, какую высшую стратегию выработают общество и государство, и как она будет воплощаться в повседневной жизни ее народами. Ясно одно, что ближайшей задачей этой стратегии, т. е. на два-три десятилетия нового века должна стать задача

национально-государственного
выживания, совершение
необходимого перелома в духовном,
демографическом, социально-
экономическом и общественно-
политическом развитии страны.

Народу должна быть предложена
верная и понятная государственная
стратегия, осуществление которой и
решит вопрос: быть или не быть
России на сцене мировой истории, в
конце ХХІ в., если быть, то какой?

Выработка всеохватывающей
общественно-государственной
стратегии не должна всецело быть
отдана на откуп политике, ее
организациям и институтам.
Определение целей высшей

стратегии — это задача, прежде всего, мировоззренческих, научных и законодательных институтов, организаций и учреждений. Функция политики по отношению к высшей стратегии должна сводиться главным образом к исполнительному характеру. Исторический опыт убеждает в том, что монополия политики в разработке и реализации высшей стратегии таит опасность проявлений авантюризма, безответственности и беспринципных манипуляций в делах управления ходом общественного развития. Высшая стратегия определяет судьбу народа и страны. И к ее определению следует

относиться как к выбору общественной судьбы, т. е. судьбы всех и каждого.

Пока же высшая стратегия еще не стала важным предметом научных исследований, хотя Вандам с сотоварищами обратил на это внимание своих соотечественников еще в начале XX в. Пора принять во внимание это обращение. Историческая обстановка требует и повелевает. Пора разорвать порочный круг, в котором политическая власть рассматривает стратегию государства как стратегию «для себя». Высшая стратегия — это стратегия для вечного существования народа и страны, обеспечения их

безопасности и процветания. Только такая стратегия представляет собой высшее из искусств и высшую ценность из всех общественных ценностей.

Профессор И. С. Даниленко

ПРИМЕЧАНИЯ

Образцов И. **Забытое имя**

¹ Все события до 1918 г. датируются по старому стилю.

² *Шубин Г. В.* Участие российских подданных в англо-бурской войне (1899—1902 гг.). М.: Институт Африки РАН, 1999. С. 21—22.

³ См.: *Шубин Г. В.* Указ. соч..

⁴ РГВИА. Ф. 401. Д. 5, док. 41.

⁵ Новое Время. 1900. 5 февраля.

⁶ РГВИА. Ф. 2347. Оп. 1. Д. 437.

⁷ Сведения об этом персонаже получены от Г. В. Шубина.

⁸ *Вандам А.* Наше положение. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1912. 204 с.

⁹ *Вандам А.* Величайшее из искусств. Обзор современного международного положения при свете высшей стратегии. СПб.: Типография товарищества А. С. Суворина; «Новое время», 1913. 53 с.

¹⁰ *Нартов Н. А.* Геополитика: Учебник для вузов. М.: ЮНИТИ, 1999. С. 11 —12.

¹¹ Наст. изд. С. 30.

¹² Наст. изд. С. 154.

¹³ Наст. изд. С. 29.

¹⁴ *Демолен* Э.

Аристократическая раса /Пер. с фр.

А. Вандама. СПб.: Типография товарищества А. С. Суворина, 1906. 218 с.

Рейх Эмиль. Современная Германия /Пер. с англ. А. Вандама. СПб.: Типография товарищества А. С. Суворина, 1908. 122 с.

[Репингтон Чарльз]. Будущая война на суше и на море. Из «Essays and Criticisms» военного сотрудника

261

«The Times» извлек А. Вандам. СПб.: Типография товарищества А. С. Суворина «Новое время», 1913. 101 с.

Эбергарт Изабелла. Тень ислама / Пер. с англ. А. Е. В. [А.Вандама]. В 2-х частях. СПб.: Типография

товарищества А. С. Суворина, 1913 [возможно книга была только подготовлена к изданию, но не издана, так как в российских библиотеках обнаружить ее не удалось].

¹⁵ *Смирнов К. К.* Начало Северо-Западной армии // Белое дело. Берлин: Медный всадник, 1926. Кн. 1. С. 124.

¹⁶ Наст. изд. С. 186.

Наше положение

Публикуется по изданию: *Вандам А.* Наше положение. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1912.

Все географические названия даются по оригиналу.

¹ В современной транскрипции

Альфред Т. Мэхен.

² *Парижская Коммуна 1789—1794* гг. как орган городского самоуправления — в отличие от Парижской Коммуны пролетарского правительства 1871 г.

³ *Монтаньяры* — революционно-демократическое крыло Конвента, представлявшее якобинцев.

Величайшее из искусств
Публикуется по изданию:
Вандам А. Величайшее из искусств. Обзор современного международного положения при свете высшей стратегии. СПб.: Типография товарищества А. С. Суворина «Новое время», 1913.

Письма о Трансваале

Поиск и отбор материалов произведен Г. В. Шубиным. Публикуется с небольшими сокращениями по изданию: «Новое Время». СПб., 1899: 29 октября (10 ноября); 7 (19) ноября; 1900: 2 (14) февраля; 5 (17) февраля; 4 (16) мая; 7 (20) мая; 8 (21) мая; 9 (22) мая; 12 (25) мая; 14 (27) мая; 1 (14) июня; 5 (18) июня; 30 июля (12

262

августа); 10 (23 августа); 1(14) сентября; 2(15) сентября; 19 ноября (2 декабря).

Восемь очерков, опубликованных в «Новом времени» в период с 4 мая по 5 июня 1900 г.

после возвращения А. Е. Едрихина (Вандама) из Южной Африки.

На основе публикаций в «Новом Времени». 1900. 25 июля (7 августа); 10 (23 августа) 1900 г.

¹ Число иностранцев по другим сведениям было меньше, но все равно превосходило число буров.

Даниленко И. **Высшая стратегия и судьбы Отечества**

¹ *Новицкий В.* Высшая стратегия. СПб., 1913. Типография Морского Министерства в Главном Адмиралтействе. 97 С.

² Там же. С. 1.

именной указатель

Абдул-Хамид II (тур. султан) 104

Александр I (рос. император) 133

Александр II (рос. император)

Александр III (рос. император) 8)

Александр Михайлович (великий князь) 13

Амштедт (нем. дипломат) 135

Армфельд (швед, дипломат) 135

Астор Джон (амер. гос. деятель)

34, 36

Банлей, лорд (англ. масон)

Баранов Александр Андреевич

(правитель рус. поселений в Америке) 35—38, 51

Барклай-де-Толли М. Б. (рус. генерал-фельдмаршал) 17

Беверадж Уильям Генри (англ. полит, деятель) 88

Берг Федор Федорович (рус. генерал) 42

Беринг Витус Ионассен (рус. мореплаватель) 32, 33, 40, 82

Бертье Луи Александр (франц. военачальник) 136

Бисмарк Отто (нем. полит, деятель) 151

Блэк (англ. адмирал) 108

Богданович М. И. (рус. воен. теоретик) 237

Бодэн Жан (франц. философ) 19

Бокль Г. (англ. историк) 19

Бота Луис (бурск. генерал) 214, 216, 220

Брунсвикский герцог (австр. военачальник) 114

Брюис (франц. адмирал) 123

Буллер Р. Х. (англ. генерал) 190, 220, 221, 227

Бурбоны (франц. корол.
династия) 126, 142, 143

Бэкон (англ. философ) 163

Бюлов Адам фон (прусск.
воен.теоретик) 237

Вандам Д. (франц. полководец)
17

Ван Дамм (бурский
военачальник) 17, 18

Ванкувер Джордж (англ.
мореплаватель) 34

Васко да Гама (порт,
мореплаватель) 75

264

Велери (итал. дипломат) 182

Веллингтон Артур Уэсли (англ.
гос. деятель) 88

Венизелос Элефтериос (греч.

гос. деятель) 164

Венуков (рус. чиновник) 71

Вернио Пьер Виктюрнъен

(франц. рев. деятель) 114

Вестерман (франц. рев. деятель)

115

Вильгельм I (герм, император)

146, 151, 177

Вильгельм II (герм, император)

151

Вильмсен (бурск. солдат) 225

Вильнев (франц. адмирал) 129

Винценгероде (прус, дипломат)

135

Вольцоген (прус, дипломат) 135

Гаврилов (рус. поручик) 42

Гагемейстер Леонид

Андрианович (рус. военачальник) 38

Газенвиды (тюрк, династия) 58

Гамильтон (лорд, англ. масон)

93

Гарибальди Джузеппе (итал.

полит, деятель) 94, 145

Гедин Свен Андерс (швед,

путешеств.) 147

Гей Джон (амер. гос. деятель)

106

Гентри (англ. масон) 93

Гермоген (иеромонах) 63

Герцль (идеолог сионизма) 96

Гесс (евр. мыслитель) 95

Гиддингс Франклин (амер.

социолог) 88

Глазенап П. В. (генерал) 25

Головин Федор Алексеевич (рус.

гос. деятель, дипломат) 71, 72

Горбачев Михаил Сергеевич 257
Гордон (англ. майор, масон) 80,

93

Грей (мореплаватель) 34

Гумбольт А. фон (нем. географ)

19

Данилевский Н. Я. (рус. публицист и социолог) 19

Дантон Жорж Жак (фр. рев. деятель) 114, 119

Дервенсватер, лорд (англ. гос. деятель) 93

Джавид-бей (масон) 104

Джеймсон (англ. заговорщик)
208, 210

Диллон (фр. генерал) 114

Дмитрий Донской (рус. князь)

55

Дредж Джофри (англ. писатель)

149

Дюи (амер. генерал) 87

Дюмурье Шарль Франсуа

(франц. генерал) 115

Ермак Тимофеевич (рус. казач. атаман, покоритель Сибири) 31, 62

265

Ефрем (иран. полит, деятель)

103

Жомини Антуан Анри (воен. теоретик и историк) 237

Жубер Петрус Якобус (бурск. генерал) 196, 212, 213, 216, 220, 222

Зиновьев (рус. чиновник) 61, 62, 65, 71

Иакинф (иеромонах) 78

Иван I Калита (рус. Вел. князь)

Иван IV Грозный (рус. царь) 56

Иен (япон. династия) 57

Изеней (маньчж. князь) 61, 70

Инграгам (мореплаватель) 34

Йоркский герцог (англ.

военачальник) 123

Кавур Камилло Бенсо (итал.

полит, деят.) 94, 144

Кавтарадзе А. Г. (воен.

историк) 16

Кадуаль Жорж (франц.

контрреволюц.) 128

Калейран (лорд, англ. масон) 93

Калишер (евр. раввин) 95

Канси Сюань Е (кит. император)

Капетинги (франц. династия)

III, 147

Карассо Эмануэль (масон) 104

Карл X Густав (швед, король)

143

Карл Мартелл (правитель франк, гос-ва) 88

Карно Лазар Никола (франц. рев. деятель) 122

Квадра (мореплаватель) 34

Келлер (граф) 24

Кендрик (мореплаватель) 34

Керзон Джордж (англ. гос. деятель) 160, 182

Кидд Бенджамин (англ. философ) 87

Китченер Гораций Герберт (англ. военачальник) 221

Клаузевиц Карл фон (воен.

теоретик и историк) 19, 237

Клебер Жан Батист (фр.
военачальник) 124

Колумб Христофор
(мореплаватель) 75

Колычев (рус. дипломат) 126

Корнилов Владимир Алексеевич
(рус. в/мор, деятель) 144

Кошут (масон) 94

Кронье (бурск. генерал) 222

Крюгер Стефанус Йоханнес
Паулус (бурск. гос. деятель) 196, 206,
208, 211

Кублай (хан) 57

Кук Джеймс (англ. мореплав.) 34
266

Кулидж Калвин (амер. гос.
деятель) 34

Куропаткин Александр

Николаевич (рус. воен. деятель) 11,
13, 14, 178

Кутузов М. И. (рус. полководец)

135

Легран Ж. (франц. философ) 95

Леер Генрих Антонович (рус.

воен. теоретик и историк) 237

Лежандр Адриен Мари (франц.

рев. деятель) 114

Леклерк Теофиль (фр. рев.

деятель) 127

Леонтьев К. Н. (рус. философ)

19

Лесовский С. С. (рус. адмирал)

81

Либерскахне (бурск. солдат) 225

Липерт (юж.-афр. деятель) 211

Лихунчанг (кит. гос. деятель) 85

Ллойд Генри (англ. воен.

теоретик) 237

Лобанов-Ростовский Алексей

Борисович (рус. гос. деятель,

дипломат) 61

Логинов (рус. чиновник) 71

Луиза (прусс. королева) 130

Людовик XVI (франц. король)

111, 112, 114—116

Людовик XVII (франц. принц)

Людовик-Наполеон Бонапарт —

см. Наполеон III

Мадзини Джузеппе (итал. полит,

деятель) 94

Мак (военачальник) 129

Макиавелли Н. (итал.

мыслитель) 19

Маккормик Фредерик (англ. писатель) 102

Марат Жан Поль (франц. рев. деятель) 114

Маркс Карл (нем. философ) 97, 100

Медем Николай Васильевич (рус. воен. теоретик) 237

Мейер Лука (бурск. генерал) 220

Меньшиков М. О. (рус. писатель) 157

Меттерних К. (австр. гос. деятель) 143

Мидендорф Александр Федорович (рус. путешественник) 78

Мидлэссексий герцог (англ. масон) 93

Мильнер Альфред (англ. колон,

чиновник) 211

Милютин Д. А. (рус. гос. и воен.
деятель) 19

Миних Бурхард Кристоф (рус.
гос. деятель) 93

Мирабо Оноре Габриель (франц.
рев. деятель) 113

Мирес (мореплаватель) 34

Мишо (франц. дипломат) 135
267

Моисей (предв. израильск.
племен) 52

Мольтке Х. И. (нем. воен.
деятель) 19

Момелон (англ. масон) 93

Монро Джеймс (амер.
президент) 38, 106

Монтескье Ш.-Л. (франц.

философ) 19

Монтефиоре Моисей (евр. деятель) 95

Морган Пирпонт (англ. предпринимат.) 105

Мориер Роберт (англ. дипломат) 148, 164 *Морисон* 183

Моро Жан Виктор (франц. военачальник) 126

Мохаммед-Али (иран. шах) 103

Муравьев Николай Николаевич (рус. гос. деятель) 47—49, 78, 79

Мэхен Альфред (англ. воен.-морской теоретик) 19, 88, 91

Наполеон I Бонапарт (франц. император) 94, 107, 122—138, 142, 143, 167, 172

Наполеон III (франц. император)

94, 143—146

Нахимов Павел Степанович (рус. флотоводец) 144

Невельской Геннадий Иванович (рус. адмирал) 42, 43, 46, 49, 78

Нельсон Горацио (англ. флотоводец) 123, 129

Нессельроде Карл Васильевич (рус. гос. деятель) 41, 42, 78

Никита Черниговский (рус. предводитель казаков) 63

Николай I (рос. император) 41, 141

Николай II (рос. император) 13

Новицкий Виктор Яковлевич (рус. офицер и воен. теоретик) 242

Нурачу (тунгус, князь) 57, 58, 80

Обухов (воевода) 63

Окума Сигэнбоу (японск. гос. деятель) 86

Павел I (рос. император) 123, 126

Пайк Альберт (англ. масон) 94

Пальмерстон (лорд, англ. масон) 94, 143, 149, 164

Пашков (воевода) 65

Пелопид (др.-греч. полит, деятель, полководец) 196

Перри Мэтью К. (амер. воен.-мор. деят.) 45, 48

Петр I (рос. император) 32

Питт Уильям младший (англ. премьер-мин.) 109, 110, 114, 116, 122, 123, 126, 130

268

Пишегрю Шарль (фр. полит,

деят.) 128

Полевой (журналист) 41

Поллок Фредерик (англ. юрист)

107

Поццо ди-Борго (итал.

дипломат) 135

Поярков Василий (рус.

землепроходец) 60, 64

Путятин Ефим Васильевич

(рус. мореплаватель и дипломат) 42,

48

Равенштейн С. Ван (гом. полит,

деятель) 50, 79

Ратацци (итал. масон) 94

Рейц (южно-афр. гос. деятель)

209

Рем (брат Ромула) 52

Римский-Корсаков А. М. (рус.

воен. деятель) 123

Риттер К. (нем. географ) 19

Робертс Ф. С. (англ. воен. деятель) 158, 184, 216, 221, 227

Робеспьер Максимилиан (франц. рев. деятель) 119, 120

Родс Сесил Джон (англ. колон, деятель) 207, 208, 210

Романовы (династия) 41

Ромул (основатель и первый царь Рима) 52

Рутченко Н. Н. (воен. историк) 23

Сантэр (франц. рев. деятель) 114

Сброявакка (итал. граф) 182

Семенов-Тянь-Шанский В. П. (рус. георграф) 19

Сиейсс Эммануэль Жозеф
(франц. рев. деятель) 125

Смирнов К. К. (подполковник)
23, 24

Снесарев А. Е. (сов. воен.
теоретик) 19, 240—242

Соллогуб В. У. (генерал-
лейтенант) 11

Солсбери (Салюсбери) Артур
Толтт (лорд) 209

Сонг (династия) 57

Стенбок П. М. (генерал) 22

Степанов Онуфрий (казацкий
атаман) 6/—63, 65

Стоке (англ. майор) 147

Стратмор (граф, англ. масон)

93

Стронг Джозайя (англ.

писатель) 88

Суворин А. С. (гл. редактор) 19,
21

Суворов Александр Васильевич
(рус. полководец) 123

Сунь Ят-Сен (кит. рев. деятель)

Сьюорд Уильям (сенатор) 45

Талейран Шарль Морис (франц.
гос. деятель) 133

Тамерлан (Тимур) (ср.-аз. гос.
деятель, полководец) 58

Толбузин Алексей (воевода) 64,
68

269

Уайт Уильям (англ. вое-нач.,
дипломат) 148, 164, 183, 209,
212, 213, 216, 217, 220

Уилтон Роберт (англ. дипломат)

Уослей (англ. лорд) 232

Фелпс В. Д. (амер. дипломат) 83

Филипп II (исп. король) 167

Филипс (капитан, англ. масон)

93

Фулман (англ. масон) 93

Хабаров Ерофей Павлович (рус. землепроходец) 60, 61, 64, 65, 70

Чатам Питт Уильям Старший (англ. лорд) 109

Чаффи (амер. генерал) 104

Чемберлен (англ. гос. деятель)

204

Чернышов А. И. (рус. воен. и гос. деятель) 42

Чингиз-хан (монголск. хан) 55, 57, 69

Чириков Алексей Ильич (рус. мореплаватель) 33

Шелехов Григорий Иванович (рус. мореход, купец) 34, 35, 51

Ши-Гуань-ди (кит. император) 57

Шпенглер Освальд (нем. философ) 19

Шуазель Этьен Франсуа де (франц. гос. деятель) 167

Шубин Г. В. (рос историк) 12

Шустер Морган (амер. гос. деятель) 103, 147

Эбер Жан Рене (франц. рев. деятель) 119

Эпаминонд (др.-греч. полководец и политич. деятель) 196

Языков (рус. воен. историк) 237

Якоби

(селенгинский

комендант) 78

СОДЕРЖАНИЕ

От

издательства

5

Обручев

И.

Забытое

имя

7

Наше

положение

27

Величайшее из искусств

(Обзор современного положения

в

свете

высшей

стратегии)

155

Письма

о

Трансваале

187

Даниленко И.

Высшая стратегия и судьбы
отечества 235

Примечания
261

Именной
указатель
264

Вандам (Едрихин) А. Е.
ГЕОПОЛИТИКА И
ГЕОСТРАТЕГИЯ

Оформление Л. Л. Михалевича
Редактор О. Г. Гусева Корректор
М. В. Лушина

Лицензия ИД № 03993 от
12.02.2001 г.

Подписано в печать 04.02.2002 г.
Формат 70x100/32, объем 11,05

усл. печ. л.

Печать офсетная, бумага
офсетная № 1.

Тираж 3000 экз., заказ 5531

ООО «Кучково поле»

140185, Московская обл.,
г.Жуковский.

Офис в Москве: ул. Петровка,
26, оф. 328.

тел. 921-21-94. E-mail:
kuchkovopole@mail.ru

Отпечатано в полном
соответствии

с качеством представленных
диапозитивов

в ОАО «Можайский
полиграфический комбинат»

143200, г. Можайск, ул. Мира,

Е.А.Вандам

ГЕОПОЛИТИКА

И

ГЕОСТРАТЕГИЯ

"Главным противником англосаксов на пути к мировому господству является русский народ.

Полная удаленность его от мировых торговых трактов, т.е. моря, и суровый климат страны обрекают его на бедность и невозможность развить свою деловую энергию.

Вследствие чего, повинуюсь законам природы, расовому инстинкту, он неудержимо стремится к югу, ведя наступление обеими оконечностями своей длинной фронтальной линии."

А.Е. Вандам

.